

**УИЛЬЯМ
ГРЕЙВС**

США ПРОТИВ
КРАСНЫХ
И БЕЛЫХ

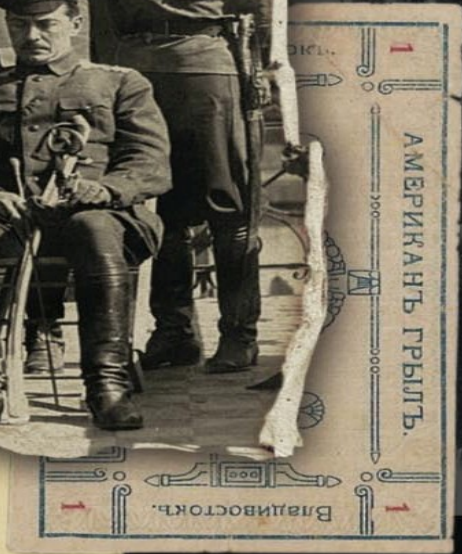
ДОВОКАХЪ.

РАЖДАНЕ!

American A

ВОСПОМИНАНИЯ
КОМАНДУЮЩЕГО
ЭКСПЕДИЦИОННЫМ
КОРПУСОМ

**АМЕРИКАНСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ**

**В СИБИРИ 1918
1920**

Annotation

Командующий американским экспедиционным корпусом в Сибири во время Гражданской войны в России генерал Уильям Грейвс в своих воспоминаниях описывает обстоятельства и причины, которые заставили президента Соединенных Штатов Вильсона присоединиться к решению стран Антанты об интервенции, а также причины, которые, по его мнению, привели к ее провалу. В книге приводится множество примеров действий Англии, Франции и Японии, доказывающих, что реальные поступки этих держав существенно расходились с заявленными целями, а также примеры, раскрывающие роль Госдепартамента и Красного Креста США во время пребывания американских войск в Сибири.

- [Уильям Грейвс](#)
  -
  - [Предисловие](#)
  - [От автора](#)
  - [Цели военной интервенции в Сибирь](#)
  - [Помощь чехам](#)
  - [До перемирия](#)
  - [После подписания перемирия](#)
  - [Мобилизация](#)
  - [Железнодорожное соглашение](#)
  - [Признание Колчака](#)
  - [Япония, казаки и антиамериканизм](#)
  - [Революция Гайды](#)
  - [Разгром](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)

- 1

Уильям Грейвс
Американская интервенция в Сибири.
1918–1920. Воспоминания
командующего экспедиционным
корпусом

© ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *

Предисловие

В начале 1918 года президент Вильсон сказал мне, что его склоняют к тому, чтобы американские войска совместно с силами союзников предприняли экспедицию на север России и в Сибирь, и попросил меня подумать, что ему следует ответить французам и британцам. В качестве аргумента в пользу данного предприятия приводился тот факт, что в окрестностях Архангельска располагаются очень крупные военные склады, которые могут попасть в руки немцев, если их не защитят союзнические силы. Кроме того, значительная часть проживающих на севере России людей остается верной союзническим обязательствам и готова присоединиться к силам союзников, чтобы снова организовать Восточный фронт или по меньшей мере оттянуть на Восток существенную часть германских войск. Что же касается Сибири, одной из причин было то, что значительный контингент чешских солдат откололся от австрийской армии, воевавшей на Восточном фронте, и теперь направляется через Сибирь во Владивосток с целью перебраться из этого порта морем во Францию и снова вступить в войну на стороне союзников. Сообщалось, что эти чехи недостаточно хорошо вооружены и к тому же испытывают нехватку продовольствия, чтобы проделать такой переход, и их необходимо защитить от отрядов германских и австрийских пленных, которые после Октябрьской революции в России были выпущены из лагерей для военнопленных и теперь под командованием немецких офицеров превратились в хорошо организованные и боеспособные отряды, нацеленные на то, чтобы, захватив военные склады русских, предоставить их в распоряжение Германии и Австрии, а также преследовать русских, содействующих союзникам. Кроме того, говорилось, что жертвы, принесенные Россией во время войны, дают ее народу право на любую возможную помощь, которую союзники могли бы оказать в поддержании порядка и становлении новых общественных институтов. Это соображение уже привело к отправке в Сибирь так называемой комиссии Стивенса, призванной содействовать в восстановлении работы жизненно важных для этой территории железных дорог.

Несколько дней спустя мы с президентом обсудили этот вопрос во всей его полноте. Я высказал точку зрения своих армейских коллег, что война на Западном фронте должна быть выиграна и что для достижения максимально быстрого успеха необходимо предпринять все возможные усилия, чтобы сконцентрировать там максимальное количество войск, обеспечив численное превосходство, тогда как распределение их по нескольким театрам военных действий приведет, в лучшем случае, к отсрочке окончательной победы, не давая возможности достичь существенных результатов ни на одном из направлений. Мои доводы произвели на президента такое сильное впечатление, что он послал за начальником штаба и обсудил с ним возможность успешного восстановления Восточного фронта и влияние предлагаемой экспедиции на боеспособность союзных армий на Западном фронте. Во время нашей третьей беседы президент сказал мне, что удовлетворен единодушием военного ведомства, однако по причинам отличным от чисто военных чувствует себя обязанным принять определенное участие в обеих экспедициях. Обстоятельства, подвигнувшие президента к такому решению, были дипломатическими, и я воздержался от их обсуждения. В то время я полагал – и не изменил мнения позже, – что ситуация, как она была ему представлена, оправдывала такое решение, однако последующие события в обоих случаях полностью подтвердили справедливость мнения Генерального штаба.

Сибирская экспедиция, описанная генерал-майором Уильямом Грейвсом, командовавшим американским экспедиционным корпусом, была наиболее важной из этих двух предприятий и почти ежедневно порождала ситуации столь же щекотливые, сколь и опасные. До определенной степени – хотя, должен признаться, далеко не полностью – мы это предвидели, и предложенное начальником штаба генералом Марчем назначение генерала Грейвса на должность командующего американским контингентом встретило мое немедленное и полное одобрение. Когда я был назначен военным министром, генерал Грейвс служил секретарем Генерального штаба, так что я находился с ним в постоянном контакте. Благодаря этому я знал его как уверенного в себе, образованного и прекрасно подготовленного военного, обладавшего здравым смыслом, скромностью и преданностью – качествами, наиболее

востребованными в тех многочисленных сложных ситуациях, которые я мог предвидеть. После завершения этого удивительного предприятия я более чем удовлетворен сделанным нами выбором американского командующего. Опрометчивый, непоследовательный офицер на посту командующего американскими силами в Сибири мог с легкостью создать ситуации, требующие несоразмерных военных усилий со стороны союзников, и особенно со стороны Соединенных Штатов, и мог доставить нашей стране самые нежелательные сложности. Возможности их возникновения встречаются едва ли не на каждой странице нижеследующего повествования.

Генерал Грейвс приводит, например, так называемые *Aide Memoire*, написанные президентом Вильсоном, которые, как подтверждает генерал, я собственноручно передал ему на железнодорожном вокзале Канзас-Сити. Поскольку я был прекрасно осведомлен о тех ограничениях, которые президент наложил на участие американских сил в сибирской операции, как и о причинах, по которым наше правительство решило в ней участвовать, мне не хотелось, чтобы генерал Грейвс отбыл из страны, предварительно не встретившись со мной лично. Во время этой встречи я хотел обратить его особое внимание на некоторые трудности, с которыми он может столкнуться, и на особую твердость, которой президент ожидал от него в вопросе следования вышеозначенной политической линии. В связи с этим я предпринял инспекционную поездку в Левенвортскую военную тюрьму и отправил генералу Грейвсу приказ встретиться со мной в Канзас-Сити, что позволяло ему избежать задержки в приготовлениях к отъезду, которые бы непременно возникли, если бы ему пришлось приезжать ко мне в Вашингтон. К несчастью, его поезд опоздал, и наша встреча оказалась короче, чем я планировал, однако и этого времени хватило. С того дня и до возвращения Сибирской экспедиции назад в Соединенные Штаты генерал Грейвс неукоснительно следовал политике правительства, невзирая на сложные и зачастую возмутительные обстоятельства. В Вашингтоне мне нередко приходилось слышать от военных атташе союзников, а иногда и от Государственного департамента критические замечания в отношении генерала Грейвса и обвинения в нежелании сотрудничать. Однако когда я просил предоставить мне подробную информацию, неизменно убеждался в том, что приписываемые генералу неудачи не что иное,

как его отказ отступить от буквы и духа данных ему предписаний. В июне 1919 года я встретился с президентом Вильсоном в Париже, и он рассказал мне о представлениях, сделанных ему со стороны Франции и Британии, в которых они сетовали на упрямство генерала Грейвса, его тяжелый характер и неспособность к сотрудничеству. Однако когда я напомнил президенту политическую линию, изложенную в его Aide Memoire, и посвятил в детали аналогичных жалоб, поступавших ко мне в Вашингтоне, мне удалось убедить его в том, что генерал Грейвс полностью верен его политике перед лицом желания части союзного командования превратить Сибирскую экспедицию в военную интервенцию и вмешательство во внутренние дела России, против чего президент возражал с самого начала. В завершение нашей встречи президент улыбнулся и сказал: «Полагаю, это старая история, Бейкер. Люди часто получают репутацию упрямцев только потому, что постоянно оказываются правы». Так или иначе, но и в то время, и потом президент полностью одобрял поведение генерала Грейвса. И если на поверку Сибирская экспедиция оказалась неоправданной, если в результате не удалось достичь существенных результатов – как оно и было в действительности, – то это объясняется сложившимися в то время условиями. Она не превратилась в военную авантюру и, удержав от подобных авантур других, создала условия, которые сделали необходимым вывод союзных сил с территории Сибири, тем самым не допустив завоевание и присвоение русской земли другими странами, чьи интересы на Дальнем Востоке могли с легкостью привести к нарушению перемирия и, в конечном счете, к установлению постоянной колониальной администрации на огромной территории российского Дальнего Востока.

Если отвлечься от ее последствий для всего мира, Сибирская экспедиция остается загадочным предприятием. В самом деле, даже сам генерал Грейвс «...никогда не мог прийти к какому-либо удовлетворительному заключению насчет того, почему Соединенные Штаты вообще приняли участие в этой интервенции». Однако если посмотреть на ситуацию в мире, можно найти адекватное, хотя и непростое объяснение. В мире шла война. Наиболее страшные военные столкновения были сосредоточены на Западном фронте от Ла-Манша до швейцарской границы, но эхо этого конфликта затронуло весь мир, и повсюду, то в одном, то в другом месте затевались

странные побочные авантюры. Все эти «побочные явления» были в той или иной степени периферийными отголосками глубочайшего потрясения центральной нервной системы планеты. Некоторые из них тщательно планировались, чтобы отвлечь силы противника или подорвать его ресурсы. Некоторые были предприняты для поддержания духа союзников на фоне затянувшейся патовой ситуации на Западном фронте и несли на себе оттенок романтики, как, например, взятие Иерусалима фельдмаршалом Алленби и изгнание неверных из святых мест Палестины. Некоторые явились следствием выброса подавляемых настроений отсталых народов на фоне ослабления их сдерживания колониальными властями, все усилия которых сосредоточились на боях в Европе и которые не имели ни времени, ни сил для поддержания своей власти на удаленных территориях. Успех революций в России привел к утрате Москвой реальной власти на Дальнем Востоке и развязал руки хищным амбициям таких казачьих атаманов, как Семенов и Калмыков. Просторы Сибири на протяжении долгого времени являлись ареной коммерческих и военных авантур и конфликтов между немцами, англичанами, французами и японцами. Сама же Сибирь была населена частично полудикими народами, частично политическими ссыльными, к которым теперь добавилось большое число освобожденных военнопленных. Меняющаяся власть в Москве меняла свое отношение к мировой войне и участию в ней России, и эти противоположные мнения, с трудом понимаемые в далекой Сибири, затуманивали и без того смутное представление о национальных интересах России. На Западном фронте нации были привержены одним доминирующим стремлениям, но в таких местах, как Сибирь, это понимание и напряжение отсутствовало. Сибирь оказалась в том же положении, что и сержант Гриша, не имевший представления, зачем все это, но понимавший, что старый мир пришел в какой-то непонятный всеобщий беспорядок.

В условиях, которые описаны выше, военная интервенция союзников уже не кажется такой противоестественной, учитывая сложности, присущие подобным ситуациям. Заинтересованные нации без труда обнаружили, что меняющиеся день ото дня обстоятельства предполагают, если не требуют, изменений в их политике. Большинство наций, имевших войска в Сибири, были слишком заняты

тем, что происходило у них дома, чтобы уделять много внимания тому, что происходит вокруг Байкала. Неудивительно, что, как следствие, их военные командиры получили большую свободу в решении политических вопросов, и у генерала Юи или генерала Нокса возникло ощущение, что, воспользовавшись новым поворотом событий, они смогут сделать большой скачок в достижении целей союзников и параллельно с этим удовлетворить коммерческие и территориальные пожелания своих правительств, как они их понимали. В книге генерала Грейвса приведены доказательства того, что время от времени сходные идеи пускали корни в умах некоторых официальных лиц и в Соединенных Штатах. Я не могу догадаться, как объяснить очевидный конфликт, возникший между военным министерством и Государственным департаментом США в отношении сибирской операции, как не могу понять, почему Государственный департамент предпринял попытки – и временами преуспевал в этом – внушить свои идеи в отношении политики в Сибири непосредственно генералу Грейвсу. Возможно, на Государственный департамент произвели большее, чем на меня, впечатление определенные взгляды союзников в отношении расширения сотрудничества за пределы того, что было указано в Aide Memoire. Возможно, некоторые из этих суждений были просто отражением недовольства союзников тем, на что они могли рассчитывать. Однако они не были предварительно представлены государственному секретарю и не рассматривались им как то, что могло бы повлиять на четко сформулированную линию поведения Соединенных Штатов в Сибирской экспедиции. Несомненно, в один прекрасный день все это будет тщательно изучено, и пыливый исследователь найдет документы, записки и отчеты о беседах, в которых предлагалось изменить курс, основываясь на каких-то новых фактах, но, даже когда все они будут открыты, Сибирь останется сержантом Гришей. Ситуация, сложившаяся в Сибири, навсегда останется иллюстрацией странностей, порожденных на периферии тем безумием, которое господствовало в центре воюющего мира.

Тем не менее я не могу закончить это предисловие, не выразив, в меру своей возможности, благодарность от лица всей нашей страны тем солдатам, которые мужественно и безропотно несли в том далеком и загадочном краю возложенную на них страной службу. Даже воины Демократии не всегда могут понять причины, стоящие за спиной

определенных стратегических решений. Политические и военные решения принимаются в кабинетах и генеральных штабах, а солдаты выполняют приказы. Поэтому те, кто оказался на берегах Белого и Желтого морей, несли свою службу точно так же, как те, кто был на Марне и в Маасе. И если окажется, что кому-то понадобятся подробности, оправдывающие Сибирскую экспедицию с точки зрения национальных интересов, они могут, хотя бы отчасти, найти удовлетворение в сознании того, что американские войска в Сибири вели себя храбро и гуманно. Что они выполняли приказы командира, который действовал, руководствуясь высоким желанием своей страны оказать стабилизирующее и благотворное влияние на огромную территорию, населенную сбитыми с толку, но дружелюбными людьми. Также я полагаю, они могут быть уверены, что история найдет свои плюсы в том, что может расцениваться как неудачный исход американской интервенции в Сибири, ведь если бы не присутствие американских солдат в составе союзнических сил, могли случиться вещи, которые еще больше осложнили бы ситуацию в России и серьезно повлияли на будущее всего мира.

Ньютон Д. Бейкер

От автора

Трудно писать и даже говорить о России, чтобы не быть обвиненным в сочувствии советской власти. Однако во время моей службы в Сибири российский Дальний Восток был полностью отрезан от остальной части России, контролируемой советским правительством. Таким образом, я не имел никаких дел ни с советским правительством, ни с какими-либо лицами, называющими себя его представителями.

Единственная власть, с которой я контактировал за все время службы в Сибири, – это правительство Колчака, если его можно назвать правительством. Я сомневаюсь, что без поддержки иностранных войск Колчак и его правительство смогло бы иметь достаточно сил, чтобы выступать в качестве суверенной власти. В договоре, известном как Межсоюзническое железнодорожное соглашение, касающемся обслуживания и эксплуатации железных дорог в Сибири, все нации, имевшие там свои войска, признавали Колчака представителем России, и это наивысшая степень признания, которой когда-либо удавалось добиться его правительству. Ни одно государство никогда не признавало Колчака главой какого-либо существовавшего де-факто или де-юре правительства России.

Основная причина того, что я решил вспомнить факты и обстоятельства, связанные с интервенцией, заключается в уверенности, что не только в Соединенных Штатах, но и повсеместно существует ошибочное впечатление в отношении предписаний, на основании которых действовали американские войска в Сибири. Другой причиной стал тот факт, что английский полковник Джон Ворд написал книгу, которая создает – и, по моему мнению, делает это намеренно – неверное впечатление относительно поведения и верности своему долгу американских войск, находившихся в Сибири. Эту книгу можно найти в американских библиотеках, и я не думаю, что будет правильно по отношению к тем американцам, которыми я имел честь командовать, если эти несправедливые выводы останутся потомкам без опровержения.

При написании этой книги я не ставил перед собой цели оправдать какие-либо свои действия или действия американских войск в Сибири, поскольку военный министр, distinguished Ньютон Д. Бейкер и начальник Генштаба, генерал Пейтон С. Марч, занимавшие свои посты весь тот период, когда американские войска находились в Сибири, как показано ниже, сделали любое оправдание излишним, дав действиям американских войск свое великодушное и всеобъемлющее одобрение. От военного министра я получил следующее личное письмо, датированное 31 августа 1920 года:

«Я только что закончил читать ваш подробный отчет от 26 мая, относительно операций американских экспедиционных войск в Сибири с 1 июля 1919 года по 31 марта 1920 года. Сибирская экспедиция полностью завершена, и теперь, когда ее последний акт стал предметом отчета, я с удовольствием поздравляю вас с тем, что на посту командующего экспедицией вам неизменно удавалось действовать с таким тактом, энергией и успехом.

Данные вам предписания соответствовали целям, изложенным в Aide Memoire, выпущенным Государственным департаментом, чтобы объявить всему миру задачи и условия использования американских войск в Сибири. В сложившейся неоднозначной ситуации ваши обязанности были зачастую весьма сложными и деликатными, и благодаря удаленности вашего поля деятельности от Соединенных Штатов вы могли рассчитывать только на собственные ресурсы и инициативы. Если же учесть сложности с коммуникациями, обеспечением гласности и в особенности предвзятой интерпретацией положения дел в Сибири и действий вашей команды, ситуация еще больше усложнялась.

Вам будет приятно узнать, что военное министерство с самого начала с полным доверием полагалось на ваши оценки, и я счастлив вас заверить, что сейчас ваши действия на протяжении всего времени экспедиции одобряются министерством».

В своем докладе военному министру за финансовый год, закончившийся 30 июня 1920 года, начальник штаба писал в отношении Сибирской экспедиции: «Ситуация, с которой столкнулись командующий, его офицеры и солдаты, оказалась на удивление

сложной и рискованной. То, как он выполнил свою трудную задачу, достойно самых лучших традиций нашей армии».

Уильям С. Грейвс

Цели военной интервенции в Сибирь

6 апреля 1917 года, в день, когда Соединенные Штаты вступили в мировую войну, я служил в военном министерстве в качестве секретаря Генерального штаба. Я был подполковником Генерального штаба и его секретарем начиная с августа 1914 года. До этого я был секретарем с января 1911 года по июль 1912 года.

Так же как все остальные офицеры военного министерства, я надеялся, что меня освободят от текущих обязанностей и направят служить во Францию, но начальник Генштаба генерал-майор Нью Л. Скотт отклонил мою просьбу. 22 сентября 1917 года генерал Скотт достиг возраста, когда по закону должен был уйти в отставку, и его место занял генерал Таскер Х. Блисс, который до этого служил заместителем начальника Генштаба. Генерал Блисс ушел в отставку 31 декабря 1917 года, и вскоре начальником стал генерал-майор Пейтон С. Марч. О своем назначении он узнал, находясь во Франции, и приступил к исполнению своих новых обязанностей 1 марта 1918 года.

По приезде в Соединенные Штаты генерал Марч сообщил мне, что хочет, чтобы я продолжал выполнять свои текущие обязанности еще около четырех месяцев, после чего он намерен разрешить мне отправиться во Францию. Однако в мае 1918 года он сказал: «Если кто-то и должен ехать в Россию, так это вы». Это замечание весьма удивило меня, но, поскольку оно было высказано как предположение, я не стал его комментировать, понимая, что генерал Марч прекрасно осведомлен о моем желании служить в Европе и о том, что каждую возможность, которую давали мне текущие служебные обязанности, я посвящал изучению условий и военных операций во Франции. Я даже не думал о том, что американские войска могут быть направлены в Сибирь, и замечанию генерала Марча не придал большого значения, поскольку не предполагал, что кому-то действительно придется туда отправиться.

В конце июня 1918 года генерал Марч сообщил, что меня намерены сделать генерал-майором национальной армии, после чего назначат командиром одной из дивизий, находящейся в Соединенных Штатах и оставшейся без постоянного командира. Это вселило в меня

уверенность в том, что от идеи отправки войск в Сибирь отказались или что меня туда определенно не пошлют. На следующее утро я сказал генералу, что хотел бы командовать 8-й дивизией, расквартированной в Кэмп-Фремонт, Поло-Альто, Калифорния. Он согласился, и вскоре моя кандидатура была представлена в сенат на утверждение в чине генерал-майора национальной армии. 9 июля 1918 года меня утвердили, после чего я немедленно сообщил генералу Марчу, что хочу отбыть в свою дивизию, и 13 июля уехал из Вашингтона. 18 июля 1918 года я вступил в должность командира 8-й дивизии и приступил к исполнению своих новых обязанностей. Я был очень доволен и счастлив, когда узнал, что в октябре 8-ю дивизию решено отправить во Францию.

2 августа 1918 года после полудня начальник моего штаба сообщил, что из Вашингтона получено шифрованное сообщение и его первая фраза гласит: «Вы не должны передавать никому из своих сотрудников или кому-то еще содержание данного сообщения». Я спросил начальника штаба, кто подписал сообщение, и он ответил «Маршалл». Тогда я сказал, что Маршалл не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к нему, и велел заместителю начальника штаба расшифровать сообщение. В нем мне приказывали «сесть на ближайший и самый быстрый поезд до Сан-Франциско и ехать в Канзас-Сити, где направиться в отель «Балтимор» и спросить военного министра. Если его там не окажется, то ожидать его приезда». Эта телеграмма показалась мне одной из самых странных депеш, которые когда-либо отправляло военное министерство, и если только подпись Маршалл не была поставлена ошибочно вместо Марч, то я бы оказался поставленным в сомнительное положение офицера, который либо не подчинится приказу, либо оставит часть, не сказав никому о том, кто дал ему это право и куда он направляется.

В телеграмме не сообщалось ни зачем меня вызывают в Канзас-Сити, ни сколько времени я буду отсутствовать, и вообще вернусь ли назад. В то же время такая информация могла существенно повлиять на то, как мне готовиться к отъезду. Я не знал, что должен взять из одежды, и сомневался, не означает ли данный приказ безвозвратное изменение моего положения. Посмотрев расписание, я увидел, что поезд до Санта-Фе отправляется из Сан-Франциско через два часа, поэтому, сложив немного вещей в дорожную сумку и еще кое-что в

небольшой чемодан, отправился в Сан-Франциско. Я успел на поезд, но не смог купить билет в спальный вагон. По пути в Канзас-Сити я телеграфировал военному министру мистеру Бейкеру в отель «Балтимор», сообщая, с каким поездом прибуду. В пути я пытался представить себе, о какой секретной миссии может идти речь, и со страхом думал, что это касается Сибири, хотя в прессе не видел ничего о том, что Соединенные Штаты намерены отправить войска в Россию.

В 10 часов утра, когда я прибыл в Канзас-Сити, меня встретил служащий, сказавший, что мистер Бейкер ожидает меня в зале вокзала. Поскольку до отхода его поезда оставалось совсем немного времени, мистер Бейкер сразу же сообщил, что, к сожалению, должен отправить меня в Сибирь. С присущим ему великодушием он выразил свои сожаления и сказал, что знает о моем нежелании ехать и что, возможно, когда-нибудь он расскажет, почему я должен это сделать. Кроме того, ему хотелось, чтобы я знал, что генерал Марч пытался избавить меня от отправки в Сибирь и хотел отправить во Францию. Он сказал: «Если в будущем вам захочется проклясть того, кто послал вас в Сибирь, знайте, что это сделал я». Потом он вручил мне запечатанный конверт со словами: «Здесь изложена линия поведения Соединенных Штатов в России, которой вы должны следовать. Взвешивайте каждый шаг, потому что вам придется ходить по минному полю. До свидания, и храни вас Господь».

Как только добрался до отеля, я вскрыл конверт и увидел внутри семь страниц, озаглавленных «Aide Memoire» без указания авторства, однако в конце значилось «Государственный департамент, Вашингтон, 17 июля 1918 года». После того как я тщательно изучил документ и почувствовал, что понял предписанную линию поведения, я лег спать, но не мог заснуть, продолжая размышлять, как действуют другие нации и почему меня не проинформировали о том, что происходит в Сибири. На следующий день я прочел документ еще несколько раз, чтобы проанализировать и понять значение каждой фразы. Я почувствовал, что никаких разночтений в понимании линии поведения Соединенных Штатов быть не может и что я не нуждаюсь ни в каких дальнейших разъяснениях. Предписанная мне линия поведения выглядела следующим образом:

«Aide Memoire

Народ Соединенных Штатов всем сердцем желает выиграть эту войну. Руководящий принцип правительства Соединенных Штатов состоит в том, чтобы делать все необходимое и действенное, чтобы ее выиграть. Оно желает любыми возможными способами сотрудничать с правительствами союзников и будет охотно делать это, поскольку не преследует каких-то собственных целей и полагает, что война может быть выиграна только сообща и при тесном согласовании принципов действий. Оно готово изучить все возможные стратегии и действия, в которых союзники желали бы воплотить дух этого сотрудничества, и с уверенностью пришло к заключению, что, если оно сочтет себя обязанным отказаться от участия в каких-то предприятиях или действиях, следует понимать, что это делается только потому, что оно считает необходимым воспрепятствовать этим планам и действиям».

Помощь чехам

3 августа 1918 года военное министерство телеграфировало командующему войсками на Филиппинах о необходимости с первым же доступным транспортом Соединенных Штатов отправить в Сибирь следующие военные подразделения: 27-й и 31-й пехотные полки, один полевой госпиталь, одну санитарную роту и роту «D» 53-го батальона связи, снабдив их обмундированием для зимы, насколько это возможно. Необходимое продовольствие и другие припасы предполагалось взять со складов в Маниле, пока не будут налажены прямые поставки всего необходимого во Владивосток из Сан-Франциско.

Меня проинформировали об этих распоряжениях и в тот же день приказали направить из Кэмп-Фремонта во Владивосток пять тысяч человек из 8-й дивизии. Для отбора людей мне были даны следующие инструкции: «Военнослужащие должны быть сильными и выносливыми, пригодными для несения данной службы, и быть выходцами из разных частей Соединенных Штатов. При отборе желательно избежать преобладания среди них уроженцев штатов, расположенных на Тихоокеанском побережье».

Эти люди должны были пополнить два полка с Филиппин, чтобы усилить их боеспособность. Мне давались полномочия переговорить с командующим войсками на Филиппинах в отношении отбора офицеров для моего штаба или при желании набрать штабных из Кэмп-Фремонта.

Меня очень беспокоил вопрос с обмундированием и продовольствием. Я ничего не знал о том, какие конкретно задачи придется выполнять этим войскам. Я ничего не знал о том, в каких помещениях – если они вообще будут – я смогу разместить людей по прибытии в Сибирь. Вдобавок Сибирь представлялась мне холодной, бесплодной и необитаемой территорией.

К тому времени, когда я вернулся из Канзас-Сити, бригадный генерал Дж. Д. Лейтч, командовавший Кэмп-Фремонтом, получил приказы в отношении переброски войск и уже начал энергичную подготовку к их отправке. Все, что мне оставалось сделать в этом

отношении, – это проследить за ней и подготовиться самому, и 11 августа 1918 года я известил военное министерство о том, что к началу экспедиции все готово.

После того как я переговорил с генералом С. А. Деволом, отвечавшим в Сан-Франциско за работу службы снабжения, я телеграфировал военному министерству о просьбе предоставить мне полномочия напрямую обращаться к нему по поводу поставок. Военное министерство согласилось с моей просьбой, и это исключило необходимость обращаться в службу снабжения в Вашингтоне, которая, естественно, была занята снабжением американских войск во Франции. Позже я был очень благодарен за это решение, поскольку оно позволило напрямую вести дела, касавшиеся поставок.

Здесь я хотел бы выразить благодарность от всей своей команды и от себя лично миссис Стерн из Менло-Парк, Калифорния, за все отправленные нам продукты, в том числе фрукты и сладости, а также множество других, которые могла выбрать только умная, понимающая женщина. Благодаря ее доброте на Рождество каждый солдат получил два апельсина, что в далекой Сибири было невероятным лакомством, которое каждый из нас всегда будет вспоминать с благодарностью.

13 августа военное министерство дало мне и моим людям разрешение отплыть из Сан-Франциско на транспортном корабле «Томас», который мог вместить 40 офицеров и 1889 солдат-срочников. 14 августа мы покинули Кэмп-Фремонт на двух специальных поездах, отправлявшихся в 12:30 и в 12:35 дня, и в 14:30 погрузились на корабль. Однако администрация порта не позволяла нам отплыть до темноты, и мы вышли из порта в 20:30. Тем не менее одно из правительственных агентств, очевидно, сочло, что мир должен знать о переброске американских солдат, и распорядилось направить на «Томас» прожектор, оставшийся включенным до тех пор, пока не прошли Золотые Ворота. С целью защиты от немецких подлодок или по каким-то другим, неизвестным мне причинам нас сопровождал старый американский военный корабль «Орегон» и канонерская лодка «Виксбург». Транспортник «Томас» не мог похвастаться высокой скоростью, но он определенно был быстрее «Орегона» и «Виксбурга». Мне не сообщили, как долго мы будем под защитой этих военных судов, но 15 августа после полудня я почувствовал легкое нетерпение из-за необходимости останавливаться, чтобы дожидаться своего

эскорта, поэтому приказал попрощаться с ним и дать полный вперед в направлении Владивостока.

Поскольку одной из основных заявленных целей отправки войск в Сибирь было «помочь чехословакам объединить их силы и наладить эффективное взаимодействие с их славянскими братьями», интересно проанализировать ситуацию, в которой оказались чехи в то время, когда я получил свой приказ, а именно 17 июля 1918 года. Необходимо помнить, что основной причиной, выдвинутой теми, кто был заинтересован в военной интервенции в Сибирь, назвалась острая необходимость защитить чехов, намеревавшихся добраться через Сибирь до Владивостока, а оттуда до Западного фронта, где они смогли бы воевать на стороне союзников.

26 апреля 1918 года мистер Джон Ф. Стивенс, возглавлявший Русскую железнодорожную комиссию, получил из Госдепартамента телеграмму следующего содержания: «Посол (мистер Френсис), находящийся в Вологде, рекомендует, чтобы Эмерсон незамедлительно отправился в Вологду в сопровождении группы из двух – пяти инженеров и обсудил транспортировку... Министерство согласно».

Эмерсон, который имелся в виду, это полковник Джордж Х. Эмерсон – первый заместитель мистера Стивенса в Российском железнодорожном корпусе корпорации обслуживания железных дорог, которая будет упоминаться в следующих главах.

Полковник Эмерсон и его группа выехали из Харбина во Владивосток 4 мая 1918 года, чтобы подготовиться к переезду. 6-го он сообщил о полученных им приказах американскому консулу во Владивостоке и адмиралу Остину М. Найту, командующему азиатским флотом. Оба, и мистер Колдуэлл, и адмирал Найт, заявили, что им не известно ни о каких распоряжениях по поводу поезда для полковника Эмерсона, и предположили, что поскольку во Владивостоке они не имеют никаких дел с Советом, который в то время выступал от лица правительства, то по поводу транспортировки полковнику Эмерсону следует обратиться напрямую к местным властям. Тогда я впервые получил свидетельства того, что представителям Соединенных Штатов дали инструкции не иметь дела с Советами, естественно предположив, что американский консул во Владивостоке действует согласно указаниям своего правительства.

9 мая полковник Эмерсон встретился с представителями Совета на железной дороге и проинформировал их о том, что получил приказ ехать в Вологду. Он попросил их выделить ему необходимое для этого транспортное средство. Железнодорожные служащие сказали, что немедленно примут меры, необходимые для того, чтобы полковник с группой мог выехать. Однако позже представители Советов заявили, что, как выяснилось, они не в состоянии в ближайшее время выполнить срочные работы, необходимые для транспортировки, и надеются на помощь Америки, поскольку у них нет людей, способных должным образом организовать работу и руководить ею.

В то же время полковник Эмерсон сообщил, что обнаружил во Владивостоке «большое число чешских солдат 5-го и 8-го полков и получил информацию о том, что в бараках размещены около восьми тысяч человек».

Представители Китайско-Восточной железной дороги во Владивостоке отказались сотрудничать по вопросу транспортировки и решительно заявили, что ни один из их составов не может быть использован. Полковник Эмерсон уведомил об этом советских представителей, и у них возникли трудности с тем, чтобы предоставить ему необходимый состав. В конце концов советские железнодорожники переоборудовали для полковника Эмерсона служебный вагон поезда «Амур» № 1, которым пользовались сами, а себе оставили международный спальный вагон № 2036. Позже полковник Эмерсон заявил, что у Советов возникли трудности с предоставлением вагона с работающей кухней, и, в конце концов, они сказали, что если он доедет в китайско-восточном вагоне № 2015 до Никольска или Хабаровска, то они, Советы, телеграфируют вперед, чтобы туда доставили вагон-ресторан, а вагон № 2015 вернули. В результате Советы сформировали специальный поезд, и полковник Эмерсон с группой выехал из Владивостока 19 мая 1918 года. Этот поезд прибыл в Хабаровск 20-го в 9 утра, но представитель Китайско-Восточной дороги сообщил полковнику, что у них нет для него вагона-ресторана и что вагон № 2015 должен остаться в Хабаровске. Тем же утром в 10:30 посыльный советского комиссара привез полковнику письмо от комиссара с просьбой заехать к нему в комиссариат, для чего за ним был послан автомобиль.

Приехав в комиссариат, полковник Эмерсон обнаружил, что комиссар почти без акцента говорит по-английски. Когда он выразил свое удивление тем, что советский чиновник из сибирской глубинки так хорошо знает английский язык, комиссар ответил: «Достаточно двух месяцев, чтобы скверный адвокат из Чикаго стал комиссаром в Восточной Сибири».

Полковник Эмерсон сообщил комиссару о приказах, которые были ему даны, и его заверили, что вопрос будет решен. Позже так и случилось, и следующим утром с рассветом поезд продолжил движение с вагоном № 2015. Полковник Эмерсон просил, чтобы его поезд двигался только в дневное время и он мог осмотреть железнодорожное полотно, и советские служащие удовлетворили эту просьбу.

Специальный поезд прибыл в Иркутск 26 мая около 13:00. Там полковник Эмерсон обнаружил американского генерального консула мистера Харриса, который находился в городе в течение двух недель, и мистера Макговэна, американского консула, который сообщил мистеру Френсису в Вологду об имеющихся у него свидетельствах активности немцев с целью организовать и вооружить немецких военнопленных, о чем упоминалось выше.

Полковник Эмерсон утверждал, что советские представители встретили его поезд, чтобы удостовериться, что все его пожелания удовлетворены. Им было сказано, что он хотел бы двигаться как можно быстрее, поэтому они немедленно сделали необходимые распоряжения, и в 14:00 полковник уехал. Вечером 27 мая он прибыл в Красноярск, но начальник вокзала сказал, что «впереди на дороге возникли проблемы, и вы не можете продолжать движение». Полковник разыскал американского вице-консула, который познакомил его с председателем Совета, и тот проинформировал Эмерсона, что в трехстах верстах к западу, в Мариинске, чехи ведут бой и что он послал туда тысячу бойцов регулярной Красной армии, чтобы попытаться заключить мир. Он хотел, чтобы чехи без дальнейших проблем добрались до Владивостока. Полковник Эмерсон предложил ему, чтобы он и майор армии США Слотер выступили посредниками. Предложение было принято, и председатель Совета согласился послать офицеру, командовавшему чешскими подразделениями в Мариинске, телеграмму за подписью майора Слотера с просьбой, чтобы чехи

прекратили боевые действия до тех пор, пока не переговоят с полковником Эмерсоном. Поезд полковника Эмерсона продолжил движение в Мариинск и примерно в двадцати километрах оттуда обнаружил штаб-квартиру русских войск. Русский командир сказал, что проблема возникла по вине чехов и что русские потребуют, чтобы чехи разоружились, прежде чем им будет разрешено двинуться дальше на восток. Кроме того, для согласования дальнейшего продвижения чехов русские выдвинули следующие дополнительные условия:

1. Русские разрешают чехам ехать до Владивостока в качестве частных лиц и без оружия.

2. Чехи обещают, что не станут ни прямым, ни косвенным образом вмешиваться во внутренние дела России.

3. Чехи и русские создадут комиссию для расследования инцидента в Мариинске с целью наказания зачинщиков.

4. Во Владивостоке русские вернут чехам всю принадлежавшую им иностранную амуницию, которую у них отобрали.

Для обеспечения их безопасности российские власти согласились выделить охрану поездов с чехами на пути их следования во Владивосток. Полковник Эмерсон и его группа выехали из русского штаба в Мариинске, чтобы провести переговоры с чехами. Ниже приведена выписка из стенограммы отчета об этих переговорах: «Переговоры проходили между полковником Эмерсоном и капитаном Е. Б. Кадлецом 19 мая 1918 года в Сибири, в Мариинске, и касались захвата Мариинска чешскими солдатами. Полковник Эмерсон предложил свои услуги в качестве посредника для урегулирования вышеуказанного конфликта. Капитан Кадлец поблагодарил его, однако в своем очень кратком заявлении объяснил, что они, определенно, не намерены сдавать оружие. Полковник Эмерсон спросил, не возникало ли у них каких-то проблем во время перехода с территории Южной России до Мариинска. Капитан Кадлец ответил, что с тех пор, как они выехали с территории Южной России, немцы не причиняли им никакого непосредственного беспокойства, но высказал опасения, что под влиянием немцев они могут быть захвачены. Полковник Эмерсон сообщил, что во Владивостоке находится 12 тысяч чехов и еще более 3 тысяч следуют из Мариинска во Владивосток, и все они заявляют, что на российской территории не подвергались никаким нападениям. Капитан Кадлец признал, что он и другие командиры поездов

получили из Пензы приказ остановиться там, где этот приказ их застанет, и занять близлежащие города; что их действия согласованы и тот, кто руководит этими действиями, в настоящее время находится в Ново-Николаевске. Командиры поездов должны оставаться в городах до получения дальнейших указаний. Капитан Кадлец предложил полковнику Эмерсону отправиться в Ново-Николаевск и обсудить вопрос с их лидером, генералом Гайдой, и заявил, что все их действия согласованы и в назначенное время всем командирам поездов было предписано занять населенные пункты. Капитан Кадлец согласился позволить поезду полковника Эмерсона проследовать в Ново-Николаевск, чтобы он мог проконсультироваться с Гайдой, но в случае, если в течение трех дней к нему не вернется посыльный, он возобновит военные действия».

Полковник Эмерсон не поехал на встречу с Гайдой, а вернулся в советский штаб и доложил о результатах своих переговоров. Председатель Совета очень возмутился и сказал: «Благодаря совместным действиям с чешскими войсками Франция в двадцать четыре часа захватила Сибирь».

Почувствовав, что никто, кроме французов, не сможет договориться с чехами, полковник Эмесон решил сделать попытку обратиться к французскому консулу или военному атташе в Иркутске. Он телеграфировал генеральному консулу Харрису и попросил его использовать свое влияние для достижения результата и таким образом не допустить, чтобы железная дорога оказалась выведенной из строя. 30 мая 1918 года полковник Эмерсон и майор армии США Слотер отправили телеграмму генеральному консулу Харрису в Иркутск и американскому консулу в Харбине для мистера Стивенса, где в числе прочего писали следующее: «Чешский командир, участвовавший в переговорах в Мариинске, категорически заявил, что они не станут сдавать оружие и боеприпасы. Он признал, что их передвижения были согласованным действием чешских войск в Сибири и европейской части России, и они получили приказ занимать города, находящиеся поблизости от их местонахождения».

31 мая генеральный консул Харрис телеграфировал из Иркутска: «У меня есть следующее предложение, с которым согласен генеральный консул Франции. Я предлагаю Советам в Красноярске и в других городах к западу от него разрешить чешским поездам

продолжить движение в Иркутск, где генеральный консул Франции и я встретим чешского делегата с белым флагом, после чего по договоренности между чехами и Советами три чешских поезда отправятся во Владивосток, имея для охраны тридцать винтовок на каждый поезд».

Речь идет о тех чехах, которые, по словам генерала Гайды, покинули Иркутск и будут наказаны, как только он сможет с ними связаться.

31 мая генеральный консул Харрис телеграфировал полковнику Эмерсону, что на вокзале в Иркутске завязался бой между чехами и красноармейцами, а два других чешских поезда, в которых ехали около тысячи чешских солдат, прибыли на ближайшую станцию к западу от Иркутска, где также вступили в бой. После этих столкновений генеральному консулу Харрису и французскому консулу удалось добиться разоружения чехов и отправить их на восток. Поезда следовали в сопровождении советских представителей и имели по тридцать винтовок на каждый эшелон. Генеральный консул Харрис взял с русских обещание беспрепятственно пропустить чехов на восток. Представители советских властей задали вопрос, почему чехов не вывозят из Владивостока. Им ответили, что «мы не имеем соответствующих транспортных средств».

Если союзники действительно собирались переправить чехов на Западный фронт во Францию, то кажется странным, что они не подготовили никаких судов для перевозки их из Владивостока. Я однозначно придерживаюсь мнения, что на 28 мая 1918 года они не имели намерения отправлять чехов на Западный фронт. Я не могу сказать точно, когда было принято такое решение, но по меньшей мере двумя месяцами и шестью днями раньше я получил предписание, где содержалась следующая фраза: «Имеется срочная и обоснованная необходимость оказать помощь чехословакам». Все иностранные представители были проинформированы об этом намерении в отношении чехов в течение следующего месяца.

Естественно, что в то время, о котором идет речь, между чехами и русскими возникло напряжение. Чехи двигались по незнакомой стране, где атмосферу определяли слухи о кознях и заговорах. Советы не только беспокоили намерения чехов в Сибири, но они, безусловно, чувствовали, что передвижение по стране вооруженных иностранных

войск было бы унижительно для их достоинства и нарушало их суверенные права. Полковник Эмерсон был озабочен не только необходимостью добраться до Вологды, находящейся в европейской части России, его волновало, чтобы Транссибирская железная дорога не оказалась выведена из строя. Для того чтобы реализовать свои чаяния, он сказал генералу Гайде, что, ввязавшись в военные столкновения, чехи ничего не выиграют, если они действительно хотят добраться до Владивостока. Генерал Гайда заявил, что, как только к власти придет новое правительство, оно остановит Советы и снимет беспокойство по поводу возможного разрушения мостов и тоннелей.

Капитан Кадлец, участвовавший в переговорах полковника Эмерсона и Гайды, заявил по поводу нового правительства следующее: «Теперь, когда сформировано новое правительство, оно сделает возможным наше продвижение вперед». Полковник Эмерсон ответил: «Независимо от того, какое бы новое правительство ни было сформировано, вы должны признать, что на данный момент власть находится в руках Советов. И они, несомненно, в состоянии заблокировать ваше движение во Владивосток». Гайда возразил: «В течение десяти дней в Иркутске может быть установлена другая власть». Гайда также заявил, что те населенные пункты, которые они заняли, перешли в подчинение новому правительству и они могут воспользоваться имеющимися винтовками, чтобы оказать ему помощь.

Это ясно указывало на то, что чехи участвовали в ликвидации советской власти в этих населенных пунктах и устанавливали там власть «нового правительства», которое часто упоминалось на этих переговорах.

1 или 2 июня генеральный консул Франции отправил Гайде из Читы следующее послание: «Эшелонам 7-го полка. Советское правительство предлагает любое содействие, для обеспечения вашего проезда. Не позволяйте, чтобы вас втянули во внутреннюю политическую борьбу». Очевидно, что этот французский представитель не был проинформирован о планах французов.

4 июня он писал американскому консулу Томасу, находившемуся в поезде полковника Эмерсона: «Есть ли у генерала Гайды, командующего чешским корпусом, понимание, что его обязанность просто обеспечить продвижение эшелонов на восток? Посоветуйте ему никоим образом не отклоняться от инструкций, полученных от

французского и американского консулов, и помнить вполне определенные предписания, данные профессором Масариком».

В 20:00 3 июня обе стороны встретились на железной дороге и провели переговоры в вагоне полковника Эмерсона. 4 июня в 3:00 было подписано шестидневное перемирие, применительно к Мариинску. 4 июня полковник Эмерсон и майор Слотер отправили генеральному консулу Харрису в Иркутск сообщение, в котором, в частности, писали: «Теперь чешские и советские представители пришли наконец к соглашению, обеспечивающему продвижение чехов на восток. Советы согласились разрешить чехам следовать в полном вооружении. Белогвардейцы в Ново-Николаевске, Томске и Мариинске используют эту ситуацию, чтобы вооружиться и взять перечисленные города под свой контроль. До своего отъезда чехи отказываются возвращать Советам власть в этих городах».

Вечером 5 июня поезд полковника Эмерсона прибыл в Ново-Николаевск. Он провел встречу с чешским командующим генералом Гайдой, двумя его заместителями и американским консулом Реем. Перед началом встречи возник небольшой спор в отношении полномочий полковника Эмерсона, но он сохранял спокойствие и еще раз объяснил, почему ему пришлось вмешаться в проблемы, возникшие у чехов с Советами. На встрече американский консул задал ему вопрос, когда начались столкновения между чехами и Советами в Иркутске. Полковник Эмерсон сказал, что это была часть согласованных действий чехов с целью занять города, в которых находились чешские эшелоны. Чешский командующий ответил: «Неделю назад, 28 мая».

Полковнику Эмерсону позвонил представитель нового белогвардейского правительства и сказал следующее: «Около двух недель назад я звонил в Вологду послу Френсису и сообщил ему, что новое правительство связано с Временным сибирским правительством, сформированным в Харбине и возглавляемым господином Остроговым, и что его проинформировали о признании этого правительства союзниками».

После того как полковник Эмерсон отбыл из Ново-Николаевска, он получил сообщение от генерального консула Харриса, где тот выразил желание видеть полковника на финальных переговорах о мире, которые предполагалось провести в Омске. Чехи предлагали

провести переговоры в Кургане вместо Омска. Полковник Эмерсон остановился в Кургане, где 8-го числа к нему присоединился генеральный консул Харрис. Вечером 8-го числа мистер Харрис встретился с чешскими представителями.

В самом начале встречи чешский капитан Кризек спросил мистера Харриса, что тот думает по поводу нового правительства. Мистер Харрис ответил: «Когда я уезжал из Иркутска, там не было известно ни о каких действиях контрреволюционеров. Моя миссия состоит только в том, чтобы быть посредником между чехами и большевиками. Моя миссия не имеет никакого отношения к политической борьбе в России между большевиками и контрреволюционерами... Президент Соединенных Штатов издал специальное предписание для всех официальных представителей США в России никаким образом не влиять, не признавать и не поддерживать никаких группировок или противоборствующих движений в Сибири».

Последнее заявление генерального консула Харриса очень важно для установления правды о том, что американские войска в Сибири использовались в соответствии с пожеланиями президента Соединенных Штатов. Прочтение данных мне предписаний, о которых я упоминал ранее, показывает, что по смыслу они ничем не отличались от тех, которые, по словам генерального консула Харриса, были даны всем представителям Соединенных Штатов в Сибири, и на протяжении всего моего пребывания в Сибири ни одно слово этих предписаний не было изменено.

Как только генеральному консулу Харрису сообщили о контрреволюционных выступлениях против Советов во всех городах, занятых чешскими отрядами, он отказался действовать как посредник и прекратил участвовать в любых встречах. В оправдание своих действий он снова повторил инструкции, полученные от президента Соединенных Штатов.

Полковник Эмерсон продолжил свои попытки добраться до Вологды и 13 июня прибыл в Челябинск, где обнаружил большое число чешских солдат и где он встретился с майором французской армии Гинэ. Ему сообщили о возникших к западу от Челябинска проблемах с движением поездов, и он прибыл в Миасс только 16 июня, где выяснилось, что дальнейшее продвижение на запад не представляется возможным. 23 июня он получил от майора Гинэ,

уехавшего в Омск, следующее: «Французский посол уведомил коменданта Гинэ, что он может поблагодарить чехословаков за их действия от имени всех участников Тройственного союза. В июне они (союзники) приняли решение вмешаться и сформировать из чехословацкой армии и французской миссии передовой отряд армии союзников. Ниже следуют рекомендации в отношении его организации и предназначения с политической и военной точек зрения».

У меня нет информации о том, какого «французского посла» имел в виду майор Гинэ, но, вероятно, речь шла о французском после в России.

25 июня полковник Эмерсон заявил: «Майор Гинэ посетил нас и, показав сообщение, касавшееся вмешательства союзников, сказал, что ему достаточно этого, чтобы начать действовать». Он предложил нам взять на себя операционное управление железной дорогой. Полковника Эмерсона и его группу очень обеспокоила достоверность той части сообщения французского посла, где говорилось, что оно написано «от имени всех участников Тройственного союза», поэтому 26-го они вернулись в Омск. Первую информацию полковник Эмерсон получил в Омске 13 июля от чешского командующего Гайды из Иркутска, который сообщил, что ведет бои по захвату этого города.

В июле полковник Эмерсон получил от генерального консула Харриса в Иркутске следующее сообщение:

«С 26 мая я не имел связи с Владивостоком, а со 2 июля с Пекином. Полученные позднее новости свидетельствуют о том, что моряки союзников совместно с чехами выбили большевиков из Владивостока. Последнее сообщение от пекинской дипломатической миссии подтверждает сообщение, посланное полковнику Гайде от французской миссии, о котором вы писали, и то, что оно было вручено ему здесь».

Эта информация успокоила полковника Эмерсона в том смысле, что Соединенные Штаты являются участником июньской интервенции. Он немедленно прекратил свои попытки добраться до Вологды, чтобы представить доклад послу Соединенных Штатов мистеру Френсису, и, решив как можно скорей ехать в Иркутск, чтобы предложить свои услуги для обеспечения работоспособности железной дороги, 26 июля отбыл из Омска.

19-го числа он заявил: «Мы обратили внимание, что по всей железнодорожной линии поддерживается идеальный порядок, а те немногие чехи, которые остались в городах, выполняют функции полиции».

Эта информация подтверждает то, что было очевидно после того, как чехи 28 мая, благодаря своим согласованным действиям, заняли населенные пункты вдоль Транссибирской железной дороги и Советы не смогли или не захотели сдержать нападение чехов.

Удивительным совпадением является то, что 15 июля полковник Эмерсон получил известие от генерального консула Соединенных Штатов Харриса о том, что Соединенные Штаты намерены принять участие в интервенции в Сибирь, а в моем предписании, датированном 17 июля, говорится об абсолютной уверенности со стороны президента Вильсона в том, что Соединенные Штаты не будут принимать участия в военной интервенции в Россию. На это определенно указывает следующая фраза в моем предписании: «Таким образом они (США) в принципе не могут принимать участия или санкционировать такую интервенцию». Мое предписание, процитированное выше, показывает, что Соединенные Штаты были очень решительно настроены не принимать участия в военных операциях в России и предупредили союзников, что если те будут настаивать на своих планах по поводу военной интервенции, выходящей за рамки намерений США отправить немногочисленный контингент американских войск в Сибирь и Архангельск, Соединенные Штаты могут счесть себя обязанными полностью отказаться от сотрудничества с ними в России.

Трудно представить себе, как еще более ясно можно выразить намерение Соединенных Штатов в отношении использования американских войск в Сибири. Цитаты, скрупулезно скопированные из стенограммы доклада полковника Эмерсона, показывают, что чехам никогда не угрожала опасность подвергнуться агрессии со стороны Советов. Такой опасности определенно не существовало до тех пор, пока чехи придерживались своей цели добраться по Транссибирской железной дороге до Владивостока. Чехи сами были агрессорами, и доклад полковника Эмерсона показывает, что Советы хотели, чтобы чехи покинули Сибирь, для чего готовы были в значительной степени пойти им навстречу в осуществлении этого желания. Чехи же не только оккупировали города, в которых оказались их эшелоны 28 мая,

но по крайней мере в одном из них, в Мариинске, захватили оружейный склад, принадлежавший Советам, и полностью вооружили своих людей винтовками, патронами, пулеметами и всем прочим, что им хотелось иметь.

Таким образом, вопрос о безопасности чехов, каким он представлен в докладах полковника Эмерсона, радикально отличается от общепринятого представления о том, что она подвергались серьезному риску. Чтобы помочь читателю правильно оценить доклад полковника Эмерсона, мне кажется полезным предоставить ему кое-какую информацию о прошлом полковника и его личных качествах. Полковник Эмерсон практически вырос на Великой северной железной дороге. Он начал работать там еще подростком и уехал оттуда в Сибирь, будучи генеральным управляющим. До того как я встретился с ним во Владивостоке, мы не были знакомы, но мистер Джон Ф. Стивенс говорил мне, что считает его самым лучшим железнодорожным специалистом в Соединенных Штатах. Эмерсон был человеком, чей вид, манера говорить и поведение в отношении данных ему поручений внушали уверенность в его преданности делу, и чем больше вы узнавали его и его работу, тем глубже становилась эта уверенность.

Я не встречал в Сибири человека, который так мало интересовался бы дразгами российских политических группировок, как полковник Эмерсон. Он находился в России с одной-единственной целью: помочь русским наладить работу железной дороги, и никакая другая деятельность его не интересовала.

Все те, кто были в Сибири в то время, когда там находились американские войска, и знает, какое предубеждение существует в отношении тогдашних событий, поймут, почему я попытался дать беглую характеристику полковнику Эмерсону.

Действия генерального консула Харриса, известившего полковника Эмерсона о том, что он получил подтверждение сообщения о намерении союзников и Соединенных Штатов осуществить интервенцию в Сибирь, и его последующие действия в соответствии с этой информацией создали непонятную ситуацию. Следует иметь в виду, что это заявление было сделано за два дня до того, как 17 июля Государственный департамент сформулировал линию поведения правительства Соединенных Штатов, которая две

недели спустя была доведена до моего сведения в качестве руководства к действию.

В то время когда политика Соединенных Штатов по отношению к России, сформулированная Госдепартаментом, твердо заверяла русских и уведомляла союзников, что Соединенные Штаты не станут вмешиваться во внутрirosсийские конфликты, представитель Государственного департамента, генеральный консул США в Сибири господин Е. Х. Харрис заявлял жителям Сибири, что Соединенные Штаты участвуют в интервенции, означавшей вмешательство во внутренние дела русских.

Это заявление невозможно опровергнуть, поскольку любое действие против установленной тогда в Сибири власти можно рассматривать как принятие одной из сторон внутреннего противостояния.

Как такое могло произойти? Можно только догадываться, поскольку Государственный департамент никогда не давал никаких разъяснений, и в то же время никаких изменений в политике правительства по отношению к использованию американских войск в Сибири не последовало, а если судить по действиям генерального консула Харриса, инструкции, полученные им из Пекина, никогда не менялись.

Таким образом, с самого начала военной экспедиции Соединенные Штаты имели в Сибири представителей Государственного департамента и военного министерства, работавших на достижение противоположных целей.

До перемирия

Первая американская часть – 27-й пехотный полк в составе 53 офицеров и 1537 солдат-срочников под командованием полковника Генри Д. Стайера – прибыла в Сибирь из Манилы 16 августа 1918 года. 31-й пехотный полк в составе 46 офицеров и 1375 солдат прибыл несколькими днями позже. Предполагалось, что до моего прибытия 1 сентября командовать экспедицией будет полковник Стайер.

До прибытия во Владивосток я не имел сведений о военной, социальной, экономической и финансовой ситуации в России. Непосредственно перед моим отъездом из Сан-Франциско я получил из Вашингтона депешу, где говорилось, что, судя по имеющейся информации, политика Японии будет состоять в том, чтобы поддерживать в России силы, не связанные с центральной властью и выступающие против любой сильной центральной власти. Однако эта поддержка должна быть достаточной лишь для того, чтобы эти силы служили ширмой для действий самих японцев. Если бы в то время, когда я получил из Вашингтона эту депешу, я знал о японских военных то, что узнал потом, я уделил бы этой информации гораздо больше внимания. Я часто думал о том, как жаль, что я так мало знал о Сибири до того, как оказался в гуще грызни, которая царила во Владивостоке. Но в другие моменты мне кажется, что мое невежество в той ситуации было не только благословенным, но и весьма полезным.

Отчасти благодаря незнанию ситуации я ступил на землю Владивостока без каких-либо готовых идей по поводу того, что надо, а чего не надо делать. У меня не было никакого представления о том раздразе, в котором пребывала Россия, и я предполагал, что смогу благополучно в духе сердечного сотрудничества работать со всеми союзниками.

Рано утром 2 сентября полковник Стайер и несколько американских офицеров поднялись на борт «Томаса», а адмирал Остин М. Найт прислал офицера, чтобы передать мне приглашение позавтракать с ним на борту старого доброго «Бруклина».

Тот факт, что нас не побеспокоили таможенные инспекторы и карантинные службы, стал первым признаком того, что я прибыл в

страну, где царило безвластие. Это верно, что в то время во Владивостоке управляли чехи, однако их власть базировалась на силе, а не на согласии, поэтому любая нация имела такое же право войти в город, как и все другие.

Сойдя с «Томаса», я поднялся на борт «Бруклина», где встретился с адмиралом Найтом, с которым у нас завязалось очень приятное и полезное знакомство, поскольку он находился во Владивостоке уже почти шесть месяцев и был осведомлен о ситуации в Сибири не хуже любого другого. Он щедро делился со мной имеющейся информацией и готов был оказать военным любое возможное содействие, так что все офицеры и солдаты, побывавшие во Владивостоке, в неоплатном долгу перед ним и его командой за великодушную помощь, оказанную именно тогда, когда мы нуждались в ней более всего.

Сразу же после завтрака я, как положено, отправился в американскую штаб-квартиру, которая располагалась в здании, принадлежавшем Германской торговой компании.

Кое-кто из русских требовал обратить внимание на эту компанию, но мне всегда не нравилось, что это внимание не было проявлено до того, как немцы ушли из Владивостока после начала мировой войны. Здание очень хорошо подошло для штаба, поскольку было достаточно большим и позволило оборудовать там и рабочие кабинеты, и квартиры для офицеров.

В течение дня полковник Стайер дал мне полную информацию относительно того, что было сделано до моего приезда. Я узнал, что 27-й пехотный полк принял участие в совместных действиях против врага. В качестве этого врага выступали большевики и немецкие военнопленные. Я был удовлетворен тем, что американские войска не отклонялись от линии поведения, объявленной правительством Соединенных Штатов, и уклонялись от участия во внутренних делах России.

Самым старшим по званию среди офицеров союзного командования являлся генерал Отани (японец). Вечером 2 сентября я посетил генерала Отани, и почти сразу же после нашего знакомства он спросил, получил ли я предписание, что он будет командовать американскими войсками. Я ответил, что не получал такого предписания и, напротив, имею предписание об ограниченном использовании американских войск, в силу которого должен сам

отдавать все приказы в отношении их будущих действий. Генерал возразил, что Государственный департамент США известил его, что командовать будет он. Меня проинформировали, что, когда полковник Стайер прибыл во Владивосток, он явился к верховному командующему союзников и спросил, имеются ли какие-нибудь предложения, как лучше организовать сотрудничество. В то время генерал Отани еще не приехал и силами союзников во Владивостоке командовал японский генерал Юи. Генерал Юи сказал полковнику Стайеру, что с учетом назначения верховным командующим генерала Отани, сделанного по запросу американского правительства, лучше будет подождать, поскольку его приезд ожидается в самое ближайшее время. 18 августа генерал Отани издал следующий приказ:

«Я имею честь сообщить вам, что его величество император Японии назначил меня командующим японскими войсками на Дальнем Востоке и что все страны союза единогласно доверили мне командование их армиями на территории российского Дальнего Востока...

С точки зрения их командования, дружба и сотрудничество между армиями союзников позволят им без труда добиться быстрого успеха. Я от всего сердца надеюсь, что наши армии будут действовать совместно ради достижения общей цели.

Генерал *Отани*, главнокомандующий союзными армиями».

Этот приказ удивил полковника Стайера, поскольку он не получал от правительства Соединенных Штатов никаких указаний на этот счет. Он телеграфировал в Вашингтон с просьбой прислать ему информацию, но Вашингтон ответил, что вскоре во Владивосток прибудет генерал Грейвс, у которого имеются предписания на этот счет, что еще больше озадачило полковника Стайера. Я до сегодняшнего дня так никогда и не узнал, в чем заключался смысл этого удивительного приказа. Я достаточно близко познакомился с генералом Отани, и мне кажется, что кто-то заставил его поверить, будто бы он назначен командовать войсками союзников. Генерал был не тот человек, чтобы присвоить себе такой пост, и, кроме того, он был солдатом и прекрасно понимал, что командующие союзников не передадут ему командование, не получив особых предписаний. В дальнейшем этот вопрос больше никогда не поднимался, если не считать одного случая в феврале 1920 года, когда о нем вспомнил

генерал Юи, который на тот момент сменил генерала Отани на посту командующего японскими войсками. Приказ касался всех войск союзников, но, насколько мне известно, так и не получил подтверждения за все то время, что я находился в Сибири. Я всегда предполагал, что какой-то дипломатический чиновник, не понимая разницы между «командующим союзников» и «главнокомандующим союзными силами», чтобы показаться более любезным, сказал японскому представителю, что генерал Отани будет командующим силами союзников. Генерал Отани показался мне очень приятным человеком, настроенным честно относиться к вопросам, касавшимся наших войск. Проблема в том, что, если кто-то хотел с ним встретиться, ему приходилось проявлять большую настойчивость, чтобы пробиться через его штабных. Японские штабные отличались большой агрессивностью и при каждой возможности пытались получить от этого выгоду или повысить свой престиж в тех кругах, которые они поддерживали.

Генерал Отани рассказал мне об одном удивительном инциденте, который имел место, когда генерал Грант посетил Японию во время своего кругосветного путешествия. В то время генерал Отани только что закончил военное училище и был приставлен к генералу Гранту ординарцем. Он сказал, что очень беспокоился о том, чтобы делать все правильно, и не мог решить, как лучше выразить свое уважение генералу Гранту: убрать саблю в ножны или нести ее в руке. В конце концов он решил, что должен вынуть саблю, когда рапортует, и нести ее, как в почетном карауле. В первый день он отрапортовал, вынул саблю и весь день, несмотря на неудобство, носил ее в руке. На следующий день, когда он, рапортуя, снова вынул саблю, генерал Грант похлопал его по плечу и сказал: «Молодой человек, лучше уберите ее в ножны, пока не проткнули ей кого-нибудь».

Поскольку я был очень впечатлен заверением, что Соединенные Штаты не станут вмешиваться во внутривосточные конфликты, с большой озабоченностью отнесся к составу тех сил на севере от Владивостока, против которых действовали союзники и Соединенные Штаты. Все уверяли меня, что большевики объединились с немецкими и австрийскими пленными и планировали захватить находившиеся во Владивостоке склады. 19 августа полковник Стайер прислал телеграмму, в которой обрисовал ситуацию, как ее представил

начальник японского штаба. План действий выглядел следующим образом: «Первым делом взять Хабаровск, где находится 15 тысяч вооруженных солдат противника. Затем идти на запад вдоль Амура и Маньчжурии. Генерал Отани утверждает, что, по его мнению, имеющихся в составе экспедиции сил недостаточно, чтобы осуществить миссию, которая заключалась и заключается исключительно в том, чтобы эвакуировать чехов из Иркутска, который отделяют от нас силы противника численностью 40 тысяч человек и длинная двухколейная железнодорожная линия, которую надо сохранить. Чехи, находящиеся к западу от Иркутска, плохо обмундированы и пребывают в настолько плачевном состоянии, что для сохранения им жизни совершенно необходимо осуществить эвакуацию до начала зимы. Он просил командование союзников довести информацию до сведения их правительств, чтобы они незамедлительно прислали имеющиеся в их распоряжении войска, и просил Японию отправить воинский контингент численностью необходимой для разрешения ситуации. Япония имеет наготове большие силы».

В отношении данного заявления возникает естественный вопрос: откуда генерал Отани взял эти сведения? Было ли вообще данное заявление основано на информации или целиком и полностью являлось японской пропагандой? В это время отсутствовала возможность посылать или получать сообщения с территории к западу от Иркутска, а когда связь восстановилась, мы узнали от полковника Эмерсона, что 12 июля чешские отряды заняли Иркутск и, как следствие, сосредоточили в своих руках контроль за железнодорожным сообщением вдоль озера Байкал и вокруг его южной оконечности. Как уже заявлялось ранее, 28 мая чехи, действуя одновременно, захватили города к западу от Иркутска и в большинстве из них установили власть нового сибирского правительства. Это новое правительство было не таким радикальным, как Советы, но оказалось весьма близким к монархистам.

Еще весной 1918 года Япония сделала союзникам следующее представление: «В силу своих интересов Япония поставлена в особое положение и просит, чтобы в случае необходимости оккупации Владивостока, и захвата Китайско-Восточной и Амурской железных дорог, эта задача была возложена исключительно на нее».

Соединенные Штаты, а точнее, президент Соединенных Штатов отклонил эту просьбу на том основании, что русские могут неправильно истолковать такие действия.

В свете того, что мы впоследствии узнали о ситуации к западу от Иркутска, единственное логичное объяснение заявления генерала Отани состоит в том, что Япония действовала вразрез со своим заявлением от 3 августа 1918 года, где утверждала, что действует исключительно из чувства искренней дружбы с русским народом. Она, несомненно, не оставила своего желания оккупировать Восточную Сибирь. Никто, будучи так тесно связан с японскими военными представителями в Сибири, как я, не смог бы избежать уверенности в этом.

Если проанализировать ситуацию, как она преподносится 19 августа генералом Отани, то неизбежен вывод, что или японская военная разведка абсолютно ничего не знала о реальных условиях, или их заявление не было объективным, а имело целью угодить предполагаемым желаниям союзников и, преувеличив военную значимость проблемы, рекомендовать излишнее усиление их военного присутствия. В то же время, когда генерал Отани просил о дополнительных силах, он отдал приказ о наступлении, который можно воспринимать как признак его уверенности в том, что имеющиеся в его распоряжении войска способны разбить противника задолго до того, как в Сибирь смогут прибыть запрошенные им военнослужащие. На самом деле, военные действия, которые последовали по его приказу, оказались не более чем локальными перестрелками. Впоследствии японцы направляли свои действия таким образом, чтобы добиться успеха, не позволяя американским войскам занимать передовые позиции и вести наблюдение, что лишало американцев возможности проверить донесения о силах противника и о его потерях. После тщательной инспекции поля боя у разъезда Краевский офицер американской разведки сказал: «По моему мнению, силы противника, участвовавшие в бою под Краевским, которые приводятся в докладах японского Генерального штаба и офицеров разведки союзников, сильно преувеличены, как и число понесенных им потерь».

6 сентября японское командование издало приказ, который практически положил конец так называемой «уссурийской кампании»

и предписывал следующее: «Под Хабаровском сконцентрируется войсковая группировка, включающая в себя основную часть 12-й дивизии и определенную часть американских и китайских войск, чтобы разбить отряды австро-германских военнопленных и большевиков, находящиеся к востоку от Зеи и занимающие важные пункты Амурской железной дороги».

В подтверждение того, что Япония была неискренна в своих заявлениях и действиях, я получил информацию, что Соединенные Штаты и Япония намереваются послать в Сибирь по 10 тысяч солдат, однако позже японцы сказали, что по организационным причинам они хотят послать 12 тысяч человек. Соединенные Штаты согласились на такое увеличение. С 11 по 17 октября я провел инспекцию американских войск к северу до Хабаровска, к востоку от Хабаровска до Биры и на 200 километров к западу от Хабаровска и обнаружил, что почти все города оккупированы – как минимум частично – японскими войсками. Предварительно мне сообщалось, что японские войска находятся в нескольких местах южного участка Транссибирской железной дороги, тянущегося на запад до Читы. 18 октября я доложил в военное министерство, что Япония имеет в Сибири по меньшей мере 60-тысячное войско, но позже выяснилось, что я недооценил его численность на 12 тысяч. Ситуация с военной точки зрения не требовала такого увеличения, и, если бы Японии казалось, что оно необходимо, она, без сомнения, известила об этом Соединенные Штаты, с которыми у нее была договоренность об отправке только 12 тысяч человек. У меня есть все основания заявить, что Япония не сообщила Соединенным Штатам об отправке в Сибирь 72 тысяч человек.

После моей поездки на север я не мог не прийти к заключению, что Япония плетет политические и военные интриги, но вскоре стало очевидно, что не только она, но и другие нации действуют вразрез с линией поведения, заявленной Соединенными Штатами. Известно, что Англия не только хотела, но в марте 1918 года попросила Японию оккупировать Транссибирскую железную дорогу. В качестве причины для этой просьбы был приведен следующий довод: «что Япония сможет контролировать единственную линию сообщения, по которой можно доставлять помощь антибольшевистским силам в Южной Сибири». В связи с этим военными представителями Высшего

военного совета были сделаны следующие предложения: «Если Япония потребует какой-то компенсации за свои усилия, может возникнуть необходимость согласиться с тем, что она оккупирует небольшую часть Восточной Сибири. Вероятно, она в любом случае займет часть Сибири, однако это может удержать ее от дальнейшей экспансии».

Уезжая из Соединенных Штатов в Сибирь, я не представлял, что буду втянут в политические игры на Дальнем Востоке, но уже очень скоро после своего прибытия во Владивосток я понял, что каждый шаг американских представителей, как гражданских, так и военных, на Дальнем Востоке подается так, чтобы получить политический выигрыш. Это было справедливо и в отношении русских, и в отношении практически всех союзников.

В то время когда я прибыл во Владивосток, представители союзников, говоря о русских, имели в виду бывших царских офицеров и чиновников, которые чувствовали себя достаточно спокойно и не боялись каждый вечер появляться на Светланской – главной улице Владивостока – в своих роскошных мундирах. Представителей других классов называли «большевиками», хотя на самом деле бывшие царские сановники не утверждали, что они сторонники восстановления в России царской власти, а те русские, которых называли большевиками, не утверждали, что они сторонники власти Советов. Однако разделительная линия между этими двумя классами была достаточно отчетливой, и любой мог ее распознать. Перепутать их было невозможно. Сторонники прежней власти видели в каждом, кто отказывался согласиться с ними в том, что должно быть сделано для восстановления дореволюционного статуса их родины, лишь подлость, обман и все самое плохое. Поскольку союзники выступали против большевизма, а либерализм в любой форме и степени воспринимался как большевизм, они имели дело исключительно со сторонниками прежнего режима. Понятие «большевизм» распространилось так широко, что туда с легкостью попадали земства – орган, избираемый имеющими право голоса мужчинами и женщинами, достигшими двадцатилетнего возраста. В результате во Владивостоке сложилась ситуация, когда телеграф, почта, паспортный и гражданский контроль в городе оказались в руках бывших царских чиновников. Они без промедления организовались таким образом,

чтобы этим воспользоваться, и уже очень скоро снова заговорили о мести тем русским, которые посмели вести себя вразрез с их мнением.

Все представители союзников, видимо, знали, что главной целью отправки американских войск в Сибирь было оказание помощи чехам, но, поскольку они оккупировали не только Владивосток, но и все города до Урала, стали высказываться другие пожелания: не продвинуть ли американские войска в Западную Сибирь. 8 сентября я телеграфировал в военное министерство следующее: «Практически любое организованное сопротивление в Сибири прекращено».

Старая идея о формировании Восточного фронта не была окончательно забыта, несмотря на твердую убежденность президента Вильсона, что Соединенные Штаты не станут принимать в этом участия. Американские войска были отправлены в Сибирь из-за ошибочной оценки ситуации, и представители союзников задавались естественным вопросом, почему бы таким же способом не заманить их на европейскую территорию России, чтобы косвенным образом добиться своей цели.

Союзники, очевидно, понимали, что президент Вильсон сильно обеспокоен судьбой чехов. Я не только ничего не знал о дискуссиях, которые привели к интервенции, но не имел представления о политических интригах, которые плелись на Дальнем Востоке. Первые несколько дней я был склонен принимать заявления видных представителей союзников за чистую монету и действовать в соответствии с ними. В своих записях я обнаружил, что 12 сентября я известил военное министерство, что чехи возвращаются на запад, чтобы помочь собратьям, оставшимся к западу от Урала. 8 сентября мне сообщили, что англичане, французы, японцы и чехи хотят идти до Волги и желают знать, как поведут себя Соединенные Штаты.

19 сентября в своей телеграмме я писал: «Французы и англичане определенно пытаются втянуть союзнические войска в действия, результатом которых станет воссоздание Восточного фронта».

9 сентября или около того капитан Хасурак, адъютант чешского генерала Гайды прибыл с запада во Владивосток и доложил, что положение чехов, остающихся к западу от Урала, требует незамедлительной помощи союзников. 27 сентября я получил телеграмму, где заявлялось, что американские войска не продвинутся западнее озера Байкал, и предписывалось, что, если чехи отступят на

запад, моя задача будет заключаться только в том, чтобы помочь в обеспечении свободного проезда по железной дороге. Меня уведомили, что правительствам всех стран союзников отправлено сообщение нашего президента относительно использования войск в России и в Сибири, и оно очень существенно поможет мне в общении с представителями союзников.

Между тем союзники не желали, чтобы сибирская пьеса была разыграна на множество голосов, что могло бы породить немало разногласий. У них уже имелось представленное правительству Соединенных Штатов предложение об организации межсоюзнического совета, в обязанности которого, в числе прочего, входило обеспечение единства действий в отношении населения России и разрешение политических споров. Это предложение было категорически отклонено правительством Соединенных Штатов, но, как выяснилось позднее, на этом попытки обеспечить единство действий не закончились. Однако обеспечить что-то похожее на единство действий оказалось невозможно, поскольку представители Англии, Франции и Японии были поборниками вмешательства в борьбу, происходившую в России, а я нет. Это делало наше сотрудничество почти невозможным, пока полученные мною предписания оставались в силе.

Вскоре после окончания войны представители Англии и Франции стали обвинять меня в провале взаимодействия и называть русские политические силы, которые они поддерживали, «силами закона и порядка», косвенным образом обвиняя другие политические силы в том, что те несут с собой беззаконие и беспорядки. Эти определения не соответствовали фактам и, несомненно, использовались лишь потому, что хорошо звучали в случаях, когда реальная ситуация была неизвестна.

Глава японской делегации на Конференции по ограничению морских вооружений, проходившей в Вашингтоне в 1921–1922 годах, сделал заявление, касавшееся периода, когда войска союзников были направлены в Сибирь, где сказал, что Япония приняла решение предоставить Семенову существенную помощь «с целью предотвратить распространение большевистского влияния на Дальний Восток» «и что Япония всего лишь следовала линии поведения, поддержанной рядом союзных держав, особенно Великобританией и Францией, и заключающейся в том, чтобы доверить русским силам

борьбу против большевистской угрозы». Это является прекрасным доказательством того, что Англия, Франция и Япония достигли договоренности еще до того, как отправили войска в Сибирь, и что главной целью их интервенции была борьба с большевизмом.

Действия представителей Англии, Франции и Японии на протяжении всего того времени, что я находился в Сибири, вкупе с информацией, ставшей достоянием гласности после завершения интервенции, неизбежно приводят к выводу, что существовало две главные цели военного вторжения в Сибирь. Первая цель заключалась в желании предпринять действия, которые помогут союзникам в продолжающейся войне, вторая цель – желание оказать сопротивление распространению идей большевизма. Я не могу сказать, какая из целей доминировала в принятии союзниками решения об интервенции. Мой недостаточный опыт в международных делах привел к тому, что поначалу я слишком доверял заявлениям представителей других наций в отношении целей, которых должна достичь интервенция в Сибирь. Как выяснилось впоследствии, на закрытых совещаниях представителей Англии, Франции и Японии, касавшихся целей интервенции в Россию, особенно подчеркивалась необходимость предотвратить распространение большевизма на Дальнем Востоке.

В книге Фредерика Льюиса Шумана, озаглавленной «Американская политика в отношении России», читаем следующее: «Американский консул в Омске Грей получил шифровку из американского консульства в Самаре, датированную 22 июля 1918 года, в которой содержалось сообщение от генерального консула в Москве Пула, от 18-го числа: «Вы можете конфиденциально проинформировать чехословацких командиров, что до поступления новых сведений союзников будет устраивать с политической точки зрения, если те останутся на прежних позициях. С другой стороны, они бы не стали препятствовать военному обострению ситуации. Во-первых, желательно, чтобы чехи установили контроль над Транссибирской железной дорогой, во-вторых, одновременно с этим, если окажется возможным, взяли под контроль территорию, на которой они являются доминирующей силой. Сообщите французскому представителю, что Генеральный консул Франции присоединяется к этому предписанию!»

Вышеупомянутый мистер Пул – это тот самый человек, который позднее отвечал за отношения с Россией в Вашингтоне в Государственном департаменте. Телеграмма показывает, что американский генеральный консул Пул, находившийся в европейской части России, не имея на то полномочий, 18 июня 1918 года поддержал одну из сторон внутрироссийского конфликта в Сибири, в то время как 8 июня генеральный консул Харрис в Сибири утверждал, что всем представителям Соединенных Штатов дано особое предписание не принимать ничью сторону в борьбе внутри России и не участвовать в этой борьбе в пользу одной из сторон. Мистер Харрис следовал этой линии до 2 июля, когда заявил, что получил от «пекинской дипмиссии» подтверждение намерения Соединенных Штатов присоединиться к военной интервенции, имеющей целью вооруженную борьбу против Советов, противоречившую ее публично озвученным задачам. Как указано выше, 3 августа я получил предписание, датированное 17 июля, которое касалось не только американских военных, но формулировало линию поведения, обязательную для всех представителей Соединенных Штатов, где четко и ясно говорилось, что никакие представители Соединенных Штатов не должны вмешиваться и принимать чью-либо сторону во внутрироссийских делах. Предписание пришло мне прямо из Вашингтона. В то же время я никогда не видел каких-либо доказательств, что мистер Пул действовал согласно инструкциям Государственного департамента, когда от имени союзников рекомендовал чехам предпринимать определенные действия. Такие рекомендации могли быть истолкованы не иначе как подтверждение самым высокопоставленным представителем Соединенных Штатов в России того, что Соединенные Штаты являются участниками военной интервенции в Сибирь. Мистер Харрис, говоря об изменении политики от «невмешательства» к содействию одной из сторон, ссылается на подтверждение, полученное от «пекинской дипмиссии» через французского майора Гинэ. Однако в компетенцию пекинской дипмиссии не входило право давать предписания генеральному консулу Харрису, а если она просто передала инструкции, присланные из Вашингтона, то почему это нигде не указано?

К сожалению, разные линии поведения, которых придерживались американские представители в европейской части России и в Сибири,

создавали впечатление, что Соединенные Штаты не совсем честны и искренни в отношениях с русскими. Предназначавшееся чехам предположение мистера Пула, что «они бы не стали препятствовать военному обострению ситуации», выглядело как намеренное и тщательно продуманное вероломство. Если бы мне пришлось определять смысл этой фразы, я бы, не сомневаясь, сказал, что это хитрый намек чехам, что союзники не возражают против того, чтобы те начали военные действия против Советов. Однако я понимаю, что фраза составлена так, чтобы при необходимости мистер Пул мог отрицать такую трактовку.

Мистер Пул определенно не мог считать, что для начала действий по «военному обострению ситуации» в Сибири чешские солдаты станут ждать одобрения от представителей консульств союзников в Москве, особенно учитывая, что сообщение от мистера Пула дошло до консула Грея в Омске за месяц и четыре дня. Зачем генеральный консул Пул отправил чехам сообщение относительно того, чего хотят союзники? Мне кажется, что его использовали представители союзников в европейской части России, чтобы его руками таскать жар из огня.

Действия мистера Пула привели к тому, что у чехов, оставшихся в Западной Сибири, возникла большая обида на Соединенные Штаты. Она была такой ощутимой, что, когда эти чехи прибыли во Владивосток, мне пришлось идти в чешскую штаб-квартиру для выяснения причины.

Своим сообщением мистер Пул заставил или помог заставить чехов поверить, что Соединенные Штаты и страны союза намереваются осуществить широкомасштабную интервенцию в Сибирь. В результате такого убеждения чехи добровольно остались в Западной Сибири, постоянно надеясь и ожидая, что войска Соединенных Штатов и союзников скоро придут к ним на помощь.

Этим чехам пришлось не только вынести на себе все тяготы зимы 1918/19 года, но и понести большие потери в боях с большевиками, стараясь по просьбе союзников сохранять контроль над Транссибирской железной дорогой. Поставьте себя на место чешских солдат и спросите, не почувствовали бы вы обиды при таких обстоятельствах.

Как могли действия генерального консула Пула сочетаться с заявлением генерального консула Харриса, сделанным 8 июня, за десять дней до того, как мистер Пул передал чехам свое сообщение через консула Грея? 8 июня господин Харрис заявил: «Президент Соединенных Штатов издал специальное предписание для всех официальных представителей США в России никоим образом не влиять, не признавать и не поддерживать никаких группировок или противоборствующих сил в России или в Сибири».

В то время когда мистер Пул был генеральным консулом, в Архангельске находились американские солдаты, и если их доклады верны, а у меня нет сомнений в их достоверности, то командование американскими частями было передано британцам. Один из участников той кампании описал свои впечатления в книге, озаглавленной «Архангельск, война Америки с Россией». В этой книге автор пишет: «Войны не было, но на шести разрозненных участках фронта американские солдаты под британским командованием «противостояли» противнику в вырытых в снегу окопах и за импровизированными баррикадами, в то время как солдаты Советов забрасывали их гранатами, обстреливали разрывными снарядами и шрапнелью, разили из пулеметов и отстреливали каждого, кто имел неосторожность высунуть голову из укрытия».

Далее в той же книге автор утверждает: «Также там имелось американское консульство с американским генеральным консулом Девигом С. Пулом, который время от времени появлялся, чтобы понаблюдать за американским участием в этой странной войне с Россией».

Автор приводит инструкции Государственного департамента, присланные телеграфом американскому послу 3 августа 1918 года (в тот день, когда мое предписание стало достоянием гласности). Эти инструкции, в части целей, которых должны добиваться американские войска на севере России, совпадали с данными мне инструкциями, которые я цитировал выше. Это подтверждает вывод о том, что войскам Соединенных Штатов на севере России предписывалось следовать той же политической линии, что и войскам в Сибири. Я не могу сделать какое-то определенное заключение об экспедиции на Север России, потому что, насколько мне известно, Соединенные Штаты не давали в печать информации, как в отношении экспедиции в

Сибирь, так и экспедиции на Север России. Но если эти две экспедиции получили одни и те же предписания, то как могло случиться, что архангельская экспедиция использовалась для участия в боях против Советов, а сибирская экспедиция нет? Эти враждебные действия по отношению к Советам поистине озадачивают, поскольку 26 июня 1919 года президент заявил американскому сенату: «Инструкции, данные генералу Грейвсу, предписывают ему не вмешиваться в дела России». Если на Севере России американцы руководствовались теми же инструкциями, что кажется весьма вероятным, то почему там войска Соединенных Штатов вмешивались во внутренние дела России?

Находясь в Сибири, я ни разу не слышал никакого определенного заявления в отношении политики Франции, но в нем и не было нужды, поскольку действия французских представителей ясно демонстрировали, что они следуют той же линии поведения, что англичане и японцы. Справедливость этого заключения подтверждается заявлением, сделанным от лица французского правительства на Конференции по ограничению вооружений, в котором, в частности, говорилось: «Правительство Франции разделяет чувства, которые высказаны в официальном заявлении барона Шидехара по поводу намерений японского правительства в отношении Сибири; желая Японии как можно скорее вывести свои войска из России; его твердую приверженность уважению территориальной целостности России. Франция принимает эти заверения с тем большим удовлетворением, что они полностью совпадают с программой, принятой правительством Франции в 1918 году».

Я никогда не мог совместить заявления представителей союзников в отношении интервенции в Россию с действиями их представителей в Сибири. Слово «большевик», как оно использовалось в Сибири, относилось к большинству русских, и использование войск для борьбы с большевиками, а также снабжение оружием, экипировкой, продовольствием и деньгами белых русских, чтобы они вели боевые действия против большевиков, никак не согласуются с «невмешательством во внутренние дела России». Если, войдя в Сибирь, Англия, Франция и Япония намеревались использовать свои войска в борьбе с большевизмом, то почему они

своевременно не сообщили об этом публично? Непрофессионалу трудно понять язык дипломатии.

К счастью для наших военных, мы успели очень удобно разместиться до того, как русские и представители союзников узнали, каким будет мое поведение в отношении «борьбы с большевизмом». Русские с одинаковым успехом могли помочь нам разместиться или сказать, что они не могут этого сделать. Русские чиновники, наделенные властными полномочиями в реальности, были назначены на свои посты союзниками, и все они являлись сторонниками монархии. Их очень беспокоило, чтобы американцы увидели необходимость установления в России такой формы власти, которая вернет им прежнее положение или, по крайней мере, тот материальный достаток, который они имели при царском режиме. Они заверили нас, что готовы оказать любую помощь в нашем размещении. Царская Россия планировала превратить Владивосток в мощную военную крепость, способную успешно выдержать любую атаку с моря, и в ее планы входило строительство прекрасных казарм на много тысяч человек. Эти казармы были очень удобны, если не считать санитарных условий, которые практически отсутствовали. К тому же после того, как в 1914 году солдаты освободили казармы, никто не позаботился о том, чтобы ими не воспользовались гражданские, и как следствие, там скопилась ужасная грязь.

Тем не менее, после того как их отмыли, они оказались гораздо удобнее, чем я ожидал. Учитывая, что за счет прибывших в город солдат союзников и русских военных численность населения во Владивостоке возросла до 200 тысяч, что почти вдвое превышало жилищный фонд города, возникла острая нехватка казарменных помещений. Мы продолжали жить в тех же казармах, где поселились с самого начала, и таким образом смогли выполнить приказ военного министерства в отношении площади, необходимой для размещения каждого солдата, хотя временами мне бывало трудно объяснить, почему эта площадь в два раза больше той, что полагалась японскому или русскому солдату.

Часть наших войск должна была рассредоточиться вдоль железной дороги для охраны мостов и водопропускных труб, поскольку для осуществления снабжения требовалось поддерживать железную дорогу в рабочем состоянии. Обычно эти солдаты жили в

крытых вагонов, которые брались из железнодорожных составов, ставились на землю и по возможности обкладывались землей. Большая часть вагонов обладала двойной толщиной, и, хотя они не отличались удобством, в них жилось гораздо лучше, чем можно ожидать в такой холодной стране, как Сибирь.

Вскоре после приезда я поинтересовался, почему не предпринимается ничего для организации оплаты здания, взятого под штаб-квартиру, и мне сообщили, что это здание принадлежало немцам, поэтому вопрос об оплате не возникал. Мне хотелось, чтобы все финансовые дела Соединенных Штатов решались своевременно и после ухода американских солдат из Сибири не возникло никаких претензий, поэтому я приказал офицерскому совету проконсультироваться с хозяевами или их агентами и сообщить мне, если не удастся договориться о цене, которую мы должны платить. Вскоре нашлись русские, утверждавшие, что являются собственниками здания. Они показали документы, которые, судя по всему, это подтверждали. Эти русские сказали, что аренда здания стоит восемь тысяч в месяц, но, поскольку мы американцы, они просят только шесть тысяч. Мои офицеры отправились встретиться с русским, который исполнял обязанности главы исполнительной власти города, и выяснили, что стоимость всех зданий внесена в реестр, где, кроме того, указано, какую плату может брать хозяин здания, если оно используется для военных нужд. В случае если численность людей во Владивостоке сильно возрастает, закон допускал повышение арендной платы на пятьдесят процентов от обычной. Таким образом, если следовать действующему во Владивостоке закону, максимальная сумма, которую мы должны были бы платить за здание, составляла семьсот пятьдесят в месяц вместо восьми тысяч. Я был удивлен, когда мэр попросил нас не платить собственнику больше того, что положено по закону. Этот случай стал светлым пятном в моем общении с русскими чиновниками. Позже выяснилось, что этот чиновник был избран жителями Владивостока.

До моего прибытия полковнику Стайеру выделили несколько больших зданий, принадлежавших железной дороге, для использования их под склады. Они прекрасно подходили для этой цели, поскольку к ним могли подойти наши транспортные корабли, за исключением тех случаев, когда гавань замерзала. Они находились в

самом южном конце бухты, примерно в трех милях от американской штаб-квартиры. Ледоколы не могли добраться так далеко, но там проходила узкоколейная железная дорога, позволявшая нам доставлять на склады и забирать оттуда грузы, не прибегая к буксировке.

Генерал Хорват, в то время являвшийся верховным уполномоченным на Дальнем Востоке, явился ко мне с извинениями за то, что русские просят с нас арендную плату за здания, хотя американцы помогают им поддерживать работоспособность железной дороги, но сказал, что деньги нужны, и Соединенные Штаты единственная страна, от которой они надеются их получить. Я ответил ему, что не одобряю оплату, но передам его просьбу в Вашингтон. Я был против того, чтобы платить аренду за здания, занятые войсками, охраняющими железную дорогу. Это как если бы человек нанял охрану для своего дома и потребовал с нее плату за размещение. Каково же было мое удивление, когда пришел ответ, предписывающий мне платить за пользование зданиями пять-шесть тысяч долларов в месяц.

Когда вопрос с чехами был решен – если вопрос с чехами в Сибири вообще существовал до моего прибытия во Владивосток – и поскольку мне было сказано не вмешиваться во внутренние конфликты, войскам Соединенных Штатов не оставалось ничего иного, как выполнять ту часть моих предписаний, где говорилось, что «единственной законной задачей, которую могут выполнять американские войска и войска союзников, является охрана военных складов, которые впоследствии могут понадобиться русской армии». Прежде чем я мог предпринять какие-нибудь шаги, «чтобы по возможности помочь русским в организации самозащиты», очевидно, требовалось принять решение о том, какие русские силы имеются в виду. Это решение могло быть принято только в Вашингтоне, а обстоятельства складывались так, что вы не могли помогать кому-то из русских, не отступив от политики невмешательства в их внутренние дела. Я не мог даже дать русскому рубашку, не будучи заподозрен в попытке помочь той группировке, к которой он принадлежал.

Что же касается защиты собственности, то повсюду имелись доказательства того, что она нуждается в защите не только от немецких и австрийских пленных, но и от любого, кто хотел ее захватить. Повсюду можно было видеть самые разные ценности,

приобретенные царским правительством или правительством Керенского, и сваленные где и как попало. Меня поразило большое количество тюков с ватой, лежавших прямо на земле и ничем не защищенных от сырости ни сверху, ни снизу. Еще огромные штабеля резины, которая, как было сказано, требовалась союзникам, и по меньшей мере тысяча автомобилей, которые так никогда и не вытащили из контейнеров. Кто угодно мог взять любую из этих вещей, если бы захотел. До определенной степени защитой этой собственности служило то, что никто не смог бы вывезти эту собственность из Сибири или воспользоваться ею во Владивостоке.

На первой встрече командующих я предложил, чтобы все мы, командующие, получили список всей вывезенной русской собственности, а также той, которую было разрешено вывезти из Владивостока. В этом списке предполагалось указывать, куда и с какой целью вывозятся вещи. Британский командующий генерал Нокс сообщил мне, что все эти ценности куплены на британские деньги и он намерен поступить с ними как считает нужным и не собирается слушать ничьего мнения. Я объяснил командующим союзников, почему хочу, чтобы такой список был составлен, но, похоже, это только рассердило генерала Нокса еще сильнее, чем мое первое заявление. Тогда я сообщил ему, что у меня нет информации о том, кто покупал эти ценности, но полагаю, что до того, как их поставили, Россия каким-то образом рассчиталась с той страной, где они были куплены. В результате, не приняв моего предложения, вопрос замяли. Об этой стычке с генералом Ноксом в сентябре 1918 года я снова вспомнил, когда в изданном конгрессом сборнике речей от 26 февраля 1921 года прочитал, что 53 186 352,70 доллара, которые Соединенные Штаты одолжили правительству Керенского, были потрачены на «валюту и закупки ваты».

С каждым днем ситуация становилась все более напряженной, и на каждой встрече с командованием союзников я видел, что военные представители Англии, Франции и Японии выступают единым фронтом по всем вопросам. Я не думаю, что беспристрастный человек, который лично знаком с тогдашним положением дел, станет утверждать, что представители Англии, Франции и Японии соблюдали нейтралитет во внутрисоссийских конфликтах. Эти представители не

только не отрицали, но хвастались своей деятельностью, направленной на уничтожение того, что они называли большевизмом.

Вскоре на этих встречах с союзниками стало очевидным, что меня воспринимают как темную лошадку, и при возникновении любых разногласий их стрелы дружно обрушивались на меня. В нашей политике существовали фундаментальные различия, которые невозможно было преодолеть, пока действовали данные мне предписания. Англия, Франция и Япония всегда преследовали цель нанести большевикам максимально возможный урон, тогда как я старался держаться в стороне от любых русских политических партий. Принцип невмешательства был провозглашен на весь мир, и каждый человек в Сибири, и русский и иностранец, знал об этом обещании, данном перед тем, как войска союзников вошли туда. С моей точки зрения, эта политика была здоровой, потому что на земле нет ни одной нации, которая бы не возмутилась, если бы на ее территорию вторглись иностранные войска с целью привести к власти ту или иную политическую силу. В результате пострадал бы не только престиж подобной интервенции, но был бы нанесен существенный урон той политической партии, которой пытались помочь иностранцы.

В тот момент, когда Соединенные Штаты поддержали одну из сторон в российском конфликте, что противоречило официальным заверениям, данным президентом Вильсоном русским, их репутация и представление об искренности намерений были дискредитированы.

Чехи, оказавшиеся в Сибири, были приверженцами либеральных идей. Они достаточно натерпелись от автократии и вместе с тем были настроены бороться с большевизмом, поскольку видели в нем агента Германии и Австрии, считали его препятствием на пути их стремления создать чехословацкую республику. Как только чехи поняли, что борьба с большевизмом означает не только отрицание всех форм либерализма, но преследует цель передачи власти в руки тех, в чьих руках она находилась при Романовых, тех, кто поддерживал идеи царизма, они больше не могли идти в ногу с Англией, Францией и Японией.

Канадцы и китайцы не сходились во взглядах с тремя вышеупомянутыми нациями. Канадцы, по моему мнению, представляли собой сознательную, вдумчивую силу. Не секрет, что они не одобряли жестокие репрессивные методы, использовавшиеся

против народа сторонниками Колчака и которые пусть и не поддерживались полностью генералом Ноксом и сэром Чарльзом Элиотом, но и не порицались ими. Практика убийств, заключения в тюрьму и избиения людей за то, что они исповедовали определенные идеи, вызывала у канадцев отвращение. Они не понимали, как повторяющиеся заявления правительств о том, что они не намерены отступать от традиционной политики невмешательства во внутренние дела России, соотносятся с действиями, которые девяносто девять и девять десятых процента людей, осведомленных об этих действиях, воспринимали как самое вопиющее вмешательство.

Однажды один из высших канадских офицеров сообщил мне о ситуации, возникшей в канадских частях, отказавшихся выполнять некоторые приказы, которые отдавал верховный британский комиссар сэр Чарльз Элиот. Вскоре после этого инцидента канадские части были отправлены назад в Канаду. Я никогда не видел никаких официальных заявлений о причинах отправки этих частей домой, но в одной английской книге читал, что они не вполне удовлетворительно выполняли свой долг. Что же касается того, в чем это выразилось, никаких разъяснений не давалось. Но для нас – для тех, кто был в Сибири, – такие разъяснения не требовались, поскольку причины были совершенно очевидны. Поскольку канадские солдаты находились под командованием британских властей, белые пропагандисты не могли заклеить их страшным словом «большевики», как сделали бы, если бы они приехали не из Канады, а из Соединенных Штатов.

Итальянский командир проинформировал меня, что имеет от своего правительства предписание голосовать за все предложения американского представителя. При этом представители Англии, Франции и Японии оказывались в меньшинстве, и это ставило их в неловкое положение, поскольку генерал Нокс считал, что это он должен определять действия военных представителей союзников в Сибири. Как только Нокс понял, что Соединенные Штаты ни при каких условиях не будут ни прямо, ни косвенно участвовать в формировании Восточного фронта, он с легкостью переключился на идею, что войска союзников должны быть использованы для борьбы с большевизмом. И поскольку он часто оказывался в меньшинстве в союзном командовании, его раздражение, раскаляясь добела, обращалось преимущественно против меня и адмирала Найта. Я часто

слышал, как он совершенно открыто критиковал президента Вильсона, и его негодование было таким сильным, что он забывался. Не один раз он самым возмутительным образом отзывался о представителях Соединенных Штатов. Однажды вечером во время обеда, на котором за британским столом сидел приглашенный в качестве гостя американец, он обозвал адмирала Найта и меня тупыми упрямыми.

В сентябре во Владивосток прибыл генерал Гайда, и я впервые встретился с ним. Его сопровождали генерал Пэрис – в то время старший французский офицер на Дальнем Востоке – и другие французские офицеры.

Генерал Пэрис тоже вынашивал честолюбивые планы о формировании Восточного фронта и склонен был критиковать американцев, которые не делали то, что он считал нужным. В то время генерал Гайда был молодым человеком двадцати семи лет, разгоряченным своими успехами в Иркутске. Поскольку представители союзников использовали его, побуждая сделать все возможное, чтобы заставить войска других наций идти на запад, я счел полезным предупредить его, чтобы он не ждал, что американские войска двинутся западнее озера Байкал.

К сожалению, для обеспечения единства действий в то время в поле зрения появился доктор Теслер, возглавлявший американский Красный Крест, про которого было широко известно, что он двоюродный брат миссис Вудро Вильсон. Он был убежденным сторонником самодержавия и почти восемнадцать лет прожил в Японии. Судя по всему, после окончания работы Красного Креста в Сибири он намеревался вернуться в Японию. Доктор Теслер в большей степени сочувствовал действиям англичан, французов и японцев, что не соответствовало американской политике невмешательства.

Как только генерал Гайда уехал от меня, доктор Теслер заверил его, что, несмотря на заявленную политику Соединенных Штатов, он знает: в случае если ситуация с чехами обострится и Гайда телеграфирует мне о необходимости военной помощи, я не посмею отказать и сразу же направлю американские войска на запад. Присутствовавший при этом майор американской армии Слотер слышал это заявление доктора Теслера и при первой же возможности воспроизвел его по памяти и отправил мне. Родственные связи доктора

Теслера с миссис Вильсон заставляли иностранцев придавать слишком большое значение его точке зрения в вопросах политики. Майор Слотер также сообщил, что, совершая поездку на запад с генералом Гайдой, генерал Пэрис «критиковал действия Соединенных Штатов в отношении чехов, что в настоящее время наносит определенный ущерб».

В сентябре Семенов^[1], который, как выяснилось позже, был убийцей, грабителем и самым отъявленным негодяем, тоже приехал встретиться со мной. Его финансировали японцы, но, хотя он не считал, что должен выполнять их приказания, всегда держался на расстоянии досягаемости от японских войск. По сути дела, ему не оставалось ничего иного, поскольку без защиты японцев он не просуществовал бы в Сибири и недели. Семенов постоянно твердил о «возрождении Родины».

В сентябре-октябре представители союзников и русских старались оценить меня, а я тем временем старался оценить их. Не знаю, насколько они достигли успеха, но я очень быстро разочаровался. Я ожидал встретить представителей союзников и русских представителей, не имеющих других мотивов, кроме желания помочь России. Ко мне приходило много русских, принадлежавших к разным политическим группировкам, таким как монархисты и социалисты-революционеры, и разным классам, как крестьяне и представители земств. Они, естественно, хотели знать, каким будет мое поведение в отношении их проблем, и я был рад сообщить им, что войска Соединенных Штатов не будут вмешиваться в их внутренние дела и политические процессы. Как и ожидалось, одним это нравилось, других разочаровывало. В октябре в мой кабинет пришел русский офицер в мундире царского образца и сказал, что он официальное лицо или, по крайней мере, занимает какой-то официальный пост. Этот человек заявил, что я встречаюсь с людьми, чью политику они не разделяют, и люди, которых он представляет, хотят, чтобы я перестал принимать нежелательных посетителей. Я спросил, каким образом смогу быть в курсе происходящего, и он ответил: «Мы будем снабжать вас всей информацией, которую вам необходимо знать». Я объяснил ему, что буду говорить со всеми, с кем пожелаю. Этот русский в истинно казачьей манере щелкнул каблуками, отдал честь и вышел из кабинета, и у меня появились враги еще в одной русской фракции. Его

предложение меня удивило, и я подумал, что подобная идея могла появиться только в такой автократической стране, как старая Россия. Однако позже ко мне явился генерал Нокс и сказал: «У вас складывается репутация «друга бедняков», но неужели вы не понимаете, что они просто свиньи».

11 октября я поехал из Владивостока в Хабаровск и дальше, с целью проинспектировать 27-й пехотный полк. Мы раздобыли специальный поезд, но служба движения была очень ненадежной. Однако в американском штабе нашелся клерк, который раньше служил в управлении той самой железной дороги, и он смог протолкнуть наш поезд за рекордное время. Территория, по которой мы проезжали, оказалась исключительно интересной, благодаря чрезвычайно плодородной почве, позволявшей выращивать отменное зерно, кормовые травы и вообще почти все, что нужно крестьянам. В одном месте, недалеко от Никольска, раскинулась холмистая степь, полностью засеянная пшеницей. В другом месте по обе стороны железной дороги, насколько хватало зрения, тоже росла пшеница. Там не было никаких отдельно стоящих домов, какие можно увидеть в Соединенных Штатах, поскольку крестьяне жили в деревнях и иногда должны были ходить до своих полей по 7–8 километров. У них не было необходимости огораживать свои поля. В определенное время они приходили, скашивали траву, складывали ее в стога, огораживали и оставляли до тех пор, пока она не понадобится их скоту. Мне рассказывали, что обычно они помещают животных в небольшой загон возле стога и оставляют там, пока не кончится сено, а потом переводят их к другому стогу. Как мне объяснили, в основном выращивают пшеницу, овес и гречиху.

В этой поездке мы пользовались спальным транссибирским вагоном первого класса. Это большой деревянный вагон с девятью купе и проходом с одной стороны от них. По желанию пассажиров купе могли сообщаться или изолироваться с помощью раздвижных дверей. В вагонах имелись верхние и нижние спальные полки, расположенные не вдоль, а поперек вагона. Спальные места были шире и длиннее, чем в пульмановских вагонах в Соединенных Штатах. Железные дороги в Сибири имеют большую ширину колеи, чем в Соединенных Штатах.

Утром 12 октября мы начали замечать первые деревья, которых, как говорили, в Сибири очень много. Я видел тонкую корочку льда на озере. До этого мне не попадалось никаких признаков воды, хотя мы проехали 650 километров на север от Владивостока.

В Хабаровск мы прибыли в 10 утра и провели день, inspecting квартиры офицеров и солдат 27-го пехотного полка. Я остался очень доволен тем, как они размещены в преддверии зимы.

В сентябре, во время проведения операции или, по крайней мере, когда мы думали, что японцы проводят операцию, часть солдат 27-го полка была отправлена на 200 километров западнее Хабаровска в район Биры. Они обосновались в трех или четырех городах между Хабаровском и Бирой, я хотел увидеть, как они живут. Я взял с собой полковника Стайера, и в 6 часов вечера наш поезд двинулся в сторону Биры, куда мы прибыли на следующее утро еще до рассвета. Как только рассвело, я вышел из вагона, и единственный бодрствующий человек, которого я встретил, был американский солдат, стоявший, как часовой, возле железнодорожной станции. Я спросил его, что ему приказано делать, и он ответил: «Подбирать все бумажки, которые я увижу около станции». Я спросил его, кто находится в помещении станции, и он ответил: «Какие-то японские офицеры и японские солдаты». Я рассчитывал увидеть город, но увидел всего несколько разбросанных вдоль реки изб. Американских солдат мы обнаружили в старых крытых вагонах, однако их капитан уехал на охоту. Я спросил солдат, как им здесь нравится. Они были полны энтузиазма и высказывали надежду, что я позволю им остаться здесь на зиму. Осматривая их кухню, я заметил, что на обед у них было два лосося. Я спросил, где и как им удалось поймать рыбу, и они ответили, что поймали ее в реке прямо руками. Они говорили, что их лагерь навещают белки и даже приходил медведь. Я не видел причин оставлять войска в Бире и велел полковнику Стайеру отправить их назад в Хабаровск. На обратном пути мы остановились, чтобы проинспектировать войска еще на двух станциях, и я не нашел причин оставлять их ни на одной из них, поэтому приказал отправить их назад в Хабаровск.

Я часто задавался вопросом, почему японцы хотели, чтобы на этих захолустных станциях стояли войска, и единственный мой вывод заключается в том, что, только держа солдат на этих станциях, японцы

могли оправдать отправку в Сибирь семидесяти двух тысяч человек вместо двенадцати тысяч, на которые согласились Соединенные Штаты.

По дороге из Биры в Хабаровск мы видели массивы красивых лесов, которые были частью девственного строевого леса, произраставшего на огромной территории к востоку от озера Байкал. Я не настолько хорошо разбираюсь в деревьях, чтобы сказать, какой они породы, но утверждается, что в Сибири растет от пятидесяти до шестидесяти разных видов.

Прямо перед прибытием в Хабаровск мы проезжали над рекой Амур по одному из самых красивых мостов, который я когда-либо видел. Утверждается, что этот мост третий по длине в мире. Он сделан из стальных конструкций, освещается электричеством и состоит из двадцати пяти пролетов.

Приехав в Хабаровск, я встретился с японским генералом Юи, командовавшим 12-й дивизией, и сообщил ему, что приказал вывести американские войска с территории западнее Хабаровска. И еще я впервые встретился с известным убийцей, разбойником и головорезом Калмыковым^[2]. Это был худший из всех негодяев, которых мне когда-либо доводилось видеть, и я всерьез сомневаюсь, что, изучив в стандартном словаре все слова, описывающие различные виды преступлений, можно отыскать такое, которого не совершил Калмыков. Его вооружали и финансировали японцы, стараясь «помочь русским людям». Я утверждаю это намеренно, поскольку у меня есть доказательства, способные убедить любого непредвзятого человека. Если Семенов отдавал другим приказы убивать, Калмыков делал это собственными руками, этим он отличался от Семенова. Пользуясь выражением русских, Калмыков был «ликвидирован» (убит) китайцами, когда они пытались вывезти его из Сибири в Пекин. Семенов был позже вывезен из Сибири и нашел убежище в Японии.

Уезжая в Бирю, я пригласил с собой мистера Карла В. Акермана, представлявшего «Нью-Йорк таймс», и мистера Хермана Бернштейна из «Геральд трибюн». Эти джентльмены были весьма известными обозревателями, очень интересовавшимися Россией и хотевшими разобраться в политике Соединенных Штатов.

Я никогда не мог понять, каким образом и благодаря каким ухищрениям, народ Соединенных Штатов заставили поверить, что

наши войска отправились в Сибирь бороться с большевизмом. Но я всегда знал, почему некоторые иностранцы неправильно интерпретируют линию поведения американских войск в Сибири, поскольку понимал цель такой интерпретации. «Нью-Йорк таймс» была определенно прекрасно осведомлена обо всех международных делах администрации Вильсона, и ни одна другая газета не имела лучшей возможности узнавать реальные факты. Сотрудник этой газеты мистер Карл Акерман приехал в Сибирь в октябре 1918 года и позже, ссылаясь на разговор, который состоялся у меня с офицером, имевшим отношение к аресту одного русского, поскольку того назвали большевиком, написал, что приказания, которые я отдавал офицеру, «стали для него первым намеком на то, что Соединенные Штаты не считают большевиков врагами союзников».

В подтверждение того, что преобладающее мнение относительно использования американских войск в Сибири было ошибочным, статья в «Нью-Йорк таймс» от 7 декабря 1930 года приводит ответ, который дал покойный генерал Блисс на встрече большой четверки 27 марта 1919 года на предложение маршала Фоша, чтобы союзники выступили против России. В статье утверждается, что информация, приведенная в статье, исходит от мистера Герберта Байарда Свопа, возглавлявшего делегацию прессы на Парижской мирной конференции. В этом заявлении говорится: «До подписания мирного договора Соединенные Штаты совместно с другими союзниками отправили в Россию войска, чтобы в числе прочего предотвратить возможный захват немцами русского военного имущества. Эти войска, находящиеся теперь в Сибири, помогают белым отрядам бороться с полчищами красных».

Войска Соединенных Штатов в Сибири никогда не участвовали в боях с войсками красных, ни до, ни после окончания мировой войны. Они действительно принимали участие в сентябрьской кампании 1918 года, но только потому, что мне доложили о немецких и австрийских пленных, которые составляли отряды противника. Я верил докладу, иначе американские войска не стали бы принимать участие в этой кампании.

В то же время в статье, о которой упомянуто выше, приводится заявление, сделанное президентом Вильсоном в ответ на предложение маршала Фоша: «Отправить войска означало бы вступить в войну с Россией, чего Соединенные Штаты не могут сделать без

предварительного согласия конгресса, поэтому я не мог бы отправить туда ни одного человека, даже если бы хотел. А я этого не хотел».

Соединенные Штаты никогда не вступали в войну с Россией или с какой-либо политической силой в России.

Использование американских войск для осуществления враждебных действий в отношении какой-либо русской группировки было антиконституционным в той же степени, как использование их для осуществления враждебных действий в отношении всех русских. Если бы я разрешил, чтобы американские войска использовались в боях против так называемых «красных полчищ», я взял бы на себя огромную ответственность, поскольку никто из стоявших во власти выше меня не давал мне таких приказов. Тот факт, что я не позволил использовать американские войска таким образом, стал основной причиной критики, направленной против нас во время нашего пребывания в Сибири. После моего возвращения с Дальнего Востока в 1920 году генерал Леонард Вуд сказал мне, что, если бы я не сохранил экземпляр данных мне предписаний, меня бы «порвали на части в Соединенных Штатах за то, что я не стал принимать участия в борьбе с большевизмом».

В начале сентября, сразу после моего прибытия в Сибирь, было решено, что надо отправить войска в Сучан на угольные шахты, чтобы возобновить их работу. Эти шахты были расположены в 120 километрах на восток от Владивостока и снабжали углем Приморскую область и железные дороги Восточной Сибири. Политические страсти начали кипеть вокруг этих шахт еще за некоторое время до прибытия туда союзных войск, и противоречия практически остановили операцию. Союзное командование приняло бескорыстное решение, что за этой территорией должны следить Соединенные Штаты. Я согласился, и мы отправили для охраны отряд американцев из 250 человек, отряд японцев и отряд китайцев под командованием американского офицера. Это стало самой большой занозой для нас за весь период пребывания в Сибири. Все это время союзное командование не переставало обсуждать положение на Сучанских шахтах и решать, как лучше всего поступить. Прежнего управляющего шахтами большевики уволили, но союзное командование думало, что его желательно вернуть, поскольку он хорошо знал шахты и, возможно, смог бы добывать больше угля и параллельно доставлять

как можно больше проблем американцам. Это дело требовало, как минимум, рассмотрения с военной, политической и экономической точки зрения. Возвращение прежнего управляющего могло создать дополнительные и существенные политические сложности. Но управляющий сказал, что он инженер и политика никогда не входила в его расчеты. Однако уже вскоре после того, как ему вернули прежнюю должность, он заметно изменился и превратился в яростного защитника старых методов обращения с шахтерами.

Стремясь получить информацию о положении дел из первых рук, я с первым же отрядом солдат отправил в Сучан начальника своего штаба полковника О. П. Робинсона. Он пользовался каждой возможностью, чтобы объяснять людям, что наша цель в том, чтобы добытый уголь использовался прежде всего русскими, и вскоре понял, что люди настроены дружелюбно, и почувствовал, что большинство бывших шахтеров не возражают против возвращения прежнего управляющего. По возвращении полковник Робинсон доложил, что он не предвидит проблем, если только управляющий не возбудит недовольство, прибегнув к репрессалиям в отношении своих бывших противников. Полковник Робинсон старался объяснить ему, что было бы неразумно начать увольнять людей из-за прежних разногласий. Сначала дела шли хорошо, но вскоре до меня дошли сведения, что отряды союзников используются для подавления политических выступлений. Я отправил старшему офицеру телеграмму.

Вокруг Сучанских шахт сложилась невероятно напряженная атмосфера злобы и жажды мести. Каждая сторона постоянно приписывала представителям другой стороны действия, не соответствовавшие фактам. Приверженцы царизма жаждали отомстить Советам, поскольку до прибытия в Сибирь войск союзников их выгнали с шахт. Эти шахты стали ключевой проблемной точкой и будут часто упоминаться в следующих главах.

После подписания перемирия

Подписание перемирия 11 ноября 1918 года существенно изменило обязанности американских войск и выявило новые причины для несогласия между мной и представителями Англии, Франции и Японии. Военные операции, в которых принимали участие американские войска, базировались на уверенности в том, что выступающие против нас отряды по меньшей мере частично состоят из пленных немцев и австрийцев. Что касается интенсивности, с которой представители Англии, Франции и Японии вели военные действия, для них не имело значения, состоят ли силы противника из одних большевиков, или в них участвуют немецкие и австрийские пленные. Поэтому в этом отношении после подписания перемирия для них ничего не изменилось. Что же касается американских войск, то я придерживался позиции, что Соединенные Штаты не воюют ни с какой частью России и мы не можем предпринимать враждебные действия, если это не касается защиты вверенных нам объектов или нас самих. Это вносило дополнительное раздражение в без того сложные отношения.

В течение примерно пяти месяцев после подписания перемирия и до того, как американские войска в соответствии с инструкциями из Вашингтона взяли на себя обязанность помогать в охране железной дороги, они несли только обычную гарнизонную службу.

5 ноября я получил телеграмму, где содержались основные положения письма Государственного департамента, относящиеся непосредственно к проблемам, возникшим в Сибири. В этом письме говорилось, что генеральный консул обладает полномочиями не только поддерживать личные контакты с местными властями, если это возможно, но и разрешать сотрудникам своего консульства оказывать помощь и консультировать эти власти в вопросах улучшения ситуации на местах. Также в этом письме говорилось, что правительство Соединенных Штатов еще не готово признать новую власть в России. В это время все города Сибири, через которые проходила железная дорога, находились в руках белых, а все консульские представители были размещены вдоль железной дороги. На практике «оказание

помощи и консультирование» местных и муниципальных служащих заключалось в помощи и консультировании белых, что естественным образом позволяло большевикам обвинять Соединенные Штаты в помощи сторонникам самодержавия. Если эти консульские работники имели какое-то личное пристрастие к определенным российским силам, то это предписание в определенной степени давало возможность представителям Соединенных Штатов при желании принимать ту сторону, которая им нравилась, а у этих людей, как и у любых других, имелись свои мнения и пристрастия.

В качестве примера приведу жену одного американского консульского работника во Владивостоке, которая во время обеда, куда мы были приглашены, заявила мне, что она хотела бы командовать американскими войсками, по той причине, что ей хочется послать солдат, чтобы они наконец заставили этих никчемных людей работать. Еще она заявила, что идеи свободы, которые они вбили себе в головы, привели к тому, что ей пришлось повысить жалованье своей кухарке с десяти до двенадцати долларов в месяц. Наши личные интересы оказывают большое влияние на наши суждения по всем вопросам.

Инструкции, о которых я упомянул выше, по моему мнению, вбивали клин в то, что на поверку оказалось заметным расхождением между представителями Государственного департамента и военного министерства в Сибири. По прошествии времени представители Государственного департамента получили дальнейшие инструкции, где более явно высказывалось желание кого-то стоявшего близко к вершине властной пирамиды в Вашингтоне. Но за все это время в данных мне предписаниях не было изменено ни единого слова. Результат был очевиден. Единственное преимущество, которое я могу усмотреть в такой политике, заключалось в том, что она дает возможность с легкостью отвечать на любую критику, ссылаясь на действия либо Государственного департамента, либо военного министерства, в зависимости от обстоятельств. Позже мы поговорим об этих различиях и обсудим их.

В апреле 1918 года дипломатических представителей союзников известили о создании автономного правительства Сибири, которое называлось Временным сибирским правительством. В сентябре того же года возникло новое общероссийское правительство в Уфе, известное как Уфимская Директория. Последнее было сформировано

актом Уфимского государственного совещания под председательством господина Авксентьева, бывшего министра внутренних дел в кабинете Керенского. В ноябре эти правительства объединились и сформировали правительство под названием Всероссийское Временное правительство в составе пяти человек.

В ночь с 18 на 19 ноября это правительство было свергнуто, и адмирал Колчак объявил себя Верховным правителем России. Несколько русских офицеров (все белые) организовали *coup d'état*^[3], и по всей Сибири пошел слух, что одним из идейных вдохновителей смены власти был английский генерал Нокс. Нет никаких сомнений в том, что в ночь переворота по улицам Омска маршировали английские войска, и создавалось впечатление, что они помогают русским, устроившим переворот. Кроме того, нет сомнений в том, что генерал Нокс имел большое влияние на адмирала Колчака, и похоже, ему хотелось, чтобы об этом влиянии узнали все.

Восточная Сибирь отреагировала на узурпацию власти Колчаком по-разному. Те из союзников, которые благоволили самодержавной власти в России, были очень довольны переменами, а русские, занимавшие при царизме различные посты, более чем довольны, потому что со времени падения царского режима это была единственная власть, которая сулила надежду вернуть себе прежний общественный статус. Сибирские крестьяне были не готовы высказывать свое мнение, пока этого не сделало правительство Колчака. Они уже достаточно повоевали и не хотели принимать участия в очередной войне, если могли ее избежать. Именно их всегда заставляли воевать во всех русских войнах, и именно они во время мировой войны понесли потери большие, чем все другие народы. Во время войны на долю их семей выпадали огромные тяготы, а когда они вернулись в свои дома, то обнаружили, что то, чем они пользовались для обработки земли, забрали на нужды армии. Я испытывал большую симпатию к этим людям и считал их добрыми, великодушными и гостеприимными.

Мне часто говорили, что они «примитивны и невежественны», но, когда речь шла о том, что затрагивало их интересы, эти крестьяне оказывались далеко не такими невежественными. Еще одно заблуждение, существующее в Соединенных Штатах, заключается в том, будто эти крестьяне не хотели учиться. Все, что я видел в Сибири,

это опровергает. Проезжая через деревни, можно было увидеть детей, идущих в школу, точно так же, как в Соединенных Штатах, если не считать того, что мальчики носили свои книги в ранцах, как солдаты. Еще одним подтверждением их тяги к знаниям был тот факт, что почти все крестьянские делегации, приходившие ко мне со своими проблемами – а таких делегаций было больше сотни, – имели в своем составе деревенского школьного учителя.

Адмирал Колчак окружил себя бывшими царскими чиновниками, и, когда эти крестьяне не захотели брать в руки оружие и жертвовать своими жизнями ради того, чтобы вернуть их во власть, их начали избивать, пороть кнутом и хладнокровно убивать тысячами. А потом мир называл их «большевиками». В Сибири слово «большевик» означало человека, который ни словом, ни делом не желает способствовать восстановлению самодержавия в России.

Русское слово «большевик» возникло от слова «большинство». Оно впервые приобрело политическое значение в 1903 году, когда Российская социалистическая рабочая партия собралась в Лондоне на свой второй съезд. На этом съезде были высказаны две точки зрения, одна радикальная революционная, а другая умеренная реформистская. Приверженцы первой во главе с Лениным получили на этой встрече существенное большинство, и их назвали большевиками. Другая сторона была названа меньшевики от русского слова «меньшинство». До 1912 года эти две группы существовали внутри одной политической партии, но потом их разногласия стали непримиримыми.

С 1918 года большевистская партия стала называться Российской коммунистической партией. После революции в России в Соединенных Штатах это слово стало употребляться повсеместно и использоваться без разбора в отношении любых действий в зависимости от пристрастий и интересов говорившего. Оно скорее означало «меньшинство», чем «большинство». Обычно его употребляют, говоря об оппозиции к доминирующей партии или, как минимум, к человеку или людям, облеченным властью. Оно используется, когда говорят о тех, кто выступает против церкви, кто не согласен с местной властью, о школьной оппозиции и т. д. И бесполезно искать значение этого слова в словаре. Если бы его значение ограничивалось тем, что дается в обычном словаре, то его можно было бы применить только к членам «террористического крыла

демократической партии, которое стало доминирующим в России во время революции марта 1917 года». Под это определение не подпадает даже советское правительство, созданное, когда большевики пришли к власти в ноябре 1917 года.

Это слово употребляется походя, но в Соединенных Штатах всегда несет в себе отрицательный смысл, в то время как в Сибири оно имело особое политическое значение и применялось к каждому, кто не поддерживал Колчака и окружавших его сторонников самодержавия. В Соединенных Штатах оно имеет совсем другой смысл, особенно когда употребляется в отношении русских. В Соединенных Штатах большевиков изображают маньяками с бомбой, пытающимися уничтожить цивилизацию. Если использовать слово «большевик» в качестве клейма, как это было и есть в Соединенных Штатах, то в соответствии с нормами морали русские крестьяне заслуживали его меньше всех других классов, которые я увидел в Сибири.

Политическое значение слова «большевик», как оно использовалось в Сибири, включало в себя представителей земства, поскольку они не разделяли идей Колчака в отношении того, какую власть следует установить в России. Эти люди жили среди народа и пользовались его доверием, что отражалось в том, что они занимали свои посты в результате выборов, на которых голосовали их соседи и односельчане.

Если не считать тех, кто поддерживал Колчака, в Сибири никто не пользовался такими благами современной цивилизации, как свобода слова, свобода собраний, свобода любых законных действий, которые признаются врожденными правами всех цивилизованных людей. Земства, думы и кооперативы были настолько хорошо известны как легальные, заслуживающие доверия, законопослушные организации, что Колчаку было бы трудно оправдать перед лицом остального мира использование жестоких репрессивных мер против этих органов, если называть их тем, чем они являлись. Гораздо проще было сделать это, объединив всех, кто не поддерживал Колчака, в одну группу и назвать их большевиками, что за пределами России автоматически бросало на этих людей темную тень. Как могли представители земств и тысячи других русских, таких же, как они, не лучше и не хуже, избежать клейма в глазах Соединенных Штатов, если в Сибири их политические взгляды классифицировались как большевистские? Единственный

способ заключался в том, чтобы, невзирая на собственные принципы, отказаться от своих идей о власти, перекраситься, прыгнуть в лодку Колчака и начать грести.

Очевидно, что иммиграционные власти Соединенных Штатов использовали ту же политическую классификацию русских, которую установил в Сибири Колчак. Я знаю одного русского, который являлся в Сибири членом кооперативного общества и не принимал участия в политических конфликтах. В 1919 году он получил разрешение приехать по делам в Соединенные Штаты. Мои изыскания привели меня к выводу, что до отъезда из Владивостока этот русский был честным, добропорядочным человеком. Когда он прибыл в Сан-Франциско, иммиграционные власти посадили его под арест, а пресса клеймила как самого страшного большевика из Сибири. Почему этого человека причислили к большевикам? Он не выступал против Колчака, но оказался большевиком, только потому что не был его активным сторонником.

Теперь перевернем картинку и посмотрим на нее с другой стороны. В 1919 году Семенов отправил в Вашингтон капитана из своего штаба. У этого эмиссара не только не возникло проблем с тем, чтобы попасть в Соединенные Штаты, но в прессе я увидел, что по дороге из Сан-Франциско в Вашингтон некоторые видные американцы организовали этому русскому возможность рассказать о положении в Сибири. Я не знаю цели визита этого эмиссара Семенова, но он громогласно заявлял, что одна из его задач заключается в том, чтобы освободить меня от командования американскими войсками. Когда этот русский вернулся во Владивосток, он сказал, что военное министерство отнеслось к нему с большим вниманием и поручило полковнику американской армии Кронину сопровождать его в Вашингтоне и содействовать ему во встречах с видными людьми. Еще он заявил, что, когда уезжал из Вашингтона, полковник Кронин заверил его, что меня снимут с командования еще до того, как он доберется до Владивостока. Этот человек представлял Семенова, и естественно предположить, что он исповедовал те же моральные принципы и был таким же преступником, как и его шеф. Личные качества Семенова были очень хорошо известны в Вашингтоне, однако, судя по всему, на это не обратили внимания. При принятии решения о том, может ли русский получить разрешение на въезд в

Соединенные Штаты, учитывалась только его политическая классификация. Общая информация для иммигрантов, изданная министерством труда Соединенных Штатов, гласит: «Иммиграционные законы направлены на то, чтобы в Соединенные Штаты въезжали только психически здоровые, нравственно чистые и физически развитые иностранцы».

Если считать, что Семенов был «нравственно чист», то я не видел в Сибири ни одного человека, который не был бы «нравственно чистым». Неужели кто-то из тех, кто был в Сибири, когда-нибудь утверждал, что он соответствует требованиям нашего законодательства в отношении того, чтобы быть «нравственно чистым»? Я в это не верю. Американский генеральный консул мистер Харрис рассказывал мне про Семенова и фактически зачитал часть доклада, сделанного им в Государственном департаменте, в котором он убедительно описал личность Семенова. Едва ли возможно, и я думаю, маловероятно, чтобы мистер Харрис когда-нибудь изменил свое мнение в отношении Семенова.

Самой враждебной была реакция на Колчака среди рабочих, но это естественно, поскольку во всех странах положение этого класса больше всего зависит от правительства.

Британские и французские представители и сотрудники американского Государственного департамента с самого начала очень дружелюбно относились к адмиралу Колчаку. Естественно было ожидать такого отношения от британцев и французов, которые открыто противостояли советскому режиму. Интересно, что в обращении британского правительства к русскому народу от 7 августа 1918 года, опубликованном в «Современной истории», том VIII, часть 2, не содержится никакого специального заявления о том, что англичане не намерены вмешиваться во внутренние конфликты. Это упущение не было бы таким заметным, если бы Соединенные Штаты не попросили все державы, участвующие в отправке войск в Сибирь, твердо пообещать русскому народу, что они не станут вмешиваться в его внутренние дела. Соединенные Штаты и Япония такое обещание дали, и история рассудит, сдержали ли они свои обещания, и если нет, то почему. В книге «Советы и международные дела», написанной Льюисом Фишером, в первом томе содержится следующее:

«Американский представитель Харрис (говорит Колчак) выражал мне большую дружбу и исключительную симпатию».

На следующий день после переворота мистер Харрис, по словам Колчака, пообещал новоявленному диктатору помощь, и у всех нас, кто был в Сибири во время правления Колчака, не возникало сомнений, что американский генеральный консул очень верил в него и помогал ему всеми возможными способами. Обсуждая со мной положение дел, генеральный консул Харрис сказал, что единственная партия, способная уладить ситуацию, – это партия кадетов, к которой принадлежал Колчак.

Япония не была ярой поклонницей адмирала Колчака. Собственно говоря, поначалу она выступала против него. 26 и 28 ноября я получил показавшуюся мне достойной доверия информацию о том, что японский представитель совместно с Семеновым намереваются объявить последнего диктатором Забайкалья и захватить там железнодорожные пути и тоннели. 28 ноября, через десять дней после того, как адмирал Колчак объявил себя Верховным правителем, я получил сведения, что из Токио Семенову приказали выступить против Колчака, и японский представитель в Сибири будет следовать этой линии поведения. Как только стало известно, что Япония поддерживает и войсками, и деньгами Семенова в Чите и Калмыкова в Хабаровске, все в Сибири наконец поняли, что Япония не хочет урегулирования ситуации и прихода к власти сильного русского правительства. В марте 1918 года Япония обратилась к союзникам с просьбой, в случае если они сочтут необходимым, оккупировать Восточную Сибирь, позволить ей единолично захватить Китайско-Восточную и Амурскую железные дороги, а также Владивосток. Несмотря на то что это предложение было заблокировано Соединенными Штатами, Япония не оставила надежды осуществить свое желание позже, когда союзники пошлют свои войска в Сибирь.

Солдаты Семенова и Калмыкова при поддержке японских войск носились по стране, словно дикие звери, грабя и убивая людей, но эти убийства можно было остановить в любой день, стоило лишь Японии пожелать этого. Когда возникли вопросы по поводу этих зверских убийств, ответ сводился к тому, что убитые люди большевики, и это объяснение, по-видимому, удовлетворило весь мир. Ситуация в

Восточной Сибири была представлена как ужасающая, в которой человеческая жизнь ничего не стоит.

Там действительно совершались ужасающие злодеяния, но их совершали не большевики, как думал весь мир. Я не погрешу против истины, если скажу, что на каждого человека, убитого большевиками в Восточной Сибири, приходится сотня убитых их противниками. И тогда в Сибири, и теперь я придерживаюсь мнения, что, поощряя эти убийства, Япония надеялась, что Соединенные Штаты с отвращением воспримут сложившуюся ситуацию и выведут свои войска, попросив Японию навести порядок.

Русские, поддерживавшие японцев, постоянно распускали злонамеренные выдумки относительно американских войск. Генерал Хорват, приехав ко мне, рассказал, что в заранее назначенный день контролируемая японцами пресса собиралась начать агрессивную обвинительную кампанию против американцев. По его словам, их идея заключалась в том, что мне придется предпринять ответные действия и, если я это сделаю, им удастся добиться моего отстранения. А если я ничего не предприму, русские начнут нас презирать, поскольку они не могут представить себе, чтобы человек, имеющий в своем распоряжении солдат, позволил появиться таким публикациям, если только содержащиеся в них обвинения не правдивы. Кампания по дискредитации началась именно в тот день, который назвал генерал Хорват. Я чувствовал, что должен остановить публикацию этих оскорбительных статей, и предпринял действия, которые реально их остановили, но это не обошлось без критики в Соединенных Штатах со стороны защитников свободы прессы и их агентов в России, обвинивших меня в том, что я мешаю «русской» прессе излагать «факты».

Справедливость заявлений в отношении американских войск в Сибири можно с легкостью оценить по комментариям Льюиса Фишера, приведенным в первом томе его книги «Советы и международные дела». Мистер Фишер пишет: «Колчаку категорически не нравится поведение американцев».

Возможно, это абсолютно верно. Его неприязнь не распространялась на поведение или манеры американских солдат, но относилась исключительно к тому, что они не стали помогать его сторонникам в поддержании террора в отношении крестьян и рабочих,

которые не совершали никаких преступлений, которые жили мирной жизнью и не видели причин, почему они должны брать в руки оружие и пытаться привести к власти бывших царских чиновников. Далее мистер Фишер заявляет, что Колчак получил датированное 12 декабря 1919 года донесение от своего агента во Владивостоке, в котором тот писал: «Солдаты Соединенных Штатов заражены большевизмом...

Большинство из них евреи из восточной части Нью-Йорка, которые постоянно агитируют за мятеж».

Это типичные обвинения, выдвигавшиеся против американцев в Сибири, и, хотя они не подтверждались фактами, их постоянно приводили в попытке заставить войска Соединенных Штатов принять участие в актах террора против мирных и беззащитных граждан, а если сделать этого не удастся, то вынудить их уйти из Сибири и таким образом устранить то незначительное ограничение этого террора, которое мы осуществляли своим присутствием.

Насколько мне известно, в Вашингтоне никто и никогда не делал публичных заявлений, касавшихся приказов, данных американским войскам, отправленным в Сибирь, как, впрочем, и о зверствах, совершенных сторонниками Колчака. Политика Соединенных Штатов была озвучена, но нигде не сообщалось о том, что мне было приказано ей следовать.

После отъезда из Сибири я получил телеграмму, где высказывалось пожелание, чтобы я воздержался от обсуждения вопросов, связанных с событиями в Сибири, поскольку там совершалось такое, что участникам очень хотелось бы навсегда сохранить в тайне. Дстойные уважения и незаинтересованные авторы, пишущие об интервенции в Сибирь, будут черпать информацию из всех доступных источников, и, если представители Соединенных Штатов не дают никаких сведений о цели интервенции, этим авторам придется обратиться за информацией к источникам, которые могут оказаться предвзятыми. Такие источники почти наверняка представят дело так, будто войска Соединенных Штатов смалодушничили в исполнении своих обязанностей не потому, что таковы были предписания руководства, а потому, что армия не придерживалась линии поведения, которой должна была следовать, по мнению источника, и, как следствие, потворствовала большевикам.

Поскольку после окончания интервенции представители Англии, Франции и Японии официально заявили, что страх перед большевиками на Дальнем Востоке во многом связан с тем, что они творили в Сибири, неизбежно напрашивается вывод, что эти страны были не вполне искренни в своих заявлениях, сделанных непосредственно перед началом интервенции, потому что до этого слово «большевизм» не упоминалось в публичных заявлениях ни одной страной, принимавшей участие в интервенции.

Что же касается заявления Колчака, процитированного в книге мистера Фишера, то хорошо известно, что русские сторонники Колчака старались дискредитировать всех иностранных представителей в Сибири, которые его не поддерживали, и факты не имели ничего общего с их измышлениями. Одно из доказательств – утверждение, что «большую часть американских войск составляли евреи из Нью-Йорка», тогда как большую часть этих войск составляли выходцы с Тихоокеанского побережья. Почему было сделано такое утверждение? Потому что сторонники Колчака утратили надежду получить активную военную помощь от американских войск. И если бы можно было заставить мир, а главное, окружавших Колчака бывших царских чиновников поверить, что Соединенные Штаты прислали в Сибирь военные части, состоявшие из русских евреев, причина того, что они не поддерживали Колчака, становилась очевидной. Такие ложные сообщения не были случайностью, одно время они появлялись почти ежедневно в течение нескольких месяцев и стали настолько агрессивными, что я заметил министру иностранных дел в правительстве Колчака мистеру Сукину, что, если нападки не прекратятся, я арестую редактора одной из газет и повешу замок на здании, где печатается его газета. Эта крайняя мера с моей стороны была вызвана тем, что газета опубликовала утверждение, будто все американцы дегенераты, а также ряд других утверждений, которые мне не позволяют повторить правила приличия.

Из Вашингтона мне передали, что в будущем по таким вопросам я должен обращаться в Государственный департамент. Мне казалось, что в этом вопросе использование языка дипломатии и присущих ей процедур не может быть эффективным, но до определенной степени мне удалось справиться с особенно грубой и злобной пропагандой. В тот же период, когда градус враждебности в прессе достиг максимума,

через колчаковского офицера связи мне сообщили, что два бывших царских генерала, поддерживавшие Колчака, готовы остановить публикации против американцев и против меня лично, если я стану платить им по двадцать тысяч долларов в месяц.

Я считаю, что Япония хотела вынудить наши войска уйти из Сибири и заставить Соединенные Штаты просить ее уладить ситуацию, потому что полагала, что это избавит ее от необходимости соблюдать данное русскому народу по инициативе мистера Вильсона обещание ни теперь, ни в дальнейшем не нарушать территориальной целостности России. Япония не так давно стала считаться одной из пяти самых мощных держав в мире, и, естественно, ей очень хотелось, чтобы ее поведение согласовывалось с принципами других великих держав в отношении твердого выполнения обязательств, предписанных международными соглашениями. А это предполагало сотрудничество.

Переход власти к Колчаку стал неожиданностью для чехов. Они установили власть Временного Сибирского правительства на всей протяженности Транссибирской железной дороги, и им, как упомянуто выше, не нравилось, как звучит титул Верховный правитель. Генерал Гайда еще больше усложнил положение, заявив, что одобряет диктатуру, еще до того, как Чешский национальный совет сформулировал свою линию поведения. Он утверждал, что Россией нельзя управлять мягко с помощью убеждения, для нее годятся только кнут и штык. Он выразил мнение, что ей необходим сильный диктатор, чтобы навести порядок и изгнать большевиков. Это заявление получило широкую известность и повысило популярность Гайды среди русских приверженцев адмирала Колчака. Абсолютно иное впечатление оно произвело на чехов. Выяснилось, что дивизия Гайды совершенно не одобряет его точку зрения, и уже очень скоро он и его русские сторонники подверглись жесткой критике. Его солдаты перестали подчиняться русским офицерам, служившим в его штабе, и стали приписывать свои военные поражения русским методам ведения военных действий. Негативное отношение чехов к русским настолько усилилось, что и офицеры, и солдаты стали проявлять к ним высокомерие. Чехи открыто говорили, что чешские унтер-офицеры лучше русских. 20 ноября стало известно, что Чешский национальный совет решил издать прокламацию с осуждением диктатуры на том

основании, что чехи не могут признать правительство, пришедшее к власти незаконным путем без согласования с теми, кем оно собиралось править, и теми, кто имел право формировать правительство. В ответ Гайда разразился пренебрежительными заявлениями в адрес Чешского национального совета и попытался подавить все формы пропаганды против режима Колчака. Эти действия Гайды привели к дальнейшему отчуждению его от войск и стали причиной того, что чехи решили не принимать участия в подавлении каких-либо выступлений против Колчака. Среди чешских лидеров произошел раскол на группу так называемых «законодателей» и тех, кто резко выступал против них.

В то время когда чехи были охвачены недовольством, Гайда отдал приказ 5-му чешскому полку выступить на фронт в районе Перми. Полк категорически отказался идти и отправил в совет делегатов, чтобы объяснить причины. Совету были представлены следующие объяснения:

1. Нежелание принимать военное участие в русских распрях. Если союзники действительно хотят драться с большевиками, пусть пришлют помощь.

2. Вступить в бой сейчас означало бы оказать помощь Омскому правительству, а они не желают его поддерживать. <...>

7. Есть сомнения в том, что союзники желают воевать с большевиками.

Вскоре после *coup d'etat* рабочие с уральских заводов подготовили восстание, но чехи могли бы его предотвратить. Чешские офицеры и командиры очень волновались и хотели что-нибудь предпринять, чтобы смыть позорное пятно, вызванное отказом 5-го полка идти на фронт и подчиняться приказам Гайды. Они стремились предотвратить дальнейший раскол в своих рядах. Генерал Сыровый^[4] пригласил Гайдю в Челябинск и оттуда приказал 5-му полку выступить на фронт, но заявил, что никаких действий предприниматься не будет, пока не приедут генерал Штефаник^[5] и военный министр Чехословакии.

4 ноября от президента Масарика^[6] пришла телеграмма, где он просил чехов держаться, поскольку к ним идет помощь союзников. Я не знаю, откуда президент Масарик получил эту информацию, но предполагаю, что она пришла от французов. Пока был в Сибири, я видел сообщения на французском, подписанные французским майором Гинэ и американцем господином Девиттом С. Пулом, где чехов

призывали удерживать железную дорогу и сообщали, что союзники уже идут.

Мне это показалось любопытным, поскольку я определенно заявил, что американские войска не двинутся западнее Иркутска. Если американские войска не собирались идти на помощь чехам, то непонятно, почему мистер Пул подписал заявление, где утверждал, что союзные войска уже идут. Это снова выглядит как недостаток слаженности в работе со стороны американцев.

Генерал Сыровый заявлял, что чехи не испытывают симпатии к Омскому правительству, поскольку считают, что оно не выполняет свой долг перед русскими людьми в вопросе защиты их прав. У чехов вызывало очевидное беспокойство, будут ли сторонники Колчака действовать в соответствии со взглядами чехов на права человека. Чехов убрали с фронта, что упростило ситуацию, и Гайде предоставили отпуск, которого он не просил.

24 декабря Гайда был назначен главнокомандующим всех сибирских войск в районе Екатеринбурга, что, несомненно, было наградой за услуги, оказанные им Колчаку, и он немедленно начал планировать военное наступление. У чехов, как и следовало ожидать, возникли сложности с частями Колчака, участвовавшими в наступлении.

К 20 января 1919 года все чешские части на фронте заменили белогвардейцами. К тому времени создалось ощущение, что русская белая армия была рада уходу чехов. Однако в некоторых деревнях, где квартировали чехи, с грустью смотрели на то, как они уходят, и просили их остаться там навсегда. Поговаривали, что многие чехи всерьез рассматривали это приглашение, хотя никто не знает, сколько человек его приняли. Создавалось впечатление, что чехи не смогут уйти без очередных проблем с колчаковцами по поводу количества оружия и снаряжения, которое они должны вернуть. Чехи показали себя в Сибири отличными солдатами и всегда выглядели соответствующе. Похоже, среди них не было бездельников, и, когда им поручали какое-то военное задание, они не терпели вмешательства в его выполнение.

На протяжении всего времени моего пребывания в Сибири официальные отношения между представителями Англии, Франции и Японии с одной стороны и мной с другой стороны становились все

более натянутыми. По-видимому, эти представители с трудом могли вынести того, кто не оказывал активной поддержки Колчаку. В то время я лично полагал, что если адмирал Колчак сможет реализовать заявленные им идеи, то есть некоторая надежда, что он установит власть, придерживающуюся умеренных взглядов, дистанцируясь от крайностей, и она может оказаться приемлемой для большого числа русских.

Я особенно укрепился в этом мнении после того, как на русский 1919-й Новый год он дал интервью господину Шарки из Ассошиэйтед Пресс. Интервью имело целью показать точку зрения Колчака на те базовые принципы, на которых он надеялся построить власть в Сибири. Позже я пришел к выводу, что он не доверял широким народным массам и потому не смог бы удержаться у власти. В связи с этим интервью я предпринял свой первый шаг в российской политике. Результат оказался, мягко говоря, не обнадеживающим, так что моя первая попытка стать посредником между различными русскими группировками стала последней.

Ко мне пришли представители социалистов-революционеров. Я помню господина Геймана и господина Моравского – оба бывшие члены Временного Сибирского правительства под председательством Дербера. Я привлек их внимание к опубликованному заявлению Колчака относительно его принципов и сказал, что они совпадают с принципами, заявленными правительством, за которое они высказывались. Они рассмеялись и сказали, что я не понимаю Россию и что это интервью дано для употребления в Соединенных Штатах. Они также сказали, что адмирал Колчак и люди из его окружения вовсе не собираются проводить заявленную политику. Тем не менее я настоял, чтобы эти джентльмены ответили мне, стали бы они поддерживать адмирала Колчака, если бы он следовал заявленным принципам. Единственное, чего они хотят, уточнили эти господа, – это иметь какое-либо подтверждение того, что заявленная политика действительно будет проводиться. Это показалось мне справедливым, и я попросил генерала Романовского, который на тот момент занимался вопросами политики в Омском правительстве, приехать ко мне. Но когда я передал ему, что сказали эти господа, и спросил, не сочтет ли он возможным встретиться с ними и попытаться остановить бессмысленное кровопролитие, он пришел в ярость и заявил: «И эти

люди еще говорят об условиях, на которых они стали бы поддерживать Омское правительство? Да такие, как они, скоро сами с радостью приползут в Омск, опустят головы до земли и станут умолять о прощении и о том, чтобы им дали возможность поддержать адмирала Колчака».

В начале 1919 года я начал понимать, что генеральный консул Соединенных Штатов Харрис был не согласен с моими взглядами на «невмешательство во внутренние дела России» и везде, где мог, поддерживал Колчака. Я также начал осознавать, что у меня есть оппоненты в Вашингтоне. Я еще совсем недавно служил в Вашингтоне, и у меня осталось там много армейских друзей, так что я стал выяснять, кто действительно мой соратник, а кто мой оппонент. К моему большому удовлетворению, моя служба позволила мне узнать, как минимум, в каких кабинетах мои действия вызывали сочувственное отношение, а в каких меня критиковали при каждой возможности. Приведу пример. Я получил из Вашингтона телеграмму, содержащую довольно резкую язвительную критику в мой адрес за недостаточный контроль соблюдения цензурных ограничений, с рекомендацией уделить этому вопросу персональное внимание. Я лично проверил все сообщения, отправленные из моего офиса, но так и не смог найти никаких нарушений правил, предписанных цензурой. После этой проверки я понял, что бригадный генерал Мальборо Черчилль, руководитель отдела военной информации, который занимался вопросами цензуры, старательно выполнял чей-то приказ критиковать меня. Мне пришлось отслеживать все свои сообщения, которые по правилам военного министерства должен был проверять генерал-адъютант в отделе военной информации, и последующие события полностью подтвердили правильность моих догадок. Я с удовольствием вспоминаю, что, если не считать отдела военной информации, я не только не слышал критики от других подразделений военного министерства, но всегда испытывал благодарность к ним за сотрудничество и помощь. Чтобы избежать вероятности несправедливого отношения к бумагам, которые естественным образом попадали в отдел военной информации, я часто отступал от правил, предписанных для корреспонденции военным министерством, и отправлял сообщения не генерал-адъютанту, а начальнику штаба. Когда я изучил ту самую телеграмму, которая дала повод обвинять

меня в халатности в отношении соблюдения цензурных ограничений, я телеграфировал начальнику штаба генералу Марчу. Я объяснил, что не обнаружил в своем штабе никаких нарушений цензуры, и выразил сожаление, что в телеграмме с критикой не указано, в чем именно оно состоит. В ответ генерал Марч сообщил, что в отношении цензуры я совершенно прав и он надеется, что я больше не стану обращать внимания на сообщения такого рода.

Вскоре после того, как я приехал в Сибирь, ко мне прибыли пятнадцать офицеров и очень достойных людей из вашингтонской службы военной разведки для осуществления присущих им функций в Сибири. Насколько я помню, большинство из них были из учебных заведений, и меня очень обрадовал и их внешний вид, и то, какое положение и репутацию они имели в Соединенных Штатах. Я тщательно проследил за тем, чтобы эти офицеры поняли приказ: «Не вмешиваться в политику и не участвовать во внутренних конфликтах».

Я отправил их в разные города Сибири, где проходила железная дорога, с намерением получать донесения о военном, политическом, социальном и экономическом положении в Сибири. Вскоре мне поступила телеграмма из военного министерства, где сообщалось, что правительство желает получать информацию о положении в Сибири от представителей Государственного департамента. Это сообщение меня очень озадачило. Хотя в нем не было никаких предписаний, адресованных лично мне, содержание ясно указывало на то, что правительство дает мне понять: что бы я ни говорил о Сибири и положении дел здесь, это будет игнорироваться. Такое странное сообщение, как это, безусловно, имело определенное значение и смысл, который был не до конца ясен. Если Государственный департамент хотел знать реальную ситуацию в Сибири, то почему они предполагали игнорировать информацию, приходящую от значительного большинства представителей Соединенных Штатов? Армия обладала гораздо большими возможностями добывать факты, чем Государственный департамент, потому что имела значительно большее число наблюдателей, и ее части оказывались во множестве разных мест, откуда приходили донесения. Я не могу согласиться с тем, что армейские наблюдатели в Сибири были менее умными, чем консульские агенты Государственного департамента. Если Государственный департамент не придавал никакого значения

армейским донесениям, то почему бы просто не выбросить их в мусорную корзину? Зачем говорить мне, что они намерены игнорировать мои доклады? Суть дела заключалась в том, что эти армейские донесения были для кого-то как кость в горле. Они хотели, чтобы информация подавалась в определенном русле, о чем неявно свидетельствует телеграмма, отправленная мистеру Августу Хейду, представителю Военной торговой комиссии, действовавшей под эгидой Государственного департамента, о том, что он, мистер Хейд, присылает не ту информацию, которую Государственный департамент хотел бы получать от него из Сибири. Военные не поддерживали каких-либо группировок и, вследствие этого, имели возможность сообщать факты такими, какими их видели наблюдатели, независимо от того, нравились они кому-то или нет. Я связался с военным министерством и спросил, что означает эта телеграмма, на что получил ответ от генерала Марча. Он писал, что я присылаю именно ту информацию, которая его устраивает, и должен продолжать в том же духе. Для меня было очевидно, что генеральный консул Харрис и российское подразделение Госдепартамента в Вашингтоне, которые поддерживали Колчака, были недовольны информацией об омском режиме, которую присылали военные. Получив ответ от генерала Марча, я почувствовал некоторое раздражение, поскольку мне стало очевидно, что Государственный департамент или какой-то его сотрудник считает меня слабым человеком, которого легко можно напугать и так же легко удержать от исполнения того, что он считает своим долгом.

В то время действия американских войск в Сибири подвергались серьезной критике в Соединенных Штатах. Эта критика принимала различные формы. Одни предполагали, что американцы стали большевиками, другие считали, что из Соединенных Штатов видят ситуацию в Сибири не хуже тех, кто там находился, а третьи критиковали мое назначение на должность командующего американскими войсками, поскольку у меня недостаточно опыта командования крупными воинскими частями. Но самым суровым критиком, похоже, был мистер Джордж Харви из «Харвис уикли». Конечно, он прибегал к своему излюбленному сарказму не только в отношении меня, но и в отношении военного министра, назначившего меня командующим в Сибири. Эта критика стала для меня привычной,

поскольку появлялась почти с такой же частотой, как мои завтраки, обеды и ужины. Американский консул во Владивостоке ежедневно без комментариев слал в Государственный департамент клеветнические оскорбительные статьи об американских войсках, появлявшиеся в местных газетах. Эти статьи и критика американских войск в Соединенных Штатах строились вокруг обвинения в большевизме. В действиях американских войск не было никаких оснований для таких обвинений, поскольку они никогда не предоставляли большевикам ни помощи, ни пристанища. Однако их обвиняли в том же, в чем сторонники Колчака, включая генерального консула Харриса, обвиняли всех жителей Сибири, которые не поддерживали Колчака.

Очевидно, эта идея получила настолько широкое распространение в Соединенных Штатах, что правительство, как минимум в одном случае, решило установить наблюдение за американцами, которые несли службу в Сибири. Мое утверждение основано на инциденте, имевшем место в отеле «Коммодор» в Нью-Йорке в ноябре 1921 года. Созданный на добровольных началах комитет постарался пригласить на обед в отеле «Коммодор» как можно больше американцев, которые служили в Сибири. Мы с адмиралом Найтом тоже там присутствовали. После того как мы сели за столы, в зал вошел никому не известный человек и занял место за столом. Старейшина комитета улучил возможность и спросил у этого человека, кто он такой. Мужчина показал ему удостоверение министерства юстиции и сказал, что его прислали из Вашингтона и велели прийти на это собрание, так что он намерен остаться и советует членам комитета не чинить ему препятствий. Больше этого инцидента никто не касался до конца обеда, когда представитель комитета подошел к помощнику управляющего отеля и потребовал объяснений. Помощник управляющего сказал, что тот человек показал ему удостоверение личности и бумаги, после чего ему ничего не оставалось, как отвести его в обеденный зал. У меня нет никаких сомнений в том, что этот агент министерства юстиции был подослан на обед кем-то из официальных лиц правительства Соединенных Штатов. Однако, насколько мне известно, практика тайной отправки агента на частный обед без согласования с гостями применяется министерством юстиции только в том случае, если у него имеются опасения в осуществлении подрывной деятельности против Соединенных Штатов. Практически

каждый человек, присутствовавший на этом обеде, во время войны делал все, что мог, для победы Соединенных Штатов. Эти люди гордились тем, что послужили своей стране, и стране следовало быть благодарной им за службу. Все, кто узнал об этом инциденте, чувствовали себя униженными и оскорбленными. Если бы во время обеда я знал о присутствии этого агента, я бы посоветовал потребовать у администрации отеля выпроводить его из обеденного зала, а в случае отказа предложил гостям покинуть отель. Я определенно не смог бы спокойно сидеть за столом, зная, что министерство юстиции следит за тем, что я делаю и что я говорю. И это после того, как адмирал Найт отдал нашей стране больше сорока лет своей жизни, а я служил ей больше тридцати семи лет.

В декабре 1918 года была предпринята еще одна попытка ограничить свободу действий войск Соединенных Штатов в Сибири. Ко мне в офис явился генерал Нокс и показал сообщение британского правительства, одобрявшее его предложение передать командование всеми русскими и союзными войсками, воюющими против большевиков, французскому генералу Жанену, а все средства коммуникации и подготовку войск передать в подчинение ему, генералу Ноксу. Я предполагаю, что он хотел увидеть мою реакцию на свое предложение, поскольку прекрасно знал, что американские войска не воюют с большевиками и не будут подчиняться ни генералу Ноксу, ни генералу Жанену.

На мой взгляд, было бы весьма прискорбно, если бы Соединенные Штаты приняли решение передать американские войска в Сибири в подчинение англичанам, французам или японцам. Попытки реализовать такую ситуацию предпринимались постоянно, и, если бы это удалось, никто не сомневается, что американским войскам пришлось бы участвовать в убийствах русских за их политические убеждения. Уже одно это было бы достаточно скверно, но есть и другая сторона, которая, по моему разумению, имела бы большое значение для американцев. Американские войска были бы использованы для того, чтобы вызвать возмущение русского народа в адрес Соединенных Штатов. Создание такой ситуации имело под собой определенную цель.

Англичане и французы прислали в Сибирь недостаточно большое количество войск и не могли взять на себя охрану железной дороги,

которая использовалась исключительно Колчаком, что противоречило интересам огромного числа русских. Не была ли невозможность участвовать в охране железных дорог спланирована намеренно, чтобы избежать возмущения русских людей в отношении тех стран, которые, охраняя железные дороги, помогали проигравшей стороне и способствовали разрастанию войны в России? Британцы имели в Сибири в два, если не в три раза больше офицеров, чем Соединенные Штаты, но при этом очень мало солдат. Вопреки этому, я обнаружил, что в своей книге «Советы и международные дела» мистер Фишер пишет: «Главкомандующим всех сил интервентов и Колчака был в одно время британский генерал Нокс, а позднее французский генерал Жанен».

Это не соответствует действительности, и было бы интересно узнать, откуда мистер Фишер взял эту информацию, поскольку во время моего пребывания в Сибири ни один иностранец не командовал американскими войсками. Кем и зачем была вброшена такая дезинформация? Справедливости ради следует признать, что некоторые представители Англии и Франции вбрасывали информацию, поскольку считали, что это способствует повышению престижа Англии и Франции.

13 декабря 1918 года генерал Нокс сказал мне, что Англия прислала ему оружие и обмундирование, достаточное, чтобы экипировать 100 тысяч русских. В тот же день я отправил военному министерству следующее сообщение: «Все сведения, которые мне удалось раздобыть, подводят к мысли о том, что правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, долго не протянет».

В том же письме я утверждал: «Русские продолжают сообщать мне, что, благодаря нашему присутствию здесь, господствующий класс получил возможность предпринять попытку восстановления самодержавной формы правления. Престиж Соединенных Штатов падает, поскольку люди не знают, поддерживаем ли мы представительную форму правления в других странах».

Государственный секретарь сообщил военному министру следующее: «Взгляды, высказанные генералом Грейвсом, значительно отличаются от взглядов других представителей правительства в Сибири».

К началу декабря 1918 года действия атамана Калмыкова стали вызывать у меня крайнюю досаду. Соединенные Штаты попросили Японию присоединиться к ним в решении того ограниченного круга задач, для выполнения которых американские войска были отправлены в Сибирь, и, следовательно, любое действие Японии или ее платных русских агентов вызывало либо доверие, либо недоверие к Соединенным Штатам. Русские, безусловно, считали, что, раз Соединенные Штаты пригласили Японию в Сибирь для совместных действий, значит, они действуют с ней сообща. Япония в своем желании не допустить возникновения в Сибири сильной власти стремилась разобщить людей, и вскоре на нее стали работать Семенов и Калмыков. Трудно себе представить, что в современном цивилизованном обществе мог появиться такой человек, как Калмыков. Не проходило и дня, чтобы я не получал донесений о страшных зверствах, творимых им и его отрядами. 1 декабря я, в числе прочего, сообщил военному министерству: «Конечно, следуя своему предписанию не принимать участия во внутренних распрях, я не мог ничего сделать, кроме того, что сообщить японскому штабу о необходимости прекратить произвол, творимый Калмыковым, и что его действия – позор для цивилизованных наций, что я и сделал. Я сообщил им об этом, поскольку хорошо известно, что японцы ему платят, и, если Япония перестанет его поддерживать, его бесчинства немедленно прекратятся».

Позже я отправил японскому командующему предложение письменно уведомить Калмыкова, что в следующий раз, когда он или его люди убьют какого-нибудь русского, мы предпримем все необходимое для его ареста и передачи русским, чтобы он предстал перед гражданским судом. В ответ я получил из японского штаба следующее сообщение: «28 ноября Калмыков обещал нам, что он больше не будет убивать людей, и держит свое обещание. Однако если я желаю, они готовы подписать предложенное мной предупреждение».

Это верно, что после этого Калмыков не убивал там, где американцы могли обнаружить эти убийства, но несомненно и то, что он просто увозил свои жертвы туда, где американцы не могли увидеть их тела. Ко мне в офис пришли две женщины из деревни, расположенной в трехстах милях от Владивостока, и рассказали, что, проезжая по деревне, Калмыков забрал их мужей. Они умоляли меня

помочь выяснить, живы ли эти люди и если живы, то куда Калмыков их увез. Я приказал командиру наших войск в Хабаровске спросить Калмыкова, где эти люди. Калмыков ответил, что они сбежали. Он дал американскому командиру копию приказа, который разослал по всем станциям, где велел их поймать. Позже выяснилось, что, когда поезд Калмыкова проезжал мимо озера, он велел остановить поезд, привязал этим людям камни на шею и сбросил их в озеро. Сообщения о страшных зверствах, творимых войсками Калмыкова, продолжали приходить в американский штаб почти ежедневно, но, поскольку я не имел возможности проверить достоверность этих сведений, не мог и предпринять никаких действий.

Калмыков получил власть весной 1918 года, когда он был избран атаманом уссурийских казаков. Этот казачий сход уполномочил его попросить у союзников заем с целью позволить казакам осуществить весенние полевые работы. Япония предоставила этот заем с условием, что уссурийские казаки позволят Калмыкову приехать в Пограничную и собрать казачью дивизию, причем при ее формировании к нему в качестве советника будет приставлен японский майор. Эту информацию предоставили агенты Калмыкова во Владивостоке.

Казаки Калмыкова участвовали в уссурийской кампании, продлившейся с июля по сентябрь 1918 года, и 5 и 6 сентября вместе с японскими частями вошли в Хабаровск. Калмыков остался в Хабаровске и установил режим террора, грабежа и кровопролития, что, в конце концов, заставило его людей взбунтоваться и просить защиты у американских войск. Под предлогом борьбы с большевизмом он без разбора арестовывал состоятельных людей, пытал их, чтобы отобрать у них деньги, и некоторых казнил, обвинив в большевизме. Аресты стали настолько массовыми, что приводили в ужас все классы населения. По некоторым оценкам, в окрестностях Хабаровска войска Калмыкова казнили несколько сот человек. Мы старались, насколько возможно, устанавливая факты убийств, узнавая о них от крестьян, и сообщать законным местным властям. Калмыков начал пороть и избивать своих собственных людей, и 6 декабря офицер разведки 27-го пехотного полка сообщил, что ситуация становится серьезной. Не вызывало сомнений, что, как минимум, половина людей Калмыкова не питали к нему преданности, и 28 декабря несколько его бойцов пришли в штаб 27-го пехотного полка с просьбой разрешить им

вступить в армию Соединенных Штатов. Многие хотели, чтобы им помогли выбраться из Хабаровска. Японцы почувствовали неладное и приказали осмотреть все дома Хабаровска на предмет наличия оружия. В результате было найдено 218 ружей, 138 пистолетов и некоторое количество патронов.

В ночь с 27 на 28 января 1919 года семьсот человек из войска Калмыкова дезертировали. Триста человек из них разбежались и спрятались в близлежащих населенных пунктах, около тридцати попросили защиты у китайских воинских частей, а триста девяносто восемь с лошадьми и оружием, включая четыре пушки и три пулемета, явились в расположение 27-го пехотного полка и сказали его командиру, что, если он предоставит им защиту от Калмыкова, они сдадутся со всем своим оружием и снаряжением. Но если американский командир не защитит их, они вернутся в часть и вступят в бой с оставшимися людьми Калмыкова. Согласно заявлению японцев, у Калмыкова оставалось еще около четырехсот казаков. В своем донесении командир 27-го полка писал: «Чтобы предотвратить кровопролитие и разграбление гарнизона, города и окрестностей и обеспечить безопасность наших войск, я поместил этих дезертиров под стражу и во избежание беспорядков разоружил. Все прошло спокойно и по желанию самих дезертиров, которых не сопровождали никакие официальные лица».

Я одобрил действия полковника Стайера, но не мог согласиться с его предложением передать их старшему офицеру, которого утвердят Хорват и Колчак для реорганизации или увольнения. Я полагал, что ситуация была слишком неопределенной и, если этих людей передадут кому-то из офицеров Колчака, существует большая вероятность, что они снова попадут в руки Калмыкова, а это означает для них верную смерть. Я известил полковника Стайера, что дальнейшая судьба этих людей должна зависеть от их собственного решения, в которое американцы не могут вмешиваться. Я принял такое решение на том основании, что Калмыков не был признан как руководитель какого-то органа правопорядка и не подчинялся никаким российским властям, а был просто наемником и марионеткой в руках Японии. Как и ожидалось, японцы были очень сильно обеспокоены бунтом людей Калмыкова, и начальник их штаба явился ко мне, а позже написал мне письмо, спрашивая, как я смотрю на произошедшее. На это я ответил:

«Первое. Американские войска не станут передавать этих солдат Калмыкову, Хорвату или еще кому-то. Они будут отпущены на свободу в Хабаровске, и им будет разрешено идти, куда они хотят.

Второе. После того как их отпустят, им будет предоставлена определенная защита от преследования со стороны Калмыкова и его людей по обвинению в дезертирстве, неповиновении, бунте или на основании других подобных обвинений.

Третье. До тех пор пока они находятся под контролем американских войск, любой из этих солдат может быть передан местным гражданским властям на основании судебного решения по обвинению в убийстве или других преступлениях, нарушающих российские законы, при условии, что такое решение принято на основании неопровержимых доказательств, подтверждающих виновность этого человека.

Четвертое. Эти меры являются всего лишь разумной защитой с целью предотвратить жестокое истребление людей и обеспечить охрану наших собственных солдат и имущества».

После этого японцы предложили, чтобы дезертиров поместили под охрану, осуществляемую совместно американцами и японцами, что, конечно, не было принято американцами.

Тогда командующий японскими силами в Хабаровске направил полковнику Стайеру меморандум следующего содержания:

«Первое. С какой целью и на каком основании ваша часть приняла вооруженных солдат, дезертировавших из части атамана Калмыкова?

Второе. Дезертирство, о котором идет речь и в результате которого вы приняли солдат, представляет собой внутреннее происшествие в части Калмыкова и является всего лишь вопросом воинской дисциплины. В таком случае речь идет о вмешательстве во внутренние дела части Калмыкова. Каково ваше мнение по этому поводу?

Третье. Каково ваше мнение в отношении дальнейшей судьбы русских солдат, которых вы приняли в расположении своей части?»

Японцы, по-видимому, решили вмешаться в этот вопрос, и нам было известно, насколько что-нибудь может быть известно без документального подтверждения, что Япония оплачивает, экипирует и контролирует эту банду убийц. Полковник Стайер отправил во Владивосток телеграмму, изложив суть запроса японского

командующего. Я известил его, что все вопросы будут решаться во Владивостоке, и приказал без моего разрешения не отпускать никого из пленных.

Вскоре после этого ко мне из японской штаб-квартиры явился полковник японского Генерального штаба и, сообщив, что начальник японского штаба болен, сказал, что он приехал просить меня вернуть пленных Калмыкову. Я ответил, что этого никогда не будет. Тогда он попросил меня передать их японцам, которые все уладят. Я ответил, что считаю его предложение граничащим с оскорблением и что не намерен спрашивать у японцев, одобряют они мои действия или нет, и что на этом наша встреча закончена. Он ответил, что генерал Инагаки приедет ко мне обсудить этот вопрос, но я сказал, что больше не стану обсуждать это ни с каким представителем Японии.

Через несколько дней ко мне приехал начальник японского Генерального штаба генерал Инагаки, который извинился за поведение штабного полковника. Он сказал, что предложение полковника было непозволительным, что японский штаб не одобряет его действий и генерал надеется, что я не стану придавать инциденту большого значения. Я ответил, что рад узнать о неодобрении японским штабом действий полковника и, на мой взгляд, мы можем считать эту тему закрытой.

4 февраля 1919 года полковник Стайер телеграфировал: «В войске Калмыкова нет ничего похожего на дисциплину. Правление Калмыкова на территории от Никольска до Имани – это позор для союзников, которые его поддерживают, пусть даже только своим присутствием. Своей властью над жизнью и смертью людей он пользуется без разбора, создавая атмосферу террора, в которой ни солдат, ни гражданский не могут быть спокойны за свою жизнь. Мне пришлось ограничить наших людей территорией гарнизона, чтобы избежать возможных проблем со стороны недисциплинированных людей, оставшихся у Калмыкова. Казаки, имеющие офицерский чин, расквартированы в здании японской штаб-квартиры».

Вопрос о том, что делать с дезертирами, осложнялся тем фактом, что во время бунта один из казаков был ранен и позднее умер от ран. Существовала вероятность, что его убийца находится среди людей, оказавшихся под защитой Соединенных Штатов. Полковник Стайер очень беспокоился относительно того, как бы поскорее отделаться от

них, и снова предложил передать их русским офицерам, которых назначит генерал Иванов-Ринов^[7].

Я ответил: «Сложность осуществить ваше предложение заключается в том, что мы не признаем никакой русской армии и, следовательно, не признаем Калмыкова. И хотя я согласен с вами, что мы не хотим защищать убийцу, я не уверен, можно ли разрешить русским, которых назначит Иванов-Ринов, провести необходимое расследование для выявления убийцы среди людей, которых вы удерживаете. Тем не менее вам следует самому, по мере возможности, провести такое расследование, чтобы определить, нет ли убийцы среди находящихся у вас людей. Мы не можем передать этих людей кому бы то ни было, если только они сами об этом не попросят. Мое видение ситуации заключается в том, что вы просто разоружили группу людей, чтобы предотвратить кровопролитие. Эти люди могут быть отпущены как по отдельности, так и группой, как только они захотят уйти».

22 февраля полковник Стайер сообщил, что ситуация с бунтовщиками благополучно развивается в предложенном мною русле и вскоре большая часть из них будет отпущена. 15 марта он доложил, что у него осталось только тридцать пять пленных и что их отпустят в течение трех дней.

Этот инцидент дал японцам прекрасную возможность начать распространять в контролируемой ими местной прессе антиамериканскую пропаганду, острие которой они направили против войск Соединенных Штатов. Японский командующий генерал Юи достаточно ясно показал свои истинные цели, и мы почувствовали, что в случае возникновения у американцев конфликта с Калмыковым нам придется иметь дело с японскими войсками под командованием генерала Юи. Калмыков утверждал, что «в его войске никогда не было никакого насилия и жестокостей, что оно отстаивает закон и порядок и защищает горожан от любой несправедливости».

Ситуация в Хабаровске стала такой напряженной, что полковник Стайер направил генералу Юи письмо, в котором писал: «Несмотря на то что японское правительство снабжает войско атамана Калмыкова оружием и всем необходимым, до сих пор никто так и не призвал его к ответственности. Калмыков никому не подчиняется, и ни одна нация не берет на себя ответственность за его действия. Я уже несколько раз сообщал о поведении его отрядов в отношении американцев, и каждый

раз вы отвечали мне, что не имеете власти над Калмыковым. Однако уже один тот факт, что Япония поддерживает и контролирует его, делает вас ответственным за его поступки. По моему мнению, в случае если вы не начнете сдерживать этого человека, столкновение между его людьми и нашими войсками неизбежно».

Я переслал копию этого письма японскому командующему во Владивостоке со следующей припиской: «Ввиду того что войско Калмыкова получает оружие, экипировку и довольствие и подчиняется японским силам, я требую принятия соответствующих мер в отношении оставшихся у него отрядов. В случае если японские силы больше не отвечают за действия этих людей, я требую, чтобы мне об этом сообщили».

Генерал Отани ответил: «Я имею честь заверить вас, что японские силы не несут никакой ответственности за какие-либо действия войска Калмыкова. Однако, ввиду того что японское правительство оказывало ему помощь в экипировке и снабжении и что японские войска действовали совместно с ним, мы считаем своей обязанностью настоятельно советовать Калмыкову достичь мягкого и удовлетворительного решения проблемы, о которой недавно сообщил полковник Стайер, поскольку существуют опасения, что она может привести к серьезным последствиям для поддержания мира и порядка в том случае, если не будет благополучно урегулирована. Примите мои заверения в наилучших пожеланиях и вечной дружбе».

Инцидент с Калмыковым был урегулирован полковником Стайером с японцами в Хабаровске самым дипломатичным и благополучным образом.

Военная политика японцев состояла в следующем. Они отбирали мальчиков, которые обещали, что хотят служить в армии, и отправляли их туда, где они получали образование и военную подготовку. Молодых офицеров направляли на учебу в разные страны, с целью использовать их там, где их подготовка будет наилучшим образом соответствовать поставленной задаче.

Я считаю, что генерал Юи не имел бы ничего против того, чтобы увидеть столкновения между американскими войсками и людьми Калмыкова.

Как только уссурийские казаки нашли возможность, они отказались считать Калмыкова атаманом Уссурийского казачьего

войска, и как только террор, насаждаемый его властью, прекратился, они отрелись от него и от всех его деяний. 4 февраля 1919 года казаки издали публичное заявление, в котором просили американское командование освободить от власти Калмыкова тех казаков, которые еще оставались в его отрядах. Калмыков еще продолжал удерживать у себя значительные силы, и в Хабаровске его отряды всегда находились под защитой японских войск. Когда эти люди по какой-то причине покидали Хабаровск, там всегда оставалось достаточное число казаков, чтобы оказать сопротивление любым попыткам наказать людей Калмыкова, которые могли предпринять мирные горожане.

Сначала японцы склоняли меня вернуть Калмыкову лошадей, оружие и обмундирование тех, кто сдался полковнику Стайеру, но я отклонил их требования. Тогда они сказали мне, что все это принадлежит Японии. Я ответил начальнику японского штаба, что, если Япония письменно подтвердит мне, что снабжала оружием этого убийцу, что Калмыков никогда не платил за эту собственность, что они могут опознать эти вещи и расписаться в их получении, я позволю им забрать их. Это было сделано, и расписка в получении была отправлена в военное министерство вместе с другими документами.

С приближением зимы 1918/19 года мы стали ждать встречи с самыми страшными врагами – холодом и болезнями. Сибирские морозы представлялись нам гораздо более сильными, чем они оказались в реальности, так что наша подготовка к зиме оказалась вполне удовлетворительной. Для северной страны климат Владивостока достаточно мягок, а войска в Харбине и Хабаровске, где гораздо холоднее, были хорошо одеты, размещены и накормлены, поэтому не сильно страдали. Я никогда не жил в Монтане или Дакоте, но представлял, что климат Сибири очень похож на климат в Северной Дакоте. Главной ее особенностью являются резкие колебания температуры от дня к ночи.

Дождей в Сибири не очень много, снегопады сравнительно небольшие. В то время как в горах вокруг озера Байкал выпадает очень много снега, к востоку и к западу от этих гор его так мало, что всю зиму можно использовать колесные транспортные средства. Во Владивостоке снега было совсем мало, и мы без проблем пользовались автомобилями. При отсутствии ветра пагубное воздействие низких температур сказывается гораздо меньше, чем можно ожидать, и

главная опасность холода проистекает от того, что вы его не чувствуете и забываете защитить нос, уши и руки. За две зимы, проведенные во Владивостоке, я лично столкнулся с этим только однажды. Я шел пешком с офицером из моего штаба и вдруг заметил, как побелел кончик его носа. Но мы взяли немного снега, и он стал тереть свой нос до тех пор, пока не восстановилось кровообращение, после чего мы закончили свою прогулку, одолев расстояние длиной 6 километров. В те холодные дни светило такое яркое солнце, а воздух был таким неподвижным и бодрящим, что усталость почти не ощущалась.

Зима начинается в конце октября, и к началу ноября вся вода замерзает. Сентябрь и октябрь очень приятные месяцы, хотя осенью и весной гораздо ветреней, чем в зимний период. Гавань замерзает в начале декабря и вскрывается в начале апреля. Но с помощью ледокола корабли могут входить в гавань Владивостока в течение всей зимы, даже когда залив покрывается льдом толщиной в тридцать дюймов.

В марте 1920 года один из наших транспортов, возвращавшийся из Владивостока в Манилу, попал в ледоход сразу по выходе из гавани и оказался в беспомощном положении. Они прислали радиogramму, и к ним на помощь выслали буксиры, которые очень быстро проббили льды, и транспорт смог уйти. Корабль не получил никаких повреждений и благополучно проследовал до Манилы.

С точки зрения американца, санитарные условия в Сибири находились в плачевном состоянии. Возможно, даже в прежние времена санитарные условия были ненамного лучше, но сейчас ситуация осложнилась из-за разрушения семей во время мировой и гражданской войн, которое привело к тому, что множество людей пытались переехать к родственникам или друзьям. В результате такого передвижения на всем протяжении железных дорог растянулись составы, набитые людьми. Эти люди толпились на вокзалах и в любых других местах, где было тепло, делая ситуацию с санитарией практически безнадежной. Описывая ее, главный хирург сказал: «Общую ситуацию с сангигиеной в Сибири лучше всего описывает абсолютно справедливое замечание, что она практически не существует».

Лишь немногие здания во Владивостоке имели собственное водоснабжение, как в случае со зданием, которое мы получили под

американскую штаб-квартиру. Практически все города Сибири, включая Владивосток, почти полностью зависели от неглубоких колодцев, которые используются для водоснабжения. Вода в бочках, разносимая грязными китайскими кули, улучшению ситуации ничуть не способствовала.

Главный хирург сообщал, что самыми распространенными болезнями являются «чума, тиф, возвратный тиф, брюшной тиф, скарлатина и гангренозная ангина».

Бытовые условия во Владивостоке были почти неправдоподобными. Ходила поговорка, что когда-то Харбин был худшим городом в мире, но Владивосток стремительно приближается к нему.

Многие молодые люди, пришедшие в армию по призыву, никогда не покидали дома и очень страдали от ностальгии.

Женщины из Юношеской христианской ассоциации YMCA и Ассоциации молодых христианок YWCA делали большое дело, помогая в организации досуга не только американских солдат и моряков, но и солдат чехословацких частей. Вскоре после моего приезда был издан приказ, запрещающий употребление спиртных напитков, введены пропуска, которые требовалось предъявлять солдатам, если они куда-то уходили поздно вечером. Офицерам требовалось для этого разрешение старшего по званию. Эти меры вызвали массу критики, как необоснованное ограничение свободы действий американцев, но я получал много тревожных сообщений, убедивших меня в том, что это мудрое решение.

Когда брюшной тиф распространился повсеместно и никто не мог сказать, безопасно ли пользоваться общественными вагонами, мы зарезервировали за собой вагоны и сформировали собственный поезд. Этот поезд состоял из спального вагона, вагона-ресторана и санитарного вагона. Поезд был тщательно вычищен и постоянно находился в распоряжении представителя Соединенных Штатов. Офицерам командования было приказано не пользоваться никакими другими поездами, за исключением случаев крайней необходимости, и этот поезд практически все время перемещался с одной станции на другую. Когда кто-то из командиров ехал один, у него было место, где спать, где есть, и кипяченая вода, чтобы пить. Санитарный вагон был переделан из вагона второго класса, в нем можно было разместить

двенадцать коек, расположенных в два яруса, как на транспортных кораблях. Офицеры-медики считали такое расположение более удачным, чем обычные полки, устанавливаемые в купейных вагонах. Учитывая антисанитарию, царившую во Владивостоке, я до сих пор не понимаю, как нам удалось избежать эпидемий, но мы их избежали. Медицинская помощь была очень важна, и ее результаты заслуживали самой большой благодарности, демонстрируя, что врачи и медсестры выполняли свои обязанности очень добросовестно.

Вопрос о получении во Владивостоке подходящего здания для госпиталя оказался сложным, но в конце концов мы нашли несколько зданий в 12 километрах от американской штаб-квартиры, которые нас удовлетворили. В этих зданиях мог жить весь необходимый персонал, за исключением медсестер. В километре от других зданий мы получили отдельный большой кирпичный дом, где смогли разместить медсестер. Они с готовностью согласились там жить и после заселения в это здание выглядели очень довольными. Военное министерство сообщило мне, что в Сан-Франциско находятся сто медсестер, которые отправятся во Владивосток со следующим военным транспортом. Учитывая сложности с размещением и отсутствие развлечений, я не хотел, чтобы они приезжали, поэтому отправил телеграмму с просьбой прислать не больше двадцати пяти. Просьбу одобрили, и приехали ровно двадцать пять сестер. Они оказались большим подспорьем, и я был очень рад, что они у нас есть, поскольку они были очень самостоятельны и не доставляли мне хлопот, требуя лучших условий, которые я бы с радостью им обеспечил, если бы мог.

Мобилизация

24 октября 1918 года в Восточной Сибири появился генерал Иванов-Ринов. Он был типичным царским чиновником, уверенным, что со всеми, кто стоит у него на пути, можно не церемониться. Омская Директория назначила его командующим русскими войсками в Восточной Сибири, и 3 ноября 1918 года он объявил в Амурской, Приморской, Сахалинской и Камчатской областях военное положение, таким образом сделав себя диктатором Восточной Сибири и передав вопросы жизни и смерти людей в руки сторонников самодержавия, которые были решительно настроены на защиту и сохранение автократии в России.

В связи с объявлением военного положения я сообщал: «Цель его введения не ускользнула от русских людей и, по моему мнению, вызвала такой всплеск эмоций, что столкновение произойдет, даже если союзные войска останутся, а если они уйдут, то начнется сразу же после этого. На мой взгляд, единственный эффект от того, что войска союзников остаются в Сибири, состоит в том, что это позволяет толпе реакционеров, возглавляемых генералом Хорватом и поддерживаемых бывшими русскими офицерами, попытаться закрепиться во власти, пока в Сибири находятся союзные войска».

Я ждал, что вскоре после подписания перемирия войска союзников и войска Соединенных Штатов будут выведены из Сибири, и, похоже, я был единственным военным представителем, который не знал, что в России мы ведем свою войну, и эта война никак не связана с войной во Франции. Подписание перемирия абсолютно никак не сказалось на ситуации в Сибири. Как мне казалось, все заявленные цели, заставившие Соединенные Штаты принять участие в военной операции в Сибири, перед заключением перемирия бесследно исчезли, иначе после него мы бы вывели войска с территории России. Естественно, у меня снова и снова возникал вопрос, почему американские войска продолжают оставаться в Сибири? Я полностью доверял заявлению Государственного департамента относительно того, что Соединенные Штаты не собираются принимать чью-либо сторону во внутренних конфликтах. Нет сомнения, что из-за присутствия

союзных войск решение российских проблем самими русскими откладывалось, и независимо от того, как вели себя войска союзников в отношении внутренних конфликтов, мы не можем отрицать, что ответственны за определенные действия против русского народа, которые не были бы совершены, если бы в Сибири не стояли иностранные войска.

13 декабря я сообщил следующее: «Войска Колчака арестовывают и убивают людей, ссылаясь на полномочия адмирала Колчака наказывать любого, кто противостоит его правительству».

И еще: «Генерал Крестачинтский сообщил мне, что японцы согласились поставить в Восточную Сибирь экипировку для 10 тысяч новых солдат».

Япония уже снабжала войска Семенова и Калмыкова, и, по моему мнению, если бы речь зашла о том, как будут использоваться те 10 тысяч человек, которых Япония предложила экипировать, она бы потребовала у русских права командовать этими людьми. В то же время в Омске росло недовольство Семеновым, поскольку он не поддерживал адмирала Колчака, хотя всегда заявлял, что поддерживает его.

В конце концов ему приказали явиться в Омск, чтобы отправить на фронт, но в последний момент он отказался, ссылаясь на то, что состояние Забайкальской железной дороги не позволяет ему выехать. Нет сомнения, что Колчак надеялся вывести Семенова из-под контроля Японии и таким образом разжать японскую хватку, поскольку через Семенова японцы могли перекрыть снабжение его войск, так как все поставки шли через Читу. Таким образом, Япония могла потребовать от Колчака любых уступок, и тот был не в силах отказать им.

Очевидно, именно это имел в виду Колчак в марте 1919 года, когда сказал генеральному консулу Харрису, что «его правительство не контролирует ситуацию на Дальнем Востоке, что он практически не в состоянии осуществлять свою власть и что надо обратить особое внимание на атамана Семенова, за спиной которого стоит Япония. Он добавил, что из-за этого его правительство не может взять на себя ответственность за то, что происходит на Дальнем Востоке».

Это заявление Колчака считалось «в высшей степени конфиденциальным, поскольку другим союзникам он ничего подобного не сообщал».

Вышеупомянутое заявление Колчака было правдой, однако никак не всей правдой. Оно предназначалось специально для американцев и представляло собой типичное заявление находившихся в Сибири монархистов. Подобные заявления делались для удовлетворения любопытства правительств, заинтересованных в ситуации на Дальнем Востоке.

В связи с либеральным заявлением, сделанным Колчаком мистеру Шарки из Ассошиэтед Пресс и генеральному консулу США Харрису, мистер Фишер в своей книге «Советы и международные дела» утверждает, что в секретных архивах колчаковского министра иностранных дел обнаружена телеграмма от финансового агента Временного российского правительства в Вашингтоне господина Угета, где сказано, «что Верховный правитель заявляет о своей либеральной политике с целью расположить к себе общественное мнение Соединенных Штатов».

В своих докладах и телеграммах я обращал внимание на жестокости по отношению к людям не только со стороны войск Семенова и Калмыкова, но и со стороны войск Колчака, находившихся под непосредственным командованием Иванова-Ринова. За его частями случаи нападений и грабежа числились почти в таком же количестве, как за отрядами Семенова и Калмыкова, хотя войска под командованием Иванова-Ринова и Хорвата не совершали такого количества убийств, как войска Калмыкова.

Иванов-Ринов и Хорват признавали власть Колчака, и он, если бы захотел, мог бы прекратить эксцессы со стороны белогвардейских войск. Но суть дела в том, что было бы неразумно ожидать, будто сложившаяся веками практика приверженцев самодержавия изменится в одночасье. Особенно с учетом того, что шанс предания гласности творимых ими жестокостей был очень мал. В своей решимости уничтожить большевизм союзники так глубоко увязли в сибирских делах, что если и могли, то лишь слабо возражали против эксцессов со стороны русских приверженцев самодержавия.

Что касается заявления, сделанного адмиралом Колчаком Вашингтону через генерального консула Харриса, то хорошо известно, что Харрису не нравились донесения военных, и он не только сыграл важную роль в том, что я получил из Вашингтона ту странную телеграмму, где говорилось, что правительство Соединенных Штатов

желает получать информацию о положении дел в Сибири от Государственного департамента, но и сообщал, что армия в Сибири ведет политическую игру. Последующие события ясно показали, кто вел политическую игру, и это была не армия.

В декабре 1918 года адмирал Колчак издал приказ о мобилизации всех офицеров и солдат российской армии, в число которых попадали практически все русские призывного возраста. В связи с объявлением мобилизации я в своем докладе писал: «В некоторых кругах полагают, что вооружение такого большого количества людей представляет опасность, поскольку в тех местах, откуда набираются солдаты, народ в действительности выступает против самодержавной формы правления».

Своим приказом о мобилизации адмирал Колчак сделал большой шаг к краху своего режима.

Когда я только приехал в Сибирь, отовсюду звучали заявления о том, что русским из других частей Сибири необходимо оружие, чтобы сражаться с центральной властью, но крестьянам сказали, что теперь в Сибирь пришли союзники и русским больше не понадобится оружие для самозащиты. Большое количество оружия крестьяне возвращали добровольно, но в случае отказа по деревням рассылали казаков, которые забирали его силой. Если у крестьянина находили винтовку и патроны, это всегда означало для него страшное избиение кнутом, а зачастую и смерть. Таким образом удалось забрать у крестьян почти все оружие, что позволило казачьим войскам с легкостью осуществлять свои безжалостные походы по Дальнему Востоку, сопровождавшиеся убийствами и грабежами.

Удивительно, что офицеры царской армии не понимали необходимости изменений в армейской практике царских времен, и зверства, совершавшиеся к востоку от озера Байкал, стали настолько массовыми, что ни один свободно мыслящий человек не мог усомниться в правдивости сообщений о многочисленных эксцессах. 24 января я писал военному министерству: «В настоящее время во Владивостоке проходит съезд выборных представителей земств из всех областей, примыкающих к озеру Байкал, из Иркутска, Семипалатинска. Кроме того, на этом съезде присутствуют представители дум».

Эти господа, вернее их весьма представительная делегация, приходили ко мне, и я был впечатлен их умом, информированностью и честностью.

Колчак отправил своему представителю во Владивостоке приказ «не допустить, чтобы на съезде затрагивались или обсуждались вопросы, касающиеся его власти, конституционных прав или политики». Съезд проходил в соответствии с законом, и вопросы, которые он собирался обсуждать, были опубликованы. Все заседания и обсуждения тоже были публичными. Можно ли было более ясно заявить представителям земств, законно избранных народом, что отныне верховная власть в Сибири будет не представительной, а автократической?

Вскоре стало очевидно, что заявление, сделанное Колчаком господину Шарки, предназначалось исключительно для внутреннего потребления в Соединенных Штатах. У всех возникал один вопрос: действительно ли Колчак сторонник определенных уступок, которых требовал народ, или в глубине души он монархист? По моему мнению, в том, что касается угнетения и подавления огромного большинства русского народа, он исповедовал те же идеи, что и монархисты. Он окружил себя сторонниками абсолютизма самого разного толка и таким образом делал вид, что не в состоянии действовать согласно своим личным убеждениям. Часто можно было услышать, что по своим взглядам он слишком либерален и, возможно, ему хотелось бы проявлять больший либерализм, однако я никогда не видел никаких признаков либерализма в его действиях по отношению к народу.

30 января я, в числе прочего, телеграфировал военному министерству:

«27 января из Екатеринбурга от майора Слотера получено следующее донесение: «Власть большевиков здесь растет. Служба шпионажа сообщает, что любая русская армия обречена на развал. Приказ мобилизовать пять новых возрастов равносителен созданию армии для большевиков. Новая мобилизация – это самое худшее, что можно сделать».

Это сообщение пришло из Западной Сибири, находящейся от меня в 6 километрах, и то же самое я сообщал о положении в Восточной Сибири. И о таких сообщениях генеральный консул Харрис писал, что «армия играет в политику».

30 декабря 1918 года капитан Скайлер телеграфировал мне из Омска: «Только что в Омск прибыли девять новых офицеров японского штаба. Они пытаются сформировать в России японскую партию. Особенно они активны среди армейских офицеров и имеют определенный успех. Они обещают все, что угодно, независимо от того, могут это выполнить или нет, и указывают на отсутствие реальной помощи со стороны союзников, несмотря на их посулы».

Этот ход Япония сделала, чтобы окончательно и бесповоротно определить, как быть с адмиралом Колчаком. Если бы ей удалось удачно договориться с ним, японцы смогли бы распространить свое влияние дальше на запад от Байкала.

Контролируя Семенова в Чите, Калмыкова в Хабаровске и, как полагали союзники, имея превосходящие силы по сравнению с Ивановым-Риновым во Владивостоке, они контролировали практически всю Восточную Сибирь. Если бы они заключили соглашение о сотрудничестве с Колчаком, то смогли бы уменьшить, по крайней мере до определенной степени, трения между ними с одной стороны и англичанами и французами с другой. Эти трения возникли с момента захвата власти адмиралом Колчаком.

Англия, Франция и Япония по-прежнему были единодушны в том, что касалось большевизма, но Англия и Франция считали, что смогут с большей степенью вероятности достичь своих целей, с равным упорством борясь с угрозой большевизма во всех регионах Сибири и используя Колчака как инструмент его уничтожения. Япония потратила большие деньги в Восточной Сибири и считала своей главной целью уничтожение большевизма именно здесь. В то же время она старалась занять такую позицию, чтобы получить выгоду в любой ситуации, которая могла возникнуть. Но к западу от озера Байкал большевизм интересовал ее лишь во вторую очередь по сравнению с Восточной Сибирью.

В доказательство успеха, которого достигли девять японских офицеров в своей попытке создать в России японскую партию, 31 января 1919 года я получил следующую телеграмму из Омска от капитана Скайлера: «Вчера ночью здесь произошел маленький реакционный мятеж против либерализма Колчака, который не нравится многим офицерам. В ресторане они устроили демонстрацию против союзников, произнося тосты за Японию – единственного друга

России. Это укрепило позиции японцев, к которым относились с подозрением после того, что они сделали в прошлом декабре».

Что означала такая очевидная перемена отношения русских офицеров к японцам? Она означала, что в то время, когда офицеры японского штаба обещали русским офицерам все что угодно, те не только были готовы принять помощь из любого источника, но и были очень благодарны за эту помощь. И если посмотреть на ситуацию с их точки зрения, офицеров трудно за это винить. Они оказались загнаны в угол, и их главная цель состояла в том, чтобы установить в России такую власть, которая вернет им положение, занимаемое ими до войны, на что они никак не могли надеяться, если бы у власти остались Советы. В то время как, сражаясь против большевизма вместе с японцами, они могли достичь своей главной цели.

Несмотря на определенный осадок, оставшийся у офицерского сословия в отношении японцев после Русско-японской войны, положение русских было таково, что они с радостью приняли помощь от Японии. Чем больше давали им японцы, тем больше они хвалили Японию и японцев. Очевидно, что такого очевидного дружелюбия невозможно было бы добиться без денежных вливаний и военной помощи.

Через четыре года после того, как я уехал из Сибири, военный атташе в Токио прислал мне сообщение о речи, произнесенной в японском парламенте, в которой докладчик сказал, что сибирская авантюра стоила Японии порядка девятисот миллионов иен. Естественно возникает вопрос, почему Япония вложила все эти деньги в сибирскую интервенцию? Трудно поверить, что ее цели были исключительно альтруистическими. У меня нет какой-то определенной информации об ее реальных намерениях, и я не знаю, получу ли когда-нибудь такую информацию.

Иллюстрацией того, какие этические принципы исповедовали русские приверженцы царизма в вопросах получения денег, приведу следующее. Полковник Корф – русский офицер, отвечавший за связь с американской штаб-квартирой, сказал офицеру связи американской разведки полковнику Эйхельбергеру, что генерал Иванов-Ринов и генерал Романовский обладают достаточной властью, чтобы прекратить критику в мой адрес, в адрес всех американцев, а также американской политики. И если я добьюсь, чтобы Соединенные

Штаты выплачивали русской армии двадцать тысяч долларов ежемесячно, критика прекратится в течение двух месяцев. И тут же он сообщил полковнику Эйхельбергеру, что генерал-лейтенант Крестачинский сегодня до шести вечера будет находиться в своем железнодорожном вагоне на вокзале и я мог бы воспользоваться этим, чтобы встретиться с ним.

Большое число русских призывного возраста не подчинилось приказу Колчака о мобилизации, и как только стало очевидно, что для его исполнения придется применить силу, Иванов-Ринов, не сомневаясь, послал своих казаков, чтобы привести всех людей указанного возраста. Это положило начало господству такого террора, в который трудно поверить.

В марте в американскую штаб-квартиру пришла молодая женщина, назвавшаяся деревенской учительницей, и попросила защиты для себя и своего брата, чтобы они могли вернуться в свою деревню Гордеевка и похоронить отца, убитого людьми Иванова-Ринова. Молодая женщина сказала, что русские войска пришли в Гордеевку в поисках молодых людей, которых можно забрать в армию, но молодые люди убежали, поэтому военные взяли десять жителей деревни, не подлежащих призыву по возрасту. Сначала их пытали, потом убили и выставили охрану, чтобы не позволить семьям похоронить тела. Это выглядело такой противоестественной жестокостью, что я приказал офицеру с отрядом солдат пойти в Гордеевку, чтобы проверить сообщение, и известил молодую женщину о своих намерениях.

Посланный мною офицер во всем разобрался и сообщил следующее:

«Когда мы пришли в здание школы в Гордеевке, нас встретил отряд из семидесяти восьми человек, вооруженных винтовками, в основном это были русские винтовки, включая несколько старых однозарядных калибра 45–70. Вся информация, которой я обладаю, получена в присутствии этих семидесяти восьми вооруженных крестьян и двадцати пяти или тридцати женщин. Большую часть сведений сообщили жены жертв, которые то и дело начинали плакать, потому что все это стало для них очень тяжелым испытанием. Первая из опрошенных сказала, что ее муж шел в школу со своей винтовкой, чтобы, согласно приказу, сдать ее русским военным. Его схватили

прямо посреди улицы и начали бить по голове и по телу его же винтовкой, а потом отвели в дом неподалеку от школы, где привязали за шею к стропилам со связанными руками и зверски били по телу и по голове, пока кровь не забрызгала все стены в помещении. По следам на его теле я определил, что его также подвешивали за ноги.

Позже его поставили в шеренгу вместе с восемью другими мужчинами и в 2 часа дня расстреляли. Всего заложников было десять человек, и все они были убиты, кроме одного, которого люди Иванова-Ринова оставили умирать. Следующая женщина, которую я опрашивал, была хозяйкой дома, где избивали всех этих людей, а потом на скотном дворе расстреливали. Она сообщила, что 9 марта 1919 года около 11 часов утра к ней в дом пришли несколько офицеров Иванова-Ринова и забрали ее мужа в другой дом. Около 11:30 они привели ее мужа назад домой и стали избивать его вместе с другими. Они сломали ему руку, вырвали ногти и выбили все передние зубы. Ее муж был хромым инвалидом».

В своих комментариях офицер писал:

«Я обнаружил, что пол в комнате, где избивали этих людей, залит кровью, и стены также забрызганы кровью. С потолка по-прежнему свисала проволока и веревочные петли, на которых этих людей подвешивали за шею. На них тоже была кровь. Помимо этого я выяснил, что некоторых из этих людей обливали кипятком и жгли каленым железом, нагретым в маленькой печке, которая находилась в комнате.

Я побывал на том месте, где расстреляли этих людей. Их выстроили в ряд и застрелили. В каждом теле оказалось по меньшей мере три пулевых отверстия, а в некоторых до шести и более. По-видимому, сначала им стреляли по ногам, а потом выше по телу».

Молодой офицер, проводивший расследование, собрал и сообщил гораздо больше свидетельских показаний, но все остальные свидетельства во всех подробностях совпадали с теми, которые я процитировал выше.

Этот случай казался настолько вопиющим, что я приказал молодому офицеру доложить обо всем лично мне. Он не был кадровым армейским офицером и оказался на службе только во время войны. Я навсегда запомнил слова, которые он произнес, после того как я закончил его расспрашивать. Он сказал: «Генерал, ради бога, никогда

больше не посылайте меня с подобными заданиями. Я был близок к тому, чтобы снять мундир и присоединиться к этим людям, чтобы помочь им всем, чем могу».

Из Спасского, находившегося на железной дороге между Владивостоком и Хабаровском совершенно в другом районе, чем Гордеевка, офицер разведки прислал следующее донесение в отношении посланных туда русских офицеров: «Они, смеясь, рассказывали о своих недавних рейдах в поисках оружия и боеприпасов. Чтобы продемонстрировать жителям серьезность своего задания, они входили в деревню, хватали первого попавшегося человека и давали ему пятьдесят ударов кнутом, после чего били еще, если у них появлялась причина подозревать, что он утаил какую-то информацию».

Если бы это был единичный случай, его можно было бы приписать хвастовству невежественных молодых офицеров, но донесения показывали, что подобная практика имела место и в других местах Дальнего Востока. Сообщения об этих жутких зверствах доходили до меня с самых разных железнодорожных станций, где стояли американские войска. Во многих из этих сообщений утверждалось, что издевательства над крестьянами чинили японские солдаты или русские в присутствии и под прикрытием японских войск. Я не имел возможности проверить девять из десяти этих сообщений, но даже если бы мы провели расследование и выяснили, что они правдивы, мы бы не смогли ничего сделать. Целью этого террора было не только посеять страх среди крестьян. Япония и русские сторонники самодержавия надеялись создать обстановку, которая спровоцирует попытки крестьян защитить себя, что, в свою очередь, могло оправдать просьбу к союзникам прислать дополнительные войска, чтобы разбить большевиков. После систематических жестоких рейдов по поиску оружия эти бедные люди лишились всех средств самозащиты и могли только молиться и надеяться, что русские войска, набранные по мобилизации, не станут сочувствовать правительству Колчака и, взбунтовавшись, спасут их от страшных издевательства, которым они подвергались.

Сторонники Колчака, включая Семенова и Калмыкова, которые на словах заявляли, что тоже поддерживают его, группировались вдоль Уссурийской, Китайско-Восточной и Транссибирской железных дорог.

Они не могли бы существовать в удалении от железных дорог. По моему мнению, за время моего пребывания в Восточной Сибири Колчак никогда не пользовался достаточной поддержкой народа, и, если бы он лишился поддержки союзников, его сторонники разбежались бы в течение месяца.

Судя по щедрой материальной и финансовой поддержке, которую оказывала Япония реакционным правителям Восточной Сибири, а также по тем энергичным усилиям, с которыми она и ее платные русские агенты сеяли там террор, я всегда считал и считаю, что японцы постоянно ждали и искали какого-то случая, какого-то события, которое могло бы дать им повод приказать Семенову объявить Восточную Сибирь независимой от остальной России. Это могло быть представлено как необходимый шаг в борьбе с большевизмом.

Японские и казачьи командиры все время пытались приписать свои проблемы присутствию солдат Соединенных Штатов и тому, что каждый раз, когда кто-то из них обращался ко мне с предложением использовать американские войска, я отвечал, что наши силы не будут принимать участия во внутренних конфликтах и не станут защищать ни одну из сторон. Японцы и их казачьи марионетки надеялись создать для Соединенных Штатов такую ситуацию, когда мы были бы атакованы большевиками, и тогда мне пришлось бы встать на их сторону. Это избавило бы их от массы проблем.

25 февраля 1919 года я, в числе прочего, телеграфировал в Вашингтон следующее: «Генерал Романовский, представляющий Колчака, проинформировал меня вчера о том, что в настоящее время русский народ четко разделился на две партии, и тот, кто не с ними, тот против них; что они вынуждены бороться за свое существование и предлагают мне независимо от союзников предпринять такие шаги против их врагов в Восточной Сибири, которые они считают необходимыми».

Такая характеристика ситуации соответствовала действительности. В тот же самый день представитель земства сообщил мне: «Средний класс настроен резко против вновь сформированных русских войск, поскольку они плохо обращаются с людьми и избивают их. Это неприятие может распространиться и на

союзников, поскольку люди считают, что такое положение не могло бы существовать, если бы в Сибири не было союзных войск».

Сам я считал, что никто не может интерпретировать данные мне предписания иначе, чем их интерпретировал я, хотя мне было известно, что отношение нашего генерального консула в Сибири господина Харриса к моему поведению никак нельзя назвать одобрительным. И еще, хотя я не знал этого наверняка, как в случае с мистером Харрисом, я чувствовал, что русский отдел Государственного департамента мне не симпатизирует. У меня была причина полагать, что мистер Моррис, который был тогда американским послом в Японии и занимался в Государственном департаменте русским вопросом на Дальнем Востоке, искренне одобряет мою позицию в Сибири.

С целью избежать недопонимания я телеграфировал в военное министерство: «Атмосфера становится все более напряженной, поскольку каждая фракция заявляет, что если вы не с ними, то вы против них. Японцы начали кампанию по подавлению восстания в Амурской области, и мой отказ разрешить использование американских войск в столкновениях между различными русскими группировками позволил партии реакционеров объявить американцев большевиками. Это же позволило другой стороне заявить, что мы потворствуем реакционерам, поскольку наше присутствие позволяет реакционерам творить бесчинства в отношении людей, чего они не могли бы делать, если бы здесь не было союзных войск. Никто не сомневается в справедливости последнего утверждения. Япония и Соединенные Штаты находятся в Сибири с одной и той же провозглашенной целью, но в отношении участия во внутренних конфликтах действуют противоположным образом. В связи с этим мне кажется разумным спросить, является ли моя линия поведения, состоящая в том, чтобы считать проблему с большевиками в Сибири исключительно внутренним делом, в котором я не должен принимать участия, той политикой, которой ждет от меня министерство».

28 марта я получил от начальника штаба генерала Марча следующий ответ: «Задержка с ответом на вашу телеграмму вызвана тем, что Государственный департамент переслал ее полный текст президенту, чтобы получить от него соответствующие инструкции,

которые не были получены до настоящего времени. Ваши действия, как они описаны в телеграмме, соответствуют первоначальным предписаниям и полностью одобряются. Вы должны руководствоваться этими предписаниями до тех пор, пока президент их не изменит».

После этого я с удвоенной силой почувствовал уверенность в том, что правильно понимаю желания высшего вашингтонского руководства, независимо от попыток их подчиненных реализовать собственные представления о том, что Соединенные Штаты должны делать в Сибири.

В дополнение к этой телеграмме я получил личное письмо от генерала Марча, которое я привожу здесь, не спрашивая его согласия, дабы не поставить его в неловкое положение. Это короткое заявление бросает луч света на представления генерала Марча о долге, который некоторым в Соединенных Штатах следовало бы понимать лучше. В этом знаменательном и ободряющем письме читаем: «Сохраняйте твердость духа. Я всегда буду на вашей стороне».

В феврале ко мне явилась делегация крестьянского комитета из шести человек. Они приехали из района залива Ольги, который находился в отдалении от железной дороги на самом востоке Сибири. Они сообщили, что, когда войска белых не нашли мужчин, подлежащих призыву, они вынули из своих винтовок шомпола и стали избивать ими женщин по спине. Они рассказали, что женщин били до тех пор, пока их спины не превратились в месиво. Председатель комитета сказал: «Вы не обязаны принимать наши слова на веру. Пошлите офицера для расследования, и пусть он возьмет с собой японского и французского офицеров. Мы можем показать вам много женщин, зверски избитых солдатами Колчака».

Получив донесения, подтверждавшие рассказы этих крестьян, я написал в своем официальном докладе: «Русские отряды, совершившие эти действия, являются частью войск Иванова-Ринова, которые, как я уверен по причинам, изложенным выше, были вооружены, экипированы и частично оплачивались Японией».

В любой стране мира, как цивилизованной, так и нет, жители наверняка предприняли бы шаги, чтобы защититься от подобной нечеловеческой жестокости. Жители Восточной Сибири испытывали негодование в отношении японцев, поскольку все знали, что эти

зверства совершаются русскими на их деньги и под их покровительством. Но и Соединенные Штаты не обошли и не могли обойти стороной негативные чувства со стороны населения из-за страшных жестокостей, творимых японскими наймитами, поскольку весь мир знал, что это они пригласили Японию присоединиться к ним и направить свои войска в Сибирь. Мои доклады в Вашингтон изобиловали сообщениями об этих жутких зверствах, но, насколько было известно жителям Сибири и насколько об этом знал я, в адрес Японии не было сказано ни одного слова протеста в связи с этими жестокостями.

Зная взгляды генерального консула Харриса на противостояние между большевиками и антибольшевиками в Сибири, я сомневаюсь, что он когда-нибудь сообщал об этих зверствах. А учитывая заявление Государственного департамента о том, что правительство намерено пользоваться информацией о положении в Сибири, полученной исключительно от представителей Государственного департамента, вполне возможно, что правительство Соединенных Штатов не имело официальной информации об этих зверствах.

3 марта я сообщил в Вашингтон:

«Из японской штаб-квартиры мне сообщили о следующих потерях в бою с большевиками вблизи Благовещенска. 11 февраля вблизи Забытой были убиты два офицера и восемнадцать солдат. 15 февраля вблизи Андреевки погиб один офицер и от десяти до двадцати солдат. 16 февраля японский патруль из пятнадцати солдат и одного офицера проводил рекогносцировку и в тридцати километрах севернее Алексеенска наткнулся на отряд большевиков из двадцати пяти сотен бойцов. Патруль был полностью уничтожен.

В тот же день в другое время суток две пехотные роты, общей численностью около двухсот пятидесяти человек, рота артиллерии и одно пехотное отделение столкнулись с теми же силами большевиков, и только троим японцам удалось ускользнуть. Остальные были убиты. В связи с этим 12 февраля японский генерал Юи в Хабаровске позвонил полковнику Стайеру с просьбой послать на помощь японцам роту американских солдат. Полковник Стайер запросил у меня инструкций. Я послал начальника штаба полковника Робинсона к начальнику японского штаба, сказать ему, что прежде чем смогу принять участие в этих столкновениях, я должен понять, не являются

эти так называемые большевики русскими людьми, восставшими против несправедливостей со стороны японских войск. Начальник японского штаба заявил, что он ничего не слышал от генерала Юи об этих столкновениях, и посоветовал Робинсону ничего не предпринимать до получения от него дальнейших сообщений. Больше мы ничего не получали».

Этот инцидент использовался везде, где только можно, с целью вызвать возмущение против войск Соединенных Штатов, и японская пресса исходила желчью в своих комментариях.

В этой связи я видел в американской прессе сообщение о том, что «японское военное министерство обнародовало версию о столкновении японцев с большевиками. В изложении событий упоминается поведение генерала Грейвса, который, по словам японцев, отказался прийти к ним на помощь».

В апреле 1919 года в прессе появилось следующее заявление: «Японская пресса в Токио наживает себе капитал, утверждая, что американские силы с разрешения генерала Грейвса и некоторых других офицеров из американской экспедиции не двигались с места, в то время пока японских солдат стирали с лица земли».

С помощью таких фальшивых заявлений, ложных выводов и несправедливых обвинений в адрес представителя дружественной нации те, кто был за них ответствен, пытались нажить политический капитал на ужасных несчастьях, о которых мы все сожалели. Прежде всего, японский командующий через начальника своего штаба передал мне через начальника моего штаба пожелание не предпринимать никаких действий в ответ на просьбу генерала Юи до тех пор, пока я не получу подтверждения из японской штаб-квартиры во Владивостоке. Но я так и не получил из японской штаб-квартиры никаких просьб касательно тех столкновений. Однако, даже если бы получил просьбу послать туда американские войска, я мог бы отказать, если бы японцы не подтвердили мне, что сами не являются агрессорами, чего, как я уверен, они не смогли бы сделать. Несмотря на то что в заявлении не говорилось прямо, что американские войска находились в непосредственной близости к местам боев, оно было намеренно сформулировано таким образом, чтобы создавалось впечатление, будто американцы могли с легкостью оказать помощь. На самом деле на расстоянии 600 километров от места боев не было ни

одного американского солдата. Японцы, находившиеся в Сибири, прекрасно понимали, что, какие бы действия в отношении этих боев ни предпринял я или полковник Стайер, американцы не смогли бы спасти жизнь ни одного японца. Почему японцы не послали на помощь своим людям собственные войска? В Хабаровске и его окрестностях у них была целая дивизия, тогда как у американцев всего два батальона. Просьба, с которой генерал Юи обратился к полковнику Стайеру 12 февраля, заключалась в том, чтобы американцы вышли из города с целью вступить в бой с теми, кого он называл большевиками, чего, как он прекрасно знал, я бы никогда не позволил.

К тому времени американская пресса начала демонстрировать склонность критиковать меня и американские войска за то, что мы не боремся с большевиками. Одна из газет писала: «Конечно, мы не воюем с большевиками. Мы сражаемся с ними под Архангельском, но это еще не война».

Автор этой статьи выражал мысль, ставшую в 1919 году общепринятой в мире. Если бы тогда Соединенные Штаты послали в Россию войска и начали сражаться с какой-то российской группировкой, это означало бы войну, и теперь Советы были бы в состоянии требовать возмещения ущерба, причиненного в результате использования военной силы, и они бы, без сомнения, это сделали.

Если бы я послал американские войска на помощь японцам, как требовал генерал Юи, американцы перестали бы быть сторонними наблюдателями зверств, совершаемых в Сибири, и стали бы их участниками. Естественно задать вопрос, что такого сделали эти так называемые большевики и чем можно оправдать решение генерала Юи отправить японских солдат, чтобы уничтожить их? Они были русскими и находились на территории России, которой ни одно государство не объявляло войны. Они занимались своими делами и не угрожали ни жизни, ни здоровью, ни собственности союзников.

Тем из наших людей, которых очень вдохновляла мысль о необходимости бороться с большевизмом независимо от утвержденной американской политики, я могу сказать, что никогда не мог определить, кого можно причислить к большевикам и почему он большевик. Согласно мнению японских представителей в Сибири и их русских марионеток, большевиками были все русские, которые по своей воле не взяли за оружие и пошли сражаться за Семеновых,

Калмыковых, Розановых и Ивановых-Риновых, хуже которых не сыщешь даже в анналах преступного мира Соединенных Штатов. Согласно мнению британских и французских представителей, все русские, которые не взялись за оружие, чтобы воевать за Колчака, были большевиками. Но в настоящее время ни одна нация в мире не желает признавать вышеперечисленных господ или каких-то других как де-факто или де-юре лидеров российской власти.

Вскоре после того как приехал во Владивосток, я познакомился с японским генералом Накаямой. Судя по всему, он был самым важным из японских чиновников, за которым не были закреплены какие-то определенные обязанности, как за другими японскими генералами. Он всегда держался очень вежливо и обходительно и оказывался на переднем крае во всех дискуссиях независимо от их предмета. В американской штаб-квартире его называли генералом японской политики. Однажды он пришел ко мне с предложением, что раз уж Япония и Соединенные Штаты так тесно связаны в своей деятельности в Сибири, было бы желательно, чтобы военные представители обеих стран знали о том, что другие сообщают своему правительству. Он предложил, чтобы я рассказывал японцам обо всех важных донесениях, которые отправляю в Вашингтон, а они рассказывали мне о том, какие донесения отправляют в Токио. Я, конечно, понимал, что они не станут показывать мне никаких сколько-нибудь важных депеш, и он явно недооценивал мой здравый смысл, если полагал, что я покажу ему донесения, которые шлю в Вашингтон.

Тем не менее я решил поиграть в эту игру и сказал ему, что считаю его предложение замечательным, но мне кажется, что будет справедливо, чтобы в соответствии со схемой, предложенной Накаямой, они показали мне первую депешу. Я ожидал, что они покажут мне какое-нибудь безобидное сообщение, и намеревался ответить ему тем же, но эта удивительная договоренность так никогда и не была претворена в жизнь.

Через месяц или около того Накаяма вернулся в Японию. Уже не секрет, что его действия казались предосудительными некоторым другим иностранным представителям, и по общему мнению, японское правительство отозвало его назад не для того, чтобы выразить свое удовлетворение. Однако вскоре мы поняли, что японскому правительству его действия не представлялись предосудительными,

поскольку из генерал-майора его произвели в генерал-лейтенанты японской армии. Мистер Карл Акерман в своей книге «По следам большевиков» называет его генерал Людендорф японской армии.

В следующий раз я услышал о нем 16 марта 1919 года, когда получил телеграмму от американского военного атташе в Токио, где говорилось: «Японский Генеральный штаб сообщает о десяти американских дезертирах, перешедших на сторону красногвардейцев на северо-востоке от Владивостока, и еще одном, который был пойман. Генерал-лейтенант Накаяма из японского Генерального штаба попросил о личной встрече со мной и выразил серьезную обеспокоенность по поводу будущих отношений японских и американских войск в Сибири в связи с (здесь пропуск), а американцы нет. Он имел в виду, что мы не оказали помощи генералу Ямаде на Амуре, а также недавнее дезертирство американцев, перешедших на сторону большевиков. Он весьма многозначительно спросил, что будут делать американцы, учитывая вновь утвержденный план по охране железной дороги, если большевики ее перекроют. И будем ли мы помогать им, останемся в стороне или начнем содействовать их врагам большевикам. Он был явно против того, чтобы ваши войска были размещены в Чите или Маньчжурии».

Это яркий пример обвинений, с которыми пришлось столкнуться американцам не только там, где делались фальшивые заявления, которые можно было опровергнуть фактами, но и повсюду, где ни одна из сторон дискуссии не знала фактов и не могла разумно обсуждать проблемы, возникавшие в Сибири.

Заявления Накаямы граничили с оскорблением и, по моему мнению, не заслуживали дипломатического ответа. Я ответил на телеграмму: «У нас есть всего шесть американцев-дезертиров. Тот, о котором говорилось, что его поймали, так и не был возвращен мне. Ложные утверждения стали таким обычным делом, что я не поверю словам о его поимке, пока не увижу его лично. Накаяма не знает, что дезертировавшие американцы перешли на сторону большевиков. Это типичное ложное заявление. Его вопрос о том, что я буду делать при определенных обстоятельствах, граничит с оскорбительными намеками, характерными и для других действий, являющихся вмешательством в дела, касающиеся исключительно Соединенных Штатов. Я намерен охранять свою часть железной дороги так, как

считаю нужным, и это не должно волновать другие нации до тех пор, пока я успешно справляюсь со своими обязанностями. Вчера генерал Инагаки сообщил мне, что они получили приказ не вступать в столкновения с большевиками за исключением тех случаев, когда на них самих нападают, или если это необходимо для предотвращения беспорядков в стране. Я не понимаю, почему Соединенные Штаты не могут послать свои войска в Китай или в Сибирь, не получив соизволения Японии. Она была бы крайне возмущена, если бы кто-то извне попытался вмешаться в размещение ее войск в этих странах. Я не считаю, что у них есть какие-то более весомые интересы в Маньчжурии или Сибири, чем у Соединенных Штатов. Японский штаб во Владивостоке проинформировал меня, что они снабжают Калмыкова оружием и снаряжением. Ни у большевиков, ни в любой другой армии нет человека хуже, чем Калмыков, который недавно заявил, что рад находиться под командованием генерала Юи».

В конце марта 1919 года ночью во Владивостоке по приказу Иванова-Ринова белые арестовали вице-президента областного земства, редактора местной газеты и еще двух человек, а в 5 часов утра их отправили на запад в тюремном вагоне. Во Владивостоке было хорошо известно, что этих четверых отправили к Семенову на казнь.

Вскоре после этого в американскую штаб-квартиру пришли жены троих из этих людей, которые хотели встретиться со мной. Я попросил офицера, пришедшего ко мне с докладом, объяснить им, что это происшествие меня не касается и что я ничего не могу сделать, но их ответ не удовлетворил, и они отказались уходить, пока не встретятся со мной. Утром, когда, встав в обычное время и проходя мимо своего кабинета, я увидел, что женщины до сих пор там, я вошел туда и объяснил им, что мы не можем вмешиваться во внутренние конфликты русских. Меня поразило, с каким спокойствием и решимостью держались эти женщины.

Женщина, говорившая от лица остальных, выслушала меня и спокойным голосом ответила, что жители Владивостока полагают, что союзники несут ответственность за порядок в городе и за то, чтобы обезопасить их от подобного произвола. Потом она сказала: «В городе зреет бунт, и все мы хотим, чтобы вы и другие союзники продолжали придерживаться своей политики невмешательства». Она добавила, что русские реакционеры, совершившие это беззаконие, получили оружие

от союзников, но с ними удастся справиться, если союзники не станут вмешиваться. Я не стал больше ничего говорить этим женщинам, и они ушли.

Вскоре после того как я закончил завтракать, ко мне пришел британский верховный комиссар сэр Чарльз Элиот и в очень возбужденной манере сказал, что, по его сведениям, я заявил, будто американские войска не будут использованы для предотвращения бунта. Поскольку я ни с кем не обсуждал этот вопрос и не заявлял ничего подобного, ответил сэру Чарльзу, что его неверно информировали. Тогда он спросил меня, буду ли я использовать американские войска в случае восстания, и я ответил, что не могу утверждать, какие действия я предприму, пока не буду знать, что это за восстание и какова его причина. Он возмутился еще сильнее и сказал, что от этого зависит жизнь британских подданных и британская собственность, и он должен знать, каковы будут мои действия.

В конце концов, после недолгой перепалки, я сказал сэру Чарльзу, что прекрасно понимаю, о чем он хочет знать. Он хочет знать, стану ли я защищать Иванова-Ринова и Хорвата, и я могу ответить на этот вопрос. Ответ состоит в том, что он имеет информацию о хладнокровной расправе, которую они учинили, а Соединенные Штаты никогда не имели обычая защищать убийц, поэтому я не намерен защищать их ни сейчас, ни в дальнейшем. И если Иванова-Ринова приведут к американской штабквартире и повесят напротив на телеграфном столбе, то ни один американский солдат и пальцем не пошевелит. Такой ответ, видимо, удовлетворил сэра Чарльза, потому что он немедленно удалился. Я всегда считал, что британцы и японцы знали о том, что белые собираются произвести эти аресты.

Тюремный вагон был остановлен на станции Пограничная, находившейся на железнодорожной ветке из Сибири в Маньчжурию. Мне показалось, что, когда сэр Чарльз вернулся к себе, он обсудил вопрос с белыми русскими и, возможно, с кем-то еще, и они решили во избежание риска восстания задержать вагон.

В Пограничной у русских стоял точно такой же тюремный вагон, как тот, в котором находились арестованные, и, как только они прибыли на станцию, вагоны поменяли. Пустой вагон поставили на место того, который пришел с поездом, идущим на запад, а тот, в

котором находились арестованные, поставили на место пустого. Очевидно, что это была попытка кого-то обмануть.

В донесениях, пришедших во Владивосток по телеграфу от американского Русского железнодорожного сервисного корпуса, сообщалось, что вагон, который вопреки всеобщим ожиданиям не был отправлен к Семенову, перевели с магистральной ветки и отправили на юг в сторону Чанчуня. Эти действия имели целью создать впечатление, что арестантов вовсе не собирались отправлять на казнь к Семенову. Вокруг тюремного вагона, который, как предполагалось, стоял пустым на Пограничной, выставили японских часовых, не позволявших никому подойти к нему близко. Отнести пленникам еду посылали двенадцатилетнего мальчика. Когда мальчик принес им еду в первый раз, он воспользовался случаем и, несмотря на присутствие часового, вполголоса сказал, что механик поезда, ждущего отправления во Владивосток, готов отвезти записку, которую они хотели бы передать своим семьям. Они послали записку, и таким образом их местопребывание стало известно еще до того, как другой вагон, следовавший в сторону Чанчуня, успел отправиться в путь.

Командующие союзников созвали совещание, и я предложил послать командующему русских Иванову-Ринову уведомление, что, поскольку союзники отвечают за порядок во Владивостоке, на них лежит обязанность обеспечить соблюдение законности в отношении всех жителей, и мы не можем допустить, чтобы русских арестовывали и увозили из Владивостока, где должен решаться вопрос об их виновности или невиновности. Если такой вопрос возникает, мы требуем, чтобы нам предоставили право послать в суд своего представителя для определения, обеспечивает ли суд справедливое рассмотрение дела.

Французский представитель заявил, что это вмешательство во внутренние дела России и вопрос политики, которой мы не должны касаться. Японец, председательствовавший на совещании, заявил, что, поскольку среди нас нет единодушия, вопрос снимается. Я возразил японцу, сказав, что прошел тот день, когда он мог накладывать вето на действия большинства союзных командующих, что уведомление будет послано, а те, кто не желает его подписывать, могут этого не делать. Французский представитель ответил, что он должен проконсультроваться со своим правительством, и попросил, чтобы мы

подождали, пока он отправит телеграмму в Париж, на что мы с готовностью согласились. Спустя три или четыре дня уведомление было послано Иванову-Ринову и все союзные командующие его подписали. Генерала Блэра, бывшего в то время представителем Британии, выбрали для того, чтобы отвезти резолюцию в штаб-квартиру русских. В результате арестованные так и не были отправлены из Пограничной на запад, и через несколько дней после передачи резолюции русскому штабу их перевезли в Никольск, где передали военному трибуналу. Там они пробыли около двух недель, после чего их освободили.

В тот период, когда подвергался наибольшей критике, я неожиданно получил поддержку со стороны полковника Бутенко, назначенного русскими и союзниками комендантом крепости Владивосток еще до моего приезда в Сибирь. Он явился ко мне и через переводчика объяснил, что, по его убеждению, попытки оказать поддержку какой-то группе русских со стороны союзников ни к чему хорошему не приведут. Результатом будет возмущение значительной части русского народа, и это лишь навредит тем целям, которых желают достичь союзники. Он сказал, что считает мою политику, заключающуюся в соблюдении нейтралитета, единственной дающей надежду на стабилизацию положения. Он также сказал, что я наверняка знаю о недовольстве моей политикой не только со стороны русских антибольшевистских кругов, но и со стороны союзников. В связи с этим он не мог явиться ко мне иначе как после полуночи, тем не менее я могу рассчитывать на любое возможное содействие с его стороны.

Это предложение оказало мне большую помощь, не только потому, что давало очень нужную информацию, но и потому, что позволяло проверять информацию, полученную из других источников. Я понимал, что, если дружественное отношение ко мне со стороны полковника Бутенко станет известно, он не протянет и недели на своем посту, поэтому очень редко с ним виделся. Тем не менее он продолжал оказывать мне содействие в течение почти целого года, пока не получил приказ о переводе в Омск. Бутенко понимал, как понимал и я, что это неспроста, его в чем-то подозревают. Он опасался, что, проезжая через Читту, будет снят с поезда Семеновым и убит. Бутенко

поехал на запад в поезде, который охраняли американские и чешские солдаты, и никаких попыток его арестовать не предпринималось.

Его помощь состояла в основном в том, что он как комендант крепости имел доступ ко всем телеграммам, проходившим через канцелярию Владивостока, куда приходили все телеграммы, направленные в Восточную Сибирь.

Железнодорожное соглашение

Временное правительство России, более известное как правительство Керенского, обратилось к Соединенным Штатам за помощью в восстановлении работоспособности российских железных дорог, и весной 1917 года в ответ на эту просьбу в Россию приехал известный американский инженер мистер Джон Стивенс, позже ставший официальным советником министра путей сообщения в Петрограде.

По просьбе Временного правительства и при поддержке мистера Стивенса в Соединенных Штатах был сформирован Русский железнодорожный сервисный корпус, организованный с целью помочь привести российские железные дороги в состояние устойчивой работоспособности.

Его сотрудники, приехавшие по большей части с северного побережья Тихого океана и с Большой северной железной дороги, были замечательными людьми. И хотя со многими из них я не был знаком лично, знал, чем занимается корпус и как он работает. Соединенным Штатам очень повезло иметь в Сибири такую представительную группу людей, которые посвящали свой труд и энергию именно тому, что было нужно всем русским, независимо от того, кем их называли, большевиками или антибольшевиками. Эти люди не отступали от своих обязанностей даже по просьбам или требованиям русских и иностранных официальных лиц.

Подобная линия поведения часто натыкалась на препятствия, которые им чинили в работе. Для всех нас было бы гораздо проще идти в ногу с правящей верхушкой и толпой «народа», шагавшими под звуки оркестров, которые играли «Да здравствуют спасители Родины».

Временное правительство, или правительство Керенского, было свергнуто Советами еще до того, как американцы успели добраться до России и начать свою работу, поэтому большая часть этих людей осталась в Японии до марта 1918 года, а некоторые уехали в штаб-квартиру Китайско-Восточной железной дороги в Харбине.

Когда в августе и сентябре 1918 года в Сибирь прибыли войска союзников, российские железные дороги находились в плачевном

состоянии. Все, что нам удалось узнать, – это что союзники ведут переговоры о возобновлении эксплуатации железных дорог. Шли дни за днями, но ничего не предпринималось. И все это время железные дороги приходили во все больший и больший упадок, и так продолжалось до марта 1919 года, когда к нам во Владивосток пришло извещение, что соглашение между различными властями, заинтересованными в работе сибирских железных дорог, достигнуто. Это соглашение было настолько важным для войск Соединенных Штатов в Сибири, что я приведу его полностью.

«1. Общий надзор за железными дорогами в зоне, где в настоящее время действуют силы союзников, должен осуществляться специальным Межсоюзническим комитетом, состоящим из представителей каждой из союзных держав, имеющих военные силы в Сибири, включая Россию, и председателем которого должен быть русский.

Необходимо создать следующие управления, которые будут подчиняться Межсоюзническому комитету:

– Техническое управление, состоящее из профессионалов-железнодорожников тех стран, которые имеют в Сибири военные силы, и занимающееся административным, техническим и экономическим управлением железных дорог в указанной зоне.

– Военно-транспортное управление, задачей которого является координация транспортировки войск согласно инструкциям соответствующих военных властей.

2. Задача защиты железных дорог возлагается на военные силы союзников. Во главе каждой железной дороги должен оставаться русский управляющий или начальник с полномочиями, предоставленными ему существующими русскими законами.

3. Техническое управление избирает президента, на которого возлагается техническая сторона эксплуатации железных дорог. В целях обеспечения технической эксплуатации президент может издавать инструкции русским управляющим, упомянутым в предыдущем пункте. Он может назначать помощников и инспекторов, подчиняющихся управлению и прикрепленных к центральной канцелярии управления, выбирая их из представителей тех наций, военные силы которых находятся в Сибири, а также определять их обязанности. При необходимости он может распределять группы

профессиональных железнодорожников по наиболее важным станциям. При распределении специалистов по станциям должны приниматься во внимание интересы той союзной державы, в зоне ответственности которой находится данная станция. Обязанности и работу канцелярского персонала управления он распределяет по своему усмотрению.

4. Канцелярский персонал Межсоюзнического комитета назначается Председателем комитета, который имеет право распределять работу между сотрудниками, а также увольнять их.

5. Настоящее соглашение перестает действовать с момента отзыва иностранных военных сил из Сибири, и одновременно с этим должны быть отозваны все железнодорожные специалисты, назначенные в рамках данного соглашения».

В дополнение к этому формальному соглашению существовала параллельная договоренность между Соединенными Штатами и Японией о том, что главой Технического управления будет мистер Стивенс.

Причина задержки с подготовкой этого соглашения и возможная полемика при его написании заключались, по-видимому, в различии взглядов Соединенных Штатов и Японии. Детальное прочтение параграфа 3 показывает, что Япония была решительно настроена «задавить» любое укрепление авторитета, которое Соединенные Штаты могли заработать на Дальнем Востоке за счет выдающихся заслуг Русского железнодорожного сервисного корпуса во главе с мистером Стивенсом.

Тот, кому не приходилось действовать в рамках этого соглашения, может подумать, что это вполне удовлетворительный документ. Должен признать, что я так и думал. Однако позже обнаружил в этом соглашении несколько подводных камней, сводивших на нет эффективность всего плана.

В первом предложении первого пункта предусмотрено, что председателем Межсоюзнического комитета должен быть русский. Колчак бросился на это, как кот на мыш, и немедленно назначил председателем своего министра путей сообщения господина Устругова.

Во втором предложении предусмотрено, что на всех железных дорогах останется русский управляющий, или начальник с

полномочиями, предоставленными ему существующими русскими законами. Если составители этого соглашения хотели, чтобы антибольшевики получили полный контроль и чтобы железные дороги работали исключительно на сторонников Колчака, то соглашение обеспечивало это с большим успехом. Ни Межсоюзнический комитет, ни кто-то другой за исключением Колчака или его приверженцев не мог заменить ни одного начальника или служащего на железных дорогах.

Русские реакционеры поспешили воспользоваться этой возможностью. Я не знаю, какие требования предъявлялись к тем, кто хотел получить работу на железной дороге, но неперемное условие состояло в том, что каждый из них должен был горячо поддерживать Колчака. Они создавали региональные управления, с тем чтобы предоставить приверженцам Колчака как можно больше рабочих мест и с тем чтобы не дать своим политическим оппонентам ни одного шанса воспользоваться железными дорогами.

Соединенные Штаты заявляли, что вкладывают деньги в эти железные дороги и в содержание войск в Сибири, потому что: «Население Сибири, чьи ресурсы были практически полностью истощены долгими годами войны и раздоров, царящих здесь и по сей день, можно защитить от дальнейшего хаоса и анархии, только обеспечив нормальное транспортное сообщение по железным дорогам».

Это были благородные чувства. Однако ценность работоспособности этих железных дорог для огромного большинства русских людей оказалась близкой к абсолютному нулю. Большинство жителей Сибири имели возможность наслаждаться удобством, предоставляемым этими железными дорогами, в той же степени, как жители Либерии. Обычному гражданину не всегда просто каким-то явным образом показать, демократ он или республиканец, и точно так же русскому не просто показать, большевик он или антибольшевик. Прежде чем русский мог начать пользоваться железной дорогой и снимать с этого сливки, он должен был показать, что его политические пристрастия вне подозрений.

После того как были улажены главные вопросы, относительно финансирования и восстановления работоспособности железных дорог, возник, как видно из пункта второго, чуть менее острый вопрос

об их охране. Чтобы ускорить работу над соглашением, наш посол в Токио мистер Моррис попросил меня обсудить этот вопрос неофициально с японским штабом во Владивостоке.

Японцы согласились обсудить этот вопрос, но на определенном этапе остановились и отказались двигаться дальше. Я не имел причин что-то от них скрывать, однако мне стало очевидно, что у них есть какой-то план, которого я не должен знать. Они спрашивали, что я думаю, а потом, выслушав мои соображения, под тем или иным предлогом отказывались от дальнейшего обсуждения. В конце концов написал им письмо, говоря, что считаю дальнейшее обсуждение вопроса бесполезным. Я отказался от всех своих предложений и заявил им, что мы начнем все с самого начала, когда Межсоюзнический комитет попросит военное командование союзников поднять вопрос об охране железных дорог. Вопрос об охране оставался неурегулированным до середины апреля.

Когда вопрос об охране железных дорог был поднят, я ждал, что возникнут разногласия по поводу Китайско-Восточной и Маньчжурской дорог. Тем не менее нам удалось без проблем определить те участки, которые предстояло охранять американцам. Британцы и французы сказали, что не смогут ничего охранять, поскольку у них нет достаточного количества солдат. Я предложил, чтобы русским и китайцам позволили выбрать ту часть железной дороги в своей стране, которую они желают охранять, а потом американцы, японцы и чехи по мере возможности возьмут на себя остальное. С этим все согласились.

Русские заявили, что они не в том положении, чтобы охранять какую-нибудь железную дорогу, а китайцы сразу же согласились охранять Китайско-Восточную дорогу протяженностью почти 2 тысячи километров. Я ждал, что японцы станут возражать, но это предложение было одобрено единогласно. Американцам поручили охранять некоторые участки железной дороги в Восточной Сибири и участок дороги, примыкавший с востока к озеру Байкал.

Тем вечером китайский верховный комиссар приехал ко мне и рассказал, что, как только встреча командующих союзных войск закончилась, начальник японского штаба привлек внимание китайского представителя к соглашению между Японией и Китаем в то время, когда Япония предъявляла «военные требования» к Китаю. Он

заявил, что на основании этого соглашения Китайско-Восточную дорогу китайцы будут охранять совместно с японцами. Верховный комиссар сказал, что китайцы хотят охранять ее одни, и спросил, каково мое мнение. Я ответил ему, что большинство союзных командующих имели в виду, что Китай будет охранять эту дорогу без помощи Японии, и что мы распределяли зоны ответственности на этой основе. Китайскому правительству была направлена соответствующая телеграмма, и оно приняло решение, что Китай будет охранять Китайско-Восточную железную дорогу самостоятельно.

Япония создала видимость согласия с этим решением, однако вскоре вдруг обнаружила, что ей необходимо проложить вдоль Китайско-Восточной дороги линию полевой телефонной связи. Этой телефонной линии потребовалась охрана там же, где китайские солдаты охраняли дорогу.

Британцы, французы и японцы думали, что охрана железных дорог – это возможность лишить меня свободы действий. Британцы и французы не могли участвовать в охране железных дорог, зато могли, не стесняясь, давать всем остальным советы, которых никто не просил. Британцы не могли охранять ни единой мили дороги, но могли поучать вас, как ее надо охранять. Первое из их предложений состояло в том, чтобы передать командование охраной восточнее озера Байкал японцам, а западнее озера Байкал французскому генералу Жанену. Как я полагаю, это предложение было направлено против Соединенных Штатов. 28 марта 1919 года я телеграфировал военному министерству следующее: «Я надеюсь, что не будет предпринято никаких действий по передаче американских войск под начало какого-либо другого командующего, поскольку это очень быстро приведет к тому, что наши войска будут использованы против так называемых большевиков, и совершенно обесценит все, чего мы достигли, поскольку будет означать отказ от политики нейтралитета и невмешательства во внутренние дела русских».

В дальнейшем я больше ничего не слышал о подобных планах, чему, как я полагаю, обязан послу Моррису.

Потом генерал Нокс предложил, чтобы охрана не подпускала никаких большевиков ближе чем на десять километров к железной дороге. Это предложение каким-то образом попало к послу Моррису. В конце концов я объяснил командующим союзников (в основном имею

в виду генерала Нокса), что намерен охранять вверенный мне участок железной дороги так, как считаю нужным, и полагаю, что это никого не касается до тех пор, пока я успешно справляюсь со своей задачей. В противном случае буду рад выслушать их предложения. Больше я никогда не слышал об этом предложении.

В целях охраны железной дороги мне пришлось перевести штаб-квартиру и два батальона 27-го пехотного полка под командованием полковника С. Х. Морроу в Забайкалье, где мы впервые столкнулись с неизвестным Семеновым. Ситуация была весьма щекотливой, поскольку нам требовался человек, способный справиться с Семеновым и не нажить проблем.

Полковник Морроу оказался идеально подходящей кандидатурой для выполнения этой задачи. Он умел быть общительным, проницательным, строгим и, если требуют обстоятельства, блефовать. Прошло совсем немного времени, и Морроу схлестнулся с Семеновым.

Морроу обеспечивал соблюдение железнодорожного соглашения с целью предотвратить любое вмешательство в работу дороги на вверенной американцам территории. Семенов приехал на территорию, охраняемую Морроу, и арестовал нескольких железнодорожников на том основании, что они большевики. Морроу известил Семенова, что не разрешает ему арестовывать этих людей, если только у него не будет уверенности, что они совершили какое-то преступление.

Семенов выразил чрезвычайное возмущение: какой-то иностранец указывает ему, что он может, а чего не может делать в России, и сообщил Морроу о своем намерении произвести новые аресты.

Морроу ответил, что, если бронепоезд Семенова пересечет определенную черту, он отправит его в преисподнюю или куда-нибудь еще, и приготовился выполнить свою часть договора, разместив 37-миллиметровые орудия по обеим сторонам железной дороги и обложив их мешками с песком. Я лишился сна из-за этого столкновения и боялся, что из-за нехватки оружия Морроу может не справиться. Тем не менее решил не вмешиваться в этот конфликт и позволить Морроу выкручиваться самому. Его блеф сработал, и Семенов не появился.

Железнодорожное соглашение предусматривало, что военные будут охранять железные дороги, однако к этой обязанности

добавилась необходимость следить за тем, чтобы на вверенном им участке пассажиров и грузы никто не беспокоил.

Военные не должны были знать, что за грузы везет поезд и кому они предназначены. То же самое правило применялось и в отношении пассажиров. Оно казалось таким простым, что я не предвидел никаких трудностей в его соблюдении, но вскоре оказалось, что трудности возникли в секторе, охраняемом в соответствии с соглашением японскими войсками.

27 мая 1919 года Межсоюзнический железнодорожный комитет единогласно принял следующую резолюцию: «Обеспечение каждой предписанной транспортировки должно возлагаться только на персонал железной дороги. Эта резолюция полностью соответствует пониманию военного командования».

25 июля 1919 года комитет обратился к союзному командованию с просьбой проверить, соблюдается ли его резолюция в отношении нарушения правил передвижения поездов, и сообщил о том, что Семенов неоднократно нарушал эти правила. Японский командующий генерал Отани ответил: «Ввиду того что японские войска находятся на территории Сибири с целью обеспечения порядка и гражданского мира, они, безусловно, должны оказывать содействие железной дороге в отношении злоумышленников, пытающихся чинить препятствия движению поездов, в тех случаях, когда это предписано их обязанностями. Однако все имеющие отношение к железной дороге случаи недопонимания между союзными войсками, включая русские, и железнодорожным персоналом, которые по своему характеру являются предметом решений соответствующих правительств или их дипломатических представителей, а также незначительные инциденты, которые могут быть устранены русскими властями или военными, или инциденты сходного характера, не допускают японского вмешательства».

Япония была единственной державой, следовавшей этой политике, и это означало, что японские войска не стали бы вмешиваться в действия Семенова и Калмыкова, вне зависимости от того, что те делали на территории, где железную дорогу охраняли японцы. В результате такой политики Семенову позволялось устраивать оскорбительные выходки в отношении некоторых членов американского Русского железнодорожного сервисного корпуса на

территории, охраняемой японцами. Ему также позволили остановить американский поезд с грузом винтовок, предназначавшихся Колчаку, и потребовать себе пятнадцать тысяч винтовок, которые он угрожал забрать силой, если сопровождающий не отдаст их добровольно.

Прежде чем американцы заняли свои сектора, я издал прокламацию на русском языке для жителей и разместил ее во всех деревнях и городах наших секторов. В этой прокламации в числе прочего значилось:

«Сим довожу до сведения русских людей, что при исполнении своих обязанностей единственным предметом и целью вооруженных сил Соединенных Штатов, несущих охрану железной дороги между вышеуказанными пунктами, является защита железнодорожных путей и железнодорожного имущества, а также обеспечение беспрепятственного прохождения пассажирских и грузовых поездов по территории этих секторов.

Наша цель состоит в том, чтобы оказывать реальное содействие всем русским в обеспечении необходимого для них движения железнодорожного транспорта по тем частям территории Сибири, которые нам поручено охранять. Наши войска будут в равной степени помогать всем людям, независимо от их национальности, вероисповедания и политических предпочтений. Мы приветствуем сотрудничество и предупреждаем всех, кем бы они ни были, что любое вмешательство в железнодорожное сообщение будет пресекаться».

В то время мне казалось – и мнение не изменилось, – что это заявление прекрасно соответствовало своему предназначению. Мы охраняли железную дорогу не только от действий белых, не только от действий красных, не только от мародерства со стороны большевиков и антибольшевиков, мы следили за тем, чтобы никто не вмешивался в ее работу.

Эта прокламация вызвала всплеск оскорблений и поношений, поскольку я не стал разделять белых и большевиков. Начальник русского отдела Государственного департамента мистер Девитт С. Пул позже открыто критиковал меня на совещании в Госдепартаменте, где официально обсуждались мои действия в Сибири, за то, что в своей прокламации я написал «независимо от их политических предпочтений». Если бы я придерживался такой же однобокой позиции в отношении событий в России, как мистер Пул, то,

несомненно, не стал бы употреблять это выражение и дал бы войскам прямой приказ охранять железную дорогу от большевиков. Критика со стороны мистера Пула совершенно определенно показывает разницу моего и его понимания смысла слов «невмешательство во внутренние дела русских и соблюдение политического суверенитета России».

К тому времени, когда было заключено Железнодорожное соглашение и войска получили приказ охранять железные дороги, я сознавал все политические разногласия, существовавшие в Сибири. Я твердо уверен в том, что ни один человек не может указать какое-либо действие американских войск, которое бы доказывало, что мы отступили от заявленной Соединенными Штатами политики «невмешательства». Как только войска начали охранять железные дороги, все сторонники Колчака сразу же оказались под защитой союзных войск. Его приверженцы жили в городах, расположенных вдоль железной дороги, где войска не могли допустить никаких вооруженных столкновений.

Фактически эти железные дороги, финансируемые союзниками, полностью превратились в железные дороги Колчака. Если какой-нибудь русский, не сочувствовавший Колчаку, приближался к железнодорожной станции с намерением поехать на поезде или отправить какие-то товары, он подвергал большой опасности свою жизнь или свободу. Эти утверждения основаны на официальных докладах. Вскоре противники Колчака начали жаловаться, что, охраняя транспортные пути, мы помогаем Колчаку. Единственный ответ, который я мог на это дать, состоит в том, что я охранял железные дороги для них точно так же, как и для их противников, поскольку не имел возможности узнать, что находилось в охраняемых мною вагонах, проходивших по американским секторам. Это не удовлетворило противников Колчака, и вскоре они начали нападать на американские отряды и имущество, находившееся под нашей охраной.

Мы предпринимали решительные действия по пресечению этих атак. Самые серьезные проблемы возникли в районе Сучанских угольных шахт и на железной дороге, ведущей от шахт до магистральной ветки железной дороги. Территория вокруг Сучанских шахт была самой пробольшевицкой среди всех других территорий, с которыми мы имели дело. Иванов-Ринов рвался арестовать лидеров большевиков, работавших на шахтах. В обязанности американцев

входило поддержание шахт в работоспособном состоянии, и я объяснил Иванову-Ринову, что он не может послать свои войска в Сучан, потому что это приведет к забастовке и шахты будут закрыты. Местная пресса, сочувствовавшая Колчаку, обвинила меня в том, что я защищаю большевиков. Я сказал Иванову-Ринову, что если кто-то из людей, работавших на шахтах, виновен в правонарушениях, мы проследим за тем, чтобы полиция арестовала их и передала гражданским властям для предания суду.

Антибольшевиком это не удовлетворило, поэтому я предложил отвести американские войска и предоставить им самим заниматься шахтами. Однако они понимали, что не в состоянии этого сделать. В конце концов мы договорились, что определим территорию, куда я не допущу никакую большевистскую организацию, а войска Колчака не станут туда заходить.

К счастью для меня, представителем Соединенных Штатов в Межсоюзническом комитете в соответствии с первым пунктом соглашения был назначен мистер С. Х. Смит. Мистер Смит работал на железной дороге в Соединенных Штатах, он говорил по-русски и пользовался доверием других членов комитета.

2 марта 1919 года я получил письмо от генерала Нокса, где в числе прочего говорилось:

«Мне бы хотелось, чтобы мы проявляли большее единодушие в здешних делах. Цели, которых хотим добиться, несомненно, схожи, однако мы идем к ним разными путями. Политика нашего правительства состоит в поддержке Колчака, и я верю в эту политику, потому что, если не станет Колчака, наступит хаос. Я вовсе не хочу сказать, что Колчак архангел Гавриил, но он обладает энергией, патриотизмом и честью, и мое восьмилетнее пребывание в России научило меня, что если вы видите эти качества в одном человеке, его стоит ценить.

Здесь распространяются слухи о том, что ваши соотечественники настроены пробольшевицки. Я думаю, что в интересах союзнической солидарности и ради безопасности союзных частей вы должны это опровергнуть».

Это письмо демонстрирует базовые разногласия в нашей политике, делавшие сотрудничество невозможным.

Британцы, французы и американский генеральный консул в Сибири Харрис делали все, что могли, чтобы помочь Колчаку, в то время как я пытался сохранять нейтралитет. Таковы были данные мне предписания, которые дополнило сообщение от начальника штаба Марча от 28 марта 1919 года, в котором говорилось, чтобы я продолжал следовать этим курсом, пока его не изменит президент. Позже я приведу еще одну цитату, которая с ясностью показывает, что ожидания военного министерства состояли в том, чтобы я продолжал соблюдать нейтралитет.

На письмо генерала Нокса я ответил следующее:

«Я полагаю, всем хорошо известно, поскольку это было опубликовано, что Соединенные Штаты не намерены вмешиваться во внутренние дела русских. Этой политике я неизменно следовал.

Что касается поддержки Колчака, то я не считаю, что могу в рамках данных мне предписаний поддерживать кого бы то ни было. В своем письме вы пишете, что он «больше не желает повторять глупостей старого режима». Боюсь, вы думаете, что какие-то из моих действий имели место потому, что я усматриваю у адмирала Колчака монархические тенденции. Я считаю, что меня совершенно не касается, какие идеи исповедуют соперничающие русские группировки.

В отношении вашего утверждения, что большевики распространяют слухи, будто американцы настроены пробольшевицки, то, возможно, такие слухи, действительно, ходят. Однако я убежден, что эта пропаганда в большей степени исходит со стороны антибольшевиков, чем со стороны большевиков. Если бы вы почитали сообщения некоторых местных газет, я думаю, что вы бы согласились со мной, что бесполезно и безнадежно пытаться опровергать измышления, подобные тем, что появляются в газетах. Они проистекают не из жажды справедливости, а из глупого представления о том, что таким образом можно заставить американские войска действовать, как хочется их авторам».

Кажется, это была последняя попытка генерала Нокса заставить меня действовать в русле британской политики. Он перенаправил свои усилия на представителей Государственного департамента в Лондоне и в Сибири. Вскоре он сблизился с американским консулом во Владивостоке мистером Колдуэлом и предложил, чтобы тот отправил

телеграмму правительству Соединенных Штатов, объясняя, что генерал Грейвс неправильно интерпретирует американскую политику в Сибири и что генерал Грейвс неверно исполняет волю американского правительства и американского народа.

Я не могу утверждать, но подозреваю, что он подъезжал с таким же предложением и к генеральному консулу Харрису. Если это не так, то не могу себе представить почему, поскольку они с мистером Харрисом следовали одним курсом, поддерживая Колчака.

Читатель, естественно, спросит, как могло случиться, что представители двух департаментов правительства Соединенных Штатов придерживались настолько разной политики по столь важному вопросу, как использование американских войск в другой стране? Мне жаль, но я не в состоянии пролить свет на этот естественный вопрос. Могу только строить догадки. Моя догадка состоит в том, что, поскольку практически все аккредитованные представители иностранных правительств и все бывшие царские функционеры боялись распространения коммунизма, постоянно предпринимались решительные усилия воспользоваться интервенцией в надежде остановить распространение коммунизма на Дальнем Востоке. Эти усилия имели успех в отношении представителей Государственного департамента, которых удалось убедить в необходимости отказаться от политики «не вмешиваться, не признавать и не содействовать никаким группировкам на территории России или Сибири», в пользу поддержки русских сил, борющихся против Советов. Возможно, первоначальной целью организации военной интервенции действительно было создание Восточного фронта, но желание остановить распространение идей социализма было не менее существенным, однако ни одна из союзных или связанных с ними держав не считала разумным даже упоминать о ставшем теперь уже очевидном страхе перед распространением большевизма на Дальнем Востоке.

У меня нет информации о том, изменял ли Государственный департамент свои инструкции, как утверждал генеральный консул Харрис, но мои предписания, имевшие такой же вес, как и данные ему, никогда не менялись.

Средства получения информации, как извне, так и изнутри Сибири, были весьма ограничены и неудовлетворительны, а после того, как чехи взяли под контроль Транссибирскую железную дорогу и

Владивосток, стало почти невозможно получать информацию, кроме той, которая была призвана одобрять идею военной интервенции. Единственным исключением были сведения, полученные от дипломатических и консульских работников. Если эти работники не обладали широтой взглядов, как было в подавляющем большинстве случаев, для них не составляло труда принять поступавшую к ним информацию, имевшую целью показать необходимость интервенции, и отбросить ту, которая отражала противоположную точку зрения. Они могли делать это из наилучших побуждений и с искренней убежденностью в том, что действуют в интересах своих правительств. В результате представители Государственного департамента и военного министерства в одном и том же месте и в одно и то же время проводили совершенно разную политику. По поводу верности этого утверждения не может быть двух мнений, а результатом стала резкая критика представителей Соединенных Штатов. Все русские и представители союзников, поддерживавшие интервенцию, ожесточенно критиковали мои действия, а те, кто верил в правильность политики «невмешательства во внутренние дела России», с такой же страстью критиковали действия представителей Государственного департамента. Однако за эту обоюдную критику можно оправдаться, если обратить внимание на то, что политика Соединенных Штатов оказалась наилучшим образом рассчитанной на то, чтобы противостоять этой критике.

По моему мнению, к несчастью для Соединенных Штатов, людьми, которые занимались Россией в то время, когда там происходили такие страшные потрясения, оказались те, кто и до этого служил на Дальнем Востоке, Ближнем Востоке, а главное, в России. У этих людей установились контакты и дружеские связи в тех кругах, с которыми они себя ассоциировали, и в случае с русскими это почти всегда были сторонники самодержавия. Как я полагаю, возможно, эти американцы принадлежали к тому классу, где не принято относиться с сочувствием к нуждам и чаяниям так называемых низших классов, как в Соединенных Штатах, так и в России.

Нет никаких сомнений, что генеральный консул Соединенных Штатов мистер Харрис был ярким сторонником Колчака и тех принципов правления в России, которые исповедовал колчаковский режим. Люди, которых назначал адмирал Колчак, практически всегда

были бывшими царскими чиновниками и монархистами. Мистер Макговэн, американский консул в Иркутске, а позже во Владивостоке, очень сочувствовал монархистам и делал все в их интересах. Именно он был тем консулом, который известил американского посла в Вологде о поезде с офицерами германского штаба, которые, спрятав знаки различия под русскими шинелями, едут, чтобы создать из немецких и австрийских военнопленных боевые отряды и захватить Транссибирскую железную дорогу. Теперь мы знаем, что мистера Макговэна убедили в этом те люди, которым очень хотелось склонить президента Вильсона послать американские войска в Сибирь.

Мистер Девиэт С. Пул, который позже занимался отношениями с Россией в Государственном департаменте, своими усилиями по поддержке Колчака продемонстрировал, что не является сторонником заявленной Соединенными Штатами политики невмешательства во внутренние дела России.

Логичный вывод, к которому мог прийти каждый, кто был тогда в Сибири и знал подоплеку происходящего, состоит в том, что главная цель интервенции не была озвучена публично. Действия представителей союзников, а также генерального консула Соединенных Штатов дают основания считать, что, посылая в Россию войска, все союзники и поддерживающие их страны предполагали воспрепятствовать распространению коммунизма. Доказательством этого утверждения была и есть всеобщая (по крайней мере, в Соединенных Штатах) уверенность в этом. После подписания перемирия уже не делалось попыток скрыть тот факт, что войска союзников пытались уничтожить большевизм. По сути дела, это единственная логичная причина, которая может объяснить, зачем иностранные войска оставались в Сибири.

Наши войска и меня лично часто упрекали в том, что мы, следуя приказу, проводили политику невмешательства и не вступили по указке союзников в борьбу против того, что они именовали большевизмом. Американские солдаты не имели отношения к ужасам гражданской войны в Сибири, но своим присутствием и охраной железной дороги, использовавшейся исключительно в интересах Колчака, они невольно потворствовали зверствам, которые в состоянии шокировать любого человека, обладающего нормальными чувствами.

После моего возвращения с Дальнего Востока начальник штаба рассказал мне, что я не ощутил и половины того давления, которое оказывали британцы на Вашингтон, с целью снять меня с должности. У меня есть и другая информация, в равной степени заслуживающая доверия, что они не остановились, пока не дошли до президента.

Другие иностранные представители понимали, с какой легкостью они могут дискредитировать армейских офицеров в Соединенных Штатах. Я не знаю и никогда не узнаю, какие сообщения относительно меня и американских войск отправлял в Лондон генерал Нокс. Тем не менее мне известно, что у него в канцелярии служил молодой капитан, которого называли барристером «Внутреннего темпла», и некоторые вещи, которые он писал об американцах, представляли собой абсолютную ложь. Об этих сообщениях мне невольно проболтался британский офицер, временно занимавший кабинет генерала Нокса в его отсутствие. Генералу Ноксу требовалось отправить в Лондон что-то из ряда вон выходящее, что оправдало бы попытку британского правительства через своего посла добиться отставки армейского офицера с поста командующего американскими войсками. Президент, естественно, решил, что в Сибири произошло нечто ужасное, и выразил свою крайнюю озабоченность. Именно на такой эффект и надеялся генерал Нокс. Он или его представители не один раз сближались с американцами с целью выяснить, как на меня можно повлиять и кто за мной стоит. Об этих попытках мне немедленно докладывали.

Ни один человек, который знает офицеров американской армии, не мог бы себе представить, что кто-нибудь из них вознамерится сделать и тем более сделает то, что сделал генерал Нокс. Британцы были бы очень возмущены, если бы американский военный явился к представителю британского министерства иностранных дел и попытался убедить его предпринять шаги для смещения офицера британской армии. Если бы я сделал то, что сделал генерал Нокс, предприняв шаги к тому, чтобы его сняли с должности из-за неподобающего исполнения им своих обязанностей, он бы, наверное, воспринял мои действия как оскорбление, которое требует извинений со стороны правительства Соединенных Штатов. Если бы нас поменяли местами, британцы бы тут же сделали представление Вашингтону по поводу моего возмутительного поведения.

Приведу пример. Однажды я приказал нашему военному представителю в Омске известить министра иностранных дел в правительстве Колчака господина Сукина о том, что, если определенные действия будут продолжаться, мы так же предпримем определенные шаги. Вскоре мне сообщили из Вашингтона, что в будущем мне следует общаться с правительством Колчака через Государственный департамент. Я прекрасно знал, что предписанная процедура именно такова, но вопрос, к которому я хотел привлечь внимание господина Сукина, не мог ждать, пока это сделает Госдепартамент. По моему мнению, я был единственным военным представителем в Сибири, подвергнутым намеренному порицанию за то, что отправил очень важное для американцев сообщение, требовавшее немедленных действий, человеку называвшемуся представителем Верховного правителя России, который на деле никогда не был признан главой какого-либо правительства какой-либо страны.

Сейчас самое время, чтобы американский народ осознал, что иностранцы прекрасно осведомлены, как можно с легкостью возбудить в Соединенных Штатах подозрения относительно наших должностных лиц, когда они отказываются следовать политике, желанной иностранцам.

Хорошо известно, что британские и французские представители постоянно пытались убрать меня с должности командующего. Причина заключалась в том, что я выполнял предписания, данные мне правительством Соединенных Штатов, а не то, чего хотел генерал Нокс. Я понимал, что японцы заявили Вашингтону о том, что предпочли бы иметь дело с дипломатом, а не со мной. Конечно, дипломат я или нет, вопрос спорный, но в отношении представителей Англии, Франции и Японии я определенно вел себя не менее дипломатично, чем они со мной.

Слышал ли кто-нибудь, чтобы наше правительство когда-либо делало британскому правительству представление о неподобающем поведении генерала Нокса? Я не слышал.

Еще одно доказательство нечестных методов британцев демонстрируется в книге, написанной членом парламента полковником Джоном Уордом. Поскольку я видел эту книгу в Библиотеке конгресса в Вашингтоне и поскольку она имеет целью изложить сведения о

событиях, имеющих отношение к действиям военных представителей Соединенных Штатов, которые сильно расходятся с фактами, я приведу некоторые выдержки. Полковник Уорд пишет: «В Никольск пришла телеграмма от начальника станции в Краевском, где говорилось, что он телеграфирует из дома, поскольку на станцию вошел отряд Красной гвардии, который в присутствии американских солдат, охранявших железную дорогу, посадил его и его подчиненных под арест и захватил станцию».

Всем тем, кто в то время находился в Сибири, это сообщение показалось бы настолько смехотворным, что не требовало бы никаких дополнительных комментариев. Тех же, кто ничего не знает о той ситуации, могу заверить, что, если бы телеграфиста вытащили из его кабинета, ему бы никто не разрешил пойти в другое место, где есть телеграф. И уж совсем невероятно, чтобы телеграфный аппарат стоял у него дома.

Этот эпизод придуман специально, чтобы показать, что американские солдаты сотрудничали с большевиками. Я не стану утверждать, что полковник Уорд не получал подобного сообщения, но могу сказать, что смысл, который он ему придал, не соответствует фактам. Полковник Уорд пишет: «Из шестидесяти офицеров связи и переводчиков свыше пятидесяти составляли русские евреи».

В распоряжении американской штаб-квартиры никогда не было такого числа переводчиков. Во время войны и Соединенные Штаты, и Великобритания были рады, что у них служили евреи. Я никогда не спрашивал у солдата, еврей он или не еврей, и не делал абсолютно никакого различия в своем отношении к людям, находящимся под моим командованием. Я не знаю, кто в моей штаб-квартире принадлежал к еврейской расе, но мой личный переводчик был британским подданным родом из Шотландии. Могу также сказать, что он был очень достойным, надежным и работоспособным служащим.

Полковник Уорд знал, что русская автократия, и в частности та партия, которую он поддерживал, ненавидела евреев. Делая это ложное заявление, он пытался заслужить одобрение своих сибирских единомышленников. Обвинения полковника Уорда в отношении американских военных сил в Сибири изобилуют искажениями приведенных фактов и событий, и все они насквозь пропитаны злобой и обидой на наши войска.

Выше я уже достаточно ясно показал, что причиной этой обиды и злобы был тот факт, что я не позволил британцам диктовать мне, как я должен поступать. Эта злоба длилась до тех пор, пока генерал Нокс не поднялся на борт отплывавшего из Сибири корабля.

Весной 1919 года Колчаку, видимо, удалось добиться определенных успехов в деле организации, вооружения и экипировки людей, призванных в его войска. Поскольку все коммуникации в Восточной Сибири и во Владивостоке контролировались сторонниками Колчака, а все иностранные представители сочувствовали усилиям Колчака, то, по моему мнению, мало кто из людей понимал, что происходит на фронте. Совсем несложно было преувеличить успехи и преуменьшить провалы. Совсем несложно было писать сообщения, содействующие их цели. Чтобы пояснить, что это означает, приведу документы, имеющиеся в моем распоряжении:

«Цифры для расчета продовольствия показывали, что на 3 марта 1919 года армия Гайды не превышала 120 тысяч человек, имевших право на получение пайка, а на 9 июня всего 100 тысяч человек. Однако в Омск они отправили запрос на получение продовольствия для 275 тысяч человек.

Когда Гайду попросили объяснить эти цифры, он сказал, что не в состоянии этого сделать, поскольку весь его штаб участвовал в подтасовках. Он заявил, что на 3 июня имел менее 30 тысяч бойцов, а на 1 июня у него было чуть больше 60 тысяч, не считая резерва».

Некоторые из генералов Гайды утверждали, что причина их провалов на фронте заключается в недобросовестности службы снабжения. Гайда послал офицера сравнить перечень продовольствия, отправленного из Екатеринбурга, с тем, которое было получено в Перми. Ниже приведены самые важные результаты его проверки:

«Процент отправленных продуктов, не дошедший до пункта назначения:

Овощи, свежие и консервированные – 100 %

Табак для выдачи – 82 %

Сахар для войск и для продажи офицерам – 72 %

Фураж для животных – 90 %

Мясо – 46 %

Одежда – 65 %

Обувь – 35 %

Мука – 45 %».

Эта огромная недостача образовалась за период в три месяца и включала в себя только то, что не дошло из Екатеринбурга до Перми. Гайда предпринял самые решительные действия в отношении виновных в махинациях с поставками. Несколько офицеров пошли под трибунал и были уволены.

Естественно предположить, что русские, особенно высшие офицерские чины армии Колчака, единодушно поддерживали Гайду в его стараниях избавить армию от недобросовестных людей. Но по всеобщему убеждению тех, кто был в Сибири, реакция русских на действия Гайды была негативной и послужила одной из существенных причин его разрыва с Колчаком.

Большую часть обмундирования для мобилизованных русских солдат поставляли британцы. Генерал Нокс утверждал, что британцы поставили войскам Колчака 100 тысяч комплектов военной формы. Отчасти это подтверждалось большим количеством бойцов Красной армии, одетых в британскую военную форму. Генерал Нокс с отвращением относился к тому, что красные ходили в британской форме, и, как сообщали позже, сказал, что Британия больше ничего не пошлет Колчаку, потому что все, что она поставила, оказалось у большевиков. Вообще говоря, красноармейцы, носившие британскую форму, были теми же самыми людьми, которым ее выдали, когда их призвали в армию Колчака. Однако огромному числу этих людей было не по душе воевать за Колчака.

Методы, использованные людьми Колчака для мобилизации этих сибиряков, вызвали всплеск возмущения, который не так-то просто было унять. Они пришли в армию озлобленными и напуганными, но не врагом, а собственными командирами. В результате, как только получали оружие и обмундирование, они целыми ротами и батальонами дезертировали из своих частей и переходили на сторону большевиков.

9 апреля 1919 года я сообщал: «Рост численности так называемых большевистских банд в Восточной Сибири является результатом приказа о мобилизации и жестоких методов, используемых при его исполнении. Крестьяне и рабочий класс не желают воевать за Колчака».

К 13 апреля японцы разработали план, призванный заставить меня принять участие во внутреннем конфликте русских. Они обратились ко всем представителям союзных войск с заявлением, что большевики угрожают железной дороге вблизи Шкотова, и, утверждая, что железнодорожное сообщение прервано, просили присоединиться к японским частям, отправленным выбивать большевиков. После того как все согласились принять в этом участие, один из союзников отправил туда всего одного солдата, а другие незначительное количество, и японцы через начальника моего штаба обратились ко мне с просьбой присоединиться.

К тому времени я очень хорошо знал, что цель японцев – либо заставить меня принять участие в операциях против большевиков, либо заявить, что я отказываюсь присоединиться к другим союзникам в походе против большевиков. Они предложили сказать большевикам, что не могут идти на запад от северной и южной железнодорожной ветки, проходящей через Шкотово.

Анализ ситуации показал, что железнодорожное сообщение не было прервано, а угроза представляла собой двенадцать выстрелов, сделанных каким-то неизвестным лицом по неизвестной причине. По моему убеждению, выстрелы были сделаны каким-то русским или японским провокатором с целью попытаться поставить меня в затруднительное положение. В своем ответе японцам на это предложение я написал: «И Соединенные Штаты, и Япония твердо уверяли русских людей, что не станут нарушать политический суверенитет России и вмешиваться в ее внутренние дела. В свете этих заверений я не представляю, каким образом мы могли бы ограничивать русских в их собственной стране восточнее или западнее, севернее или южнее воображаемой линии, которую хотелось бы нарисовать Японии. Я не могу участвовать ни в каких операциях, за исключением тех случаев, когда это необходимо для защиты железной дороги».

Это дало повод японской и местной антиамериканской прессе разразиться бурей негодования в отношении американцев.

Со всех станций Восточной Сибири, где стояли американские войска, приходили сообщения об избиениях и убийствах мужчин, женщин и детей. Аналогичные сообщения поступали в американскую штаб-квартиру из деревень. Я чувствовал, что донесения, полученные от офицеров американской армии, правдивы, поскольку, прежде чем

рапортовать в штаб, они лично проверяли достаточное количество сообщений, чтобы удостовериться в их подлинности. Зверства, о которых сообщали крестьяне, были настолько похожи на те, о которых докладывали офицеры, что я считал оправданным верить сообщениям крестьян. Я никогда не мог понять психологию того рода человеческих существ, которые думали подобными зверствами установить в Сибири сильную власть. Сторонники Колчака, творившие эти зверства, понимали, что у них есть лишь слабое подобие правительства, не способное продержаться и месяца без опоры на иностранные штыки.

Эти зверства в сочетании с агрессивными действиями войск Иванова-Ринова послужили причиной возникновения существенных разногласий между Ивановым-Риновым и мной. 9 мая 1919 года я телеграфировал военному министерству: «Иванов-Ринов отдал приказ идти в Омск, в одночасье передав все дела Хорвату. Я получил из надежных источников информацию, что приказ последовал за его требованием к правительству Колчака назначить его главнокомандующим Восточной Сибири, а Семенова командующим всеми войсками. Смысл этого пока не понятен».

Прежде чем отбыть в Омск, он явился ко мне со своим переводчиком и адъютантом. Я пригласил в кабинет своего переводчика, ожидая, что визит будет неприятным. К моему глубокому удивлению, Иванов-Ринов начал рассказывать мне, что в душе ничего против меня не имеет и надеется, что я ничего не имею против него. Что он не знает ни одного другого человека, с которым ему так хотелось бы распить бутылку вина за успехи наших стран. Что после того, как они избавятся от большевизма, он надеется встретиться со мной за одним столом и распить эту бутылку вина.

Он совершенно откровенно сказал: «Прежде чем я уеду, мне хочется сказать вам, что мы использовали все способы, которые только существуют в мире, чтобы заставить вас изменить свою политику. Мы пытались вам льстить, мы пытались вас оскорблять, мы пытались ставить вас в безвыходное положение, но, насколько я могу судить, мы ни на каплю вас не изменили. И хотя мне не нравится ваша политика, я восхищаюсь вашей стойкостью».

Он пробыл у меня около часа, и мы самым дружеским образом обсудили положение на Дальнем Востоке.

Пока британцы снабжали войска Колчака обмундированием, Соединенные Штаты тоже снабжали его войска через американский Красный Крест.

Как было сказано выше, глава американского Красного Креста доктор Теслер не сочувствовал чаяниям русского народа. Я с сожалением вспоминаю этот факт, но истина требует, чтобы я сказал, что американский Красный Крест действовал в Сибири как агент по снабжению Колчака.

16 апреля 1919 года майор США Слотер в Омске получил из Иркутска от доктора Теслера следующую депешу: «Пожалуйста, сообщите мистеру Сукину, что мы закупили в Китае и Японии три тысячи комплектов хлопчатобумажного нижнего белья для русской армии. Позже мы сообщим ему о следующих трех тысячах комплектов, заказанных в Америке. Глубоко сожалею о задержке в этом вопросе».

В дополнение к этому я предоставлял охрану для поездов Красного Креста, следовавших в Омск, полагая, что эти поставки предназначены для раздачи русскому населению. Один молодой офицер после возвращения из поездки, куда он ездил в качестве конвойного, сказал: «Мне не удалось остановиться в Омске, поскольку на следующий день Колчак собирался дать бой, и я поспешил на фронт, чтобы отвезти туда вещи, которые могли пригодиться в бою».

Таким образом, американские войска оказались в положении снабженцев для войск Колчака, и мне пришлось уведомить доктора Теслера, что, если подобное повторится, он больше не получит от меня охрану для своих поездов. Представляю, какая шумиха поднялась бы, если бы выяснилось, что американцы поставили что-нибудь большевикам.

Пока доктор Теслер находился в Сибири, госпитали американского Красного Креста обслуживали только людей Колчака и выступали практически его агентами по снабжению. На мой взгляд, было крайне неудачно, что действия главы американского Красного Креста так откровенно противоречили обещанию, данному русскому народу президентом Соединенных Штатов. И хотя Красный Крест не является представителем государства, его деятельность отражалась на укреплении или ослаблении престижа Соединенных Штатов.

12 июня я телеграфировал военному министерству следующее: «Полковник Морроу сказал Семенову, чтобы тот убрал свой броневик из американского сектора, иначе он уберет его сам. Японский генерал Йоши заявил, что, если люди Морроу попытаются убрать броневик Семенова из американского сектора, японцы окажут вооруженное сопротивление. Слотер прислал телеграмму, что, как сообщил ему Сукин (министр иностранных дел в Омском правительстве), по его мнению, этот инцидент показывает, что японцы желают обострения отношений между американцами и русскими. Еще до того как пришла телеграмма от Слотера, мистер Смит (американский член Межсоюзнического железнодорожного комитета) сказал мне, что исполняющий обязанности верховного комиссара британский полковник Робертсон вчера сообщил, что, по его мнению, за инцидентом между Семеновым и американцами стоят японцы».

Не вызывает сомнений, что японцы стояли за всеми серьезными действиями Семенова. Я еще раньше уведомлял военное министерство, что в отношении проблем Дальнего Востока казаков и японцев следует рассматривать как одну силу. У меня не было повода изменить эту точку зрения.

Кое-кто из японцев был бы рад увидеть, что американские войска сцепились с русскими. Однако другие были более осторожны, поскольку понимали, что у меня достаточно информации, чтобы связать Японию с любым жестким выпадом против американцев со стороны Семенова или Калмыкова.

24 октября я получил телеграмму от майора Слотера, где он говорил мне об отставке Гайды, которая была принята Омским правительством.

Признание Колчака

В начале июля 1919 года я получил из Вашингтона указание: «Если американский посол в Японии мистер Роналд С. Моррис поедет в Омск, вы должны ехать с ним».

В то время постоянно велись разговоры о возможности признания Колчака Соединенными Штатами, поэтому я решил, что поездка посла каким-то образом связана с этим вопросом. Я считал, что это дело политики, к которому я не имею никакого отношения, но, когда получил приказ ехать в Омск, у меня сложилось впечатление, что я имею какое-то отношение к осуществлению политики Соединенных Штатов в Сибири. И это притом, что я постоянно старался дать понять союзникам, что это не так.

Я телеграфировал в Вашингтон предположение о нецелесообразности моей поездки с послом. Однако точка зрения властей на этот вопрос не совпадала с моей, и 7 июля я получил следующий ответ: «В отношении вашей телеграммы: если Моррис поедет в Омск, желательно, чтобы вы его сопровождали».

Как только я узнал, что Моррис едет, я проконсультировался с ним, и мы подготовились к поездке. Нам нужен был поезд с американским конвоем, поэтому из Владивостока мы смогли выехать только 11 июля.

Люди Колчака представили дело Вашингтону таким образом, будто по ходу моей службы на Дальнем Востоке я столкнулся с представителями крайне реакционного казачества и по этой причине не имею правильного представления о положении, сложившемся к западу от Иркутска. Поскольку должен был ехать в Омск, я решил воспользоваться этим, чтобы выяснить, каково истинное отношение народа к омскому режиму. Посол Моррис взял своего переводчика, я – своего, и мы решили, чтобы во время остановок они по отдельности выходили и говорили об этом с людьми. По всем станциям на запасных путях стояли поезда, битком набитые беженцами из разных мест Западной Сибири. Я приказал своему переводчику говорить в основном с женщинами, поскольку считал, что они могут оказаться

более общительными, чем мужчины, и, когда он возвращался в поезд, я записывал все, что он рассказывал.

Из Владивостока железная дорога идет на север вдоль берега, между Амурским заливом на западе и холмами на востоке. Через 30 километров океан остался у нас позади.

Город Никольск, находящийся примерно в 100 километрах от Владивостока, является узловой станцией, в которой Уссурийская железная дорога соединяется с основной веткой в сторону Пограничной, где она соединяется с Китайско-Восточной железной дорогой, идущей через Маньчжурию. Для Сибири Никольск достаточно молодой город. В обычное время его население составляет около пятидесяти тысяч человек. В царское время там располагалась штаб-квартира армейского корпуса.

За Никольском вдоль основной ветки железной дороги находятся обширные поля пахотной земли. По приблизительным оценкам, свыше 80 % территории распаханно и в основном используется для выращивания пшеницы.

В Пограничной, на границе между Сибирью и Маньчжурией, есть железнодорожный вокзал, здание таможни и несколько очень маленьких домиков. Оставив Пограничную, мы проехали еще 1500 километров через Маньчжурию и повсюду до самого Харбина, который находится в 780 километрах от Владивостока, видели тщательно обработанные поля большего или меньшего размера.

13 июля по прибытии в Харбин мы обнаружили, что там очень жарко, но город оказался очень интересным с многонациональным населением около 80 тысяч человек. Город стоит на судоходной реке Сунгари. Похоже, в Харбине были представители всех народов, среди которых 30 тысяч русских. Есть также часть города, заселенная исключительно китайцами. Своей важностью Харбин обязан в значительной мере тому, что здесь пересекаются Китайско-Восточная железная дорога и Южно-Маньчжурская, или Японская, железная дорога, идущая в Мукден и Дайрен. Благодаря многонациональному населению, в городе есть несколько солидных предприятий с тесными торговыми связями. Харбин находится в восточной части огромной равнины, простирающейся на запад, и чем западнее вы движетесь, тем суше становится земля. Часть этой равнины заселена кочевниками,

которые перемещаются в соответствии с потребностями своих вьючных животных.

Цицикар, расположенный в 280 километрах к западу от Харбина, – главный город Маньчжурии с населением около 70 тысяч человек.

Маньчоули, иногда называемая Маньчжурия, – станция между Маньчжурией и Сибирью. Она находится в 450 милях от Цицикара. В этом пункте Китайско-Восточная железная дорога соединяется с Транссибирской железной дорогой. Этот узел является центром караванного пути, по которому товары везут в далекие страны. Караваны состоят из лошадей и верблюдов, которые запряжены в большие двухколесные повозки.

Через 380 километров от Маньчжурии находится Каримская – ближайшая узловая станция, соединяющая Китайско-Восточную и Амурскую железные дороги. Последняя идет на северо-восток и к северу от реки Амур до Хабаровска, а оттуда на юг до Владивостока.

Никольск соединяет с Каримской одноколейная железная дорога, а дальше на запад идет двухколейная.

Говорили, что самым сложным участком Транссибирской железной дороги с точки зрения охраны и эксплуатации считается участок от Каримской до Иркутска.

Сложность вызвана тем, что здесь дорога пересекает Забайкальское плоскогорье и огибает с юга озеро Байкал. Необходимость обеспечить проходимость тридцати восьми тоннелей делает эксплуатацию и охрану сложной и дорогой, однако инженеры заявляли, что альтернативного пути не существует, поскольку климат здесь очень суров и июль единственный месяц, когда на Забайкальском плоскогорье нет морозов.

Чита – в то время вотчина Семенова – находилась в 220 километрах от Каримской и насчитывала около 75 тысяч жителей.

В Верхнеудинске, где находилась штаб-квартира и расположение 27-го пехотного полка, стоявшего там с целью охраны вверенного американцам сектора, мы остановились на один день, чтобы встретиться с полковником Морроу и проинспектировать лагерь и войска. В тот день, который мы провели там, стояла хорошая погода, и я остался очень доволен тем, как выглядит лагерь и команда полковника Морроу. Здесь проходил важный караванный путь,

шедший по великой монгольской пустыне, простиравшейся от Калгана до Верхнеудинска. По этому пути постоянно шли караваны верблюдов, которым требовалось сорок дней, чтобы его преодолеть.

Через 130 километров от Верхнеудинска железная дорога дошла до озера Байкал и на протяжении примерно 300 километров пролегла близко к берегу. Это очень красивое озеро тянется на 600 километров в длину, имеет ширину от 20 до 80 километров, и площадь его составляет более 30 тысяч квадратных километров. Говорят, что оно самое глубокое из всех пресноводных озер в мире, и во многих местах эта глубина достигается почти у самого берега. Считается, что его самая большая глубина 1640 метров. Высота окружающих озеро гор достигает 1400 метров над уровнем моря, в то время как само озеро находится на высоте менее 600 метров над уровнем моря.

Иркутск, расположенный на реке Ангара в 65 километрах от того места, где река вытекает из озера, – столица Центральной Сибири и самый интересный город Сибири с исторической точки зрения. Ангара единственная река, вытекающая из озера Байкал. Во времена царизма политических и уголовных преступников, сосланных в Сибирь, как правило, собирали в Иркутске, чтобы потом отправить оттуда в разные места и там посадить в заключение или оставить под надзором. Жестокие меры, применяемые царским режимом, чтобы удержать этих заключенных от побега, не окончательно исчезли в то время, когда я проезжал через Иркутск. Я видел человек двадцать, ноги которых были скованы большими цепями с тяжелыми шарами на конце, которые заключенный должен был нести в руке, чтобы иметь возможность идти. Железная дорога проходит по южному берегу реки, тогда как город располагается на северном берегу. Вокзал и город связывает понтонный мост, который удерживают на месте крепкие канаты.

Выехав из Иркутска, мы около 650 километров ехали по поросшей густым лесом местности, а потом оказались в большой сибирской степи, которая начинается вскоре после Красноярска, основанного в 1628 году на берегу реки Енисей. Отсюда суда с товарами, производимыми в этой части Сибири, уходили летом в сторону Северного Ледовитого океана, чтобы потом отправиться в те страны, которые считали для себя выгодным посылать суда к устью Енисея, чтобы забрать эти товары и везти их к себе.

Этот город я вспоминаю с большой печалью, поскольку там находился лагерь для военнопленных, где держали пленных немцев и австрийцев. В то время я считал, что обращение с этими людьми было позором для современной цивилизации, поскольку русские не могли нормально кормить их, но не отпускали на свободу. Там была молодая шведская женщина, которая жила в городе и посвящала все свое время и силы, чтобы помогать пленным сводить концы с концами.

В Красноярске я узнал кое-что о генерале Розанове, с которым мне приходилось иметь дело во Владивостоке.

Он был тем самым человеком, который 27 марта 1919 года издал для своих войск следующие предписания:

«Занимая деревни, которые до этого находились в руках бандитов (партизан), требовать выдачи их главарей, а там, где вам не удастся их схватить при наличии достаточных доказательств, что главари находятся в деревне, расстреливать одного из каждых десяти жителей.

Если при прохождении частей через город население, имея такую возможность, не сообщит им о присутствии неприятеля, со всех жителей требовать выплаты большого денежного штрафа.

Деревни, где жители оказывают нашим войскам вооруженное сопротивление, должны быть сожжены дотла. Мужчин следует расстрелять, домашнее имущество, повозки и прочее забрать в пользу армии».

Мы узнали, что Розанов брал заложников и за каждого убитого из числа своих сторонников расстреливал десять человек. Про свои методы, используемые в Красноярске, он говорил, что контролирует положение мягкими мерами, и при этом заявлял, что когда войдет во Владивосток, то разберется с ситуацией без лишнего политеса, который демонстрировал в отношении жителей Красноярска.

Так действовали сторонники Колчака, находившиеся под защитой военных сил союзников.

Генерал Нокс заявил майору Слотеру, что адмирал Колчак хочет послать во Владивосток какого-нибудь человека, чью кандидатуру я бы одобрил, и предположил, что это может быть Розанов, поскольку он «славный малый». Я сказал майору Слотеру, что мне все равно, кто это будет, единственное, что меня интересует, чтобы этот человек соблюдал нормы, присущие цивилизованным нациям.

Однако Розанов доказал, что он третий среди самых ужасных личностей, которых мне довелось узнать в Сибири, хотя он все же не опускался до уровня Семенова и Калмыкова.

Город Томск находится в 100 километрах от главной ветки Транссибирской железной дороги и отделен от нее таежными лесами. Мне особенно понравилось красивое расположение Томска. Его называют культурной столицей Сибири, поскольку там находится очень известный университет с весьма впечатляющими зданиями, но, к сожалению, на тот момент совершенно необорудованными. Местный губернатор, назначенный Колчаком, встретил нас очень любезно, но, когда мистер Моррис спросил его, что думает население по поводу правительства Колчака, его ответ свелся к тому, что люди не доверяют его окружению.

Во время этой поездки мы с мистером Моррисом лично и через переводчиков собирали информацию об отношении народа к правительству Колчака.

В тот день, когда мы уезжали из Томска, или на следующий день мистер Моррис сказал мне: «Нас с вами часто критикуют за отношение к режиму Колчака. Нам твердят, что мы смотрим на все с Дальнего Востока, и если бы приехали на запад, то после Иркутска увидели бы совершенно другую ситуацию. Однако, расспрашивая людей лично и через переводчиков, мы не встретили ни одного человека, который сказал бы хоть одно доброе слово о режиме Колчака».

В то время мы с мистером Моррисом работали слаженно. Я чувствовал, что он очень помогает мне и что он видит положение дел в Сибири точно так же, как я.

Прямо перед тем, как мы приехали в Омск, или сразу по приезде мистер Моррис получил телеграмму. Прочитав ее, он сказал: «А теперь, генерал, нам придется поддерживать Колчака».

Я ответил, что не получал от военного министерства предписаний поддерживать Колчака. На что он с некоторой, как мне показалось, резкостью возразил: «Этот вопрос находится в ведении Государственного департамента, а не военного министерства».

Я ответил: «Но я не нахожусь в ведении Государственного департамента».

Я понимал, что мистер Моррис был абсолютно честен и беспристрастен в отношении той ситуации, которая перед ним

предстала, но его слова ясно указывали, что он получил сообщение, из которого следовало, что Государственный департамент намеревается или уже поддерживает Колчака. Меня пугало, что это может по меньшей мере испортить сердечную атмосферу нашей совместной работы. К тому времени стало почти невозможно найти в Сибири человека, сохранявшего нейтралитет, и я очень ценил сочувствие мистера Морриса к моим усилиям по сохранению нейтралитета в ситуации, когда это стоило таких трудов. Генеральный консул Харрис и консул Макговэн были известны как самые решительные сторонники Колчака. Так же вел себя и американский Красный Крест, однако другие представители Соединенных Штатов, насколько я могу судить, старались соблюдать нейтралитет, и я чувствовал искреннюю поддержку со стороны всех представителей Соединенных Штатов за исключением вышеупомянутых.

Тем, кто не знаком с нашей системой государственной власти, может показаться удивительным, как могло случиться, что Государственный департамент поддерживал Колчака, а военное министерство не поддерживало его. Я никогда не мог найти для себя удовлетворительного объяснения тому, что президент Вильсон знал о предвзятом поведении консула Харриса в Сибири и одобрял это поведение. Но президент, как известно, был очень занят вопросом организации мирной конференции и не мог уделять положению в Сибири личное внимание. Для меня очевидно, что генеральный консул Харрис пользовался безоговорочной поддержкой русского отдела Государственного департамента, и я был уверен, что у него имелась поддержка и на более высокой ступени иерархии Государственного департамента.

Знал об этом президент или нет, но причина того, что я как командующий войсками Соединенных Штатов не получил приказа поддержать Колчака, очевидна. Отдать приказ американским войскам вмешаться во внутренний конфликт, что не только предполагало возможность применения силы, но и требовало ее применения, означало фактически развязать войну. В конституции Соединенных Штатов сказано: «Конгресс обладает правом объявлять войну, выдавать каперские свидетельства и устанавливать правила в отношении пленных, захваченных на суше или на море».

Таким образом, исполнительная власть не имела права отдавать приказы об использовании войск, и у меня не было никаких сомнений в том, что президент Вильсон и военное министерство ожидали от меня соблюдения нейтралитета. Это доказано изначально данными мне предписаниями, приказом начальника Генерального штаба от 28 марта 1919 года продолжать эту политику, пока она не будет изменена президентом, и заявлением самого президента от 26 июня 1919 года, который в ответ на резолюцию сената в отношении американских войск в Сибири сказал: «Предписания, данные генералу Грейвсу, приказывают ему не вмешиваться во внутренние дела русских, но при необходимости оказывать поддержку мистеру Стивенсу».

Могли ли намерения нашего правительства в отношении моих действий быть изложены более ясно?

Вопреки этим предписаниям, представители Государственного департамента, или по крайней мере некоторые из них, не оставляли стараний дискредитировать меня и мою работу в Сибири. Это утверждение подтверждается следующими телеграммами, отправленными начальнику штаба 22 ноября 1919 года и подписанными руководителем военной разведки бригадным генералом Мальборо Черчиллем: «После совещания с русским отделом Государственного департамента я убедился, что Государственный департамент считает предписания, данные генералу Грейвсу военным министром «по поддержанию усилий русских в вопросах обеспечения самоуправления и самозащиты, в которых они хотели бы получить помощь», дающими ему широкие полномочия в практических действиях по укреплению правительства Колчака. Колчак не признан нашим правительством, однако записки от 26 мая и 12 июня ясно указывают, что союзные державы и поддерживавшие их страны договорились оказать адмиралу Колчаку и его сторонникам определенную поддержку. Несмотря на это, решающее значение имеют официальные документы, подписанные президентом Соединенных Штатов».

Две записки, упомянутые генералом Черчиллем, никогда мне не отсылались. Но даже если бы они были мне посланы, я бы не смог изменить свою линию поведения, поскольку имел особые предписания «не вмешиваться в дела русских» до тех пор, пока этот приказ не будет

изменен президентом, а моя телеграфная связь с военным министерством не прерывалась ни на один день.

Почему генерал Черчилль был выбран посыльным для передачи предполагаемого мнения Государственного департамента? Он вовсе не являлся тем человеком, которому Государственный департамент должен был сообщать свои взгляды на проводимую мною политику. Суть дела в том, что Государственный департамент в лице господина Девитта С. Пула нашел в военном министерстве слабое звено, согласившееся помочь им дискредитировать действия военных в Сибири.

В подтверждение моих слов замечу, что, еще находясь в Сибири, я получил информацию от мистера Фрейзера Ханта, известного журналиста, о том, что, когда он пришел в Госдепартамент, чтобы договориться о поездке на Дальний Восток, представитель Госдепартамента крайне негативно отозвался о моей работе в Сибири. По словам мистера Ханта, он даже ожидал, что я окажусь каким-то «жутким тупицей». Позже, в опубликованных им статьях, он в самых лестных выражениях отзывался о действиях американских войск в Сибири.

Помимо этого находящийся ныне в отставке генерал-майор армии Соединенных Штатов рассказывал мне, что с ним сблизился один из представителей Государственного департамента, который поделился намерениями отправить меня в отставку с поста командующего в Сибири и спросил, «как он смотрит на то, чтобы занять это место». Этот представитель Государственного департамента должен был знать, что, пока военный министр Бейкер и генерал Марч занимают свои посты в военном министерстве, Государственный департамент не будет выбирать командующего американскими войсками. Я могу расценивать его поступок только как дешевое политиканство в попытке добиться от этого офицера поддержки в их стараниях отправить меня в отставку.

Такое неприятие со стороны Государственного департамента не могло иметь под собой личных мотивов, поскольку я не был знаком с его сотрудниками. Методом исключения можно прийти к выводу, что представитель Государственного департамента, проявивший такую активность в отношении военного министерства, надеялся получить в Сибири такого командующего, который, пренебрегая не только

приказами, но и конституцией Соединенных Штатов, будет использовать американские войска для оказания помощи Колчаку, некоторые из военных союзников которого совершали действия, ставшие позором для цивилизации.

Меморандум генерала Черчилля, в котором он изложил предполагаемую точку зрения Государственного департамента, вынудил военное министерство принять меры, и офицеру Генерального штаба было приказано доложить, исполняю ли я данные мне приказы.

Перед тем как он подготовил свой доклад, один из армейских офицеров давал обед, вернее ланч, в клубе «Метрополитен», на котором в качестве гостей присутствовали мистер Пул, несколько британских офицеров и офицер, которому предстояло написать доклад. Мне не сообщили, кто будет приглашен. Один из офицеров официально назвал этот обед конференцией. Тот офицер, который должен был написать доклад, сказал, что на этой конференции у него сложилось впечатление, «что британские офицеры и представители нашего собственного Государственного департамента, присутствовавшие на конференции, считают, что, отказываясь участвовать в противостоянии Колчака и большевиков, генерал Грейвс не выполняет свои обязанности». С таким настроем этот офицер Генерального штаба и должен был написать свой доклад.

Поскольку этого офицера просили доложить, исполняю ли я данные мне предписания, естественно было бы думать, что ему необходимо понять, в чем эти предписания заключаются. Государственный департамент и военное министерство, видимо, смотрели на это иначе, во всяком случае, этому офицеру предстояло доложить, исполняю ли я предписания, которые никогда не видел.

Основываясь на этом докладе, директор управления оперативного планирования генерал-майор Хаан 15 декабря 1919 года в числе прочего заявил:

«Следует заметить, что никакие предписания, данные командующему американскими войсками в Сибири, не наделяют его правом использовать свои войска в боях против каких-либо сил русских. Даже соглашение о поддержке адмирала Колчака не предусматривает вооруженного противодействия его противнику. Принцип невмешательства во внутренние дела России ограничивает

действия американских сил охраной поставок, поддержанием работоспособности средств коммуникации и оказанием помощи господину Стивенсу.

Очевидно, что генералу Грейвсу пришлось выполнять данные ему предписания в сложных обстоятельствах, но он удержался от вмешательства во внутренние дела России. Следует считать, что он ясно понимает свою миссию.

Тем не менее есть признаки того, что Государственный департамент полагает, будто поддержка Колчака должна оказываться всеми возможными способами, за исключением участия вооруженных сил в боях на фронте.

Это, по видимости, указывает на некоторые отличия политики Государственного департамента от вышеупомянутой политики невмешательства во внутренние дела России».

После того как вернулся из Сибири и получил книгу «Российско-американские отношения. Март 1917 – март 1920. Записки и документы», я впервые узнал, что представляли собой записки от 26 мая и 12 июня 1919 года, о которых упоминал генерал Черчилль. В записке от 26 мая, адресованной адмиралу Колчаку от имени Соединенных Штатов, Англии, Франции и Японии, сказано: «Таким образом, мы намерены помогать силам адмирала Колчака и его союзников боеприпасами, снаряжением и продовольствием, чтобы они смогли утвердиться в качестве правительства России, при условии предоставления нам гарантии того, что их политика ставит перед собой ту же цель, что политика союзных держав и поддерживавших их стран».

В записке от 12 июня адмирала Колчака извещают, что Соединенные Штаты, Англия, Франция и Япония намерены предоставить ему: «Поддержку, указанную в предыдущем письме».

Следует заметить, что эта поддержка распространяется только на предоставление Колчаку «боеприпасов, снаряжения и продовольствия» и ничто не предполагает поддержки военной силой, а следовательно, меня как командующего американскими войсками не касается. Почему эти записки упоминались в связи с критикой в мой адрес?

Генерал Черчилль не раскрывал содержание этих записок, однако создавал впечатление, что, если бы их содержание было известно, оно

стало бы причиной для критики. Такое поведение было недостойно чиновника, занимавшего важный пост в военном министерстве, и в высшей степени нехарактерно для армейского офицера.

Доклад генерала Хаана кажется мне совершенно ясным, за исключением одной части, где высказывается мнение Государственного департамента о том, что мне следовало бы использовать американские войска против врагов Колчака, за исключением их участия в боях на фронте. Я не мог никак иначе помочь или навредить Колчаку, кроме как использовав американские войска, поскольку мое единственное право и обязанность заключалось в командовании этими войсками. Я не отвечал за вопросы политики или жизнеобеспечения, за финансовые или экономические аспекты вне тех рамок, которые накладывал на меня пост командующего американскими войсками согласно закону и предписаниям военного министерства. И все это было известно Государственному департаменту.

Применительно к ситуации в Сибири использование слов «бои на фронте» было неопределенным и неподходящим. Бои в Восточной Сибири были вызваны попытками достаточно больших отрядов рабочих и крестьян, называемых «партизанами», некоторые из которых, возможно, возглавляли большевики, защитить себя и свои семьи от жестокостей, творимых войсками Колчака.

Следующим интересным местом, где мы оказались, проехав тайгу, был Ново-Николаевск, теперь переименованный в Новосибирск. Этот город, расположенный на реке Обь, не имел большого значения, если не считать, что эта река связывает Южную Сибирь с Северным Ледовитым океаном. Советы сделали этот город столицей огромной сельскохозяйственной территории, и он получил известность как сибирский Чикаго.

Следующим городом был Омск, где располагалась штаб-квартира Колчака. Этот город на реке Иртыш основан в 1717 году. Его Советы тоже сделали экономическим центром большого региона.

Когда наш поезд прибыл в Омск, мистер Моррис и мистер Харрис долго ходили туда и обратно по платформе, очевидно обсуждая ситуацию, а когда мистер Моррис вернулся в поезд, он сказал: «Харрис говорит, что с вами невозможно иметь дело».

Мистер Харрис сидел в Омске, а я в тысяче километров от него во Владивостоке. Он выполнял обязанности, возложенные на него Государственным департаментом. Я не имел никакого отношения к обязанностям мистера Харриса, а он не имел никакого отношения к моим, и если между нами существовали какие-то личные противоречия, то мне ничего об этом не известно. Мистер Харрис не стал бы говорить такого, если бы я использовал американские войска для поддержки Колчака так же, как это делали британцы, французы и японцы.

В такой оскорбительной манере генеральный консул Харрис хотел объяснить послу, что никто не может заставить меня поддерживать адмирала Колчака. Практика использования оскорблений и умышленных искажений в отношении тех, кто не следовал их призывам, была характерной для сторонников самодержавной власти, окружавших адмирала, тех, в ком генеральный консул Харрис нашел единомышленников.

После приезда посла Морриса один из соратников Колчака сказал: «Сукин придумал очередной рецепт спасения России. Еще немного, и нас признают».

Про Сукина рассказывали, будто он часто повторял министрам, что Колчака скоро признают правительства других стран, и министры каждый вечер собирались, чтобы обсудить вопросы, которые предполагалось рассмотреть на официальной совместной встрече представителей союзников и министров Колчака, назначенной на вторую половину следующего дня.

Важным вопросом для обсуждения представителями союзников и русскими был вопрос о финансировании и строительстве железных дорог в Сибири. Находившийся в то время в Омске полковник Эмерсон рассказал мне, что русские сами не знают, какими обладают богатствами. Он рассказал, что однажды русские попросили у него металл – по-моему, речь шла о меди, – и оказалось, что он знает место возле Транссибирской дороги, где его столько, что им хватит на 40 лет. Когда же он сказал русским, что этот металл им не нужен, они, как обычно, обиделись на него.

Мистеру Моррису приписывают слова: «Если Омское правительство устоит, то мы, возможно, вас признаем».

Генерал Нокс, знавший моральный уровень и боеспособность войск Колчака гораздо лучше, чем посол Моррис, сказал: «Мое правительство не станет оказывать им никакой военной помощи, и я никогда не стану даже просить об этом Лондон, поскольку все, что мы им дали, попало в руки красных».

Для того чтобы определить, способны ли были войска Колчака устоять в августе 1919 года, я попытаюсь проанализировать полученные мной официальные донесения. В одном донесении читаем: «По приблизительным оценкам на 1 июля, если не считать чиновников и военных, у Омского правительства начитывается менее 1 % сторонников. Сторонники красных насчитывают около 45 %, социалистов-революционеров – около 40 %, другие партии поддерживают 10 %, а оставшиеся 5 % составляют военные, чиновники и другие сторонники Колчака».

С того момента и до падения Омского правительства армия Колчака представляла собой беспорядочно отступающую толпу.

Следует напомнить, что процитированное выше донесение было получено за три недели до того, как посол Моррис добрался до Омска, чтобы провести встречу. Войска Колчака были разбиты под Челябинском и сообщили, что вынуждены отступить к реке Ишим, чтобы реорганизоваться и выстроиться вдоль этой реки от Ишима на севере до Петропавловска на юге (общая протяженность составляла 177 километров), а затем 1 сентября начать наступление, имевшее целью «сбросить большевиков в Волгу».

В докладах, переданных для публичного доступа, указано, что у генерала Пепеляева на севере, то есть на правом фланге, было 20 тысяч человек. Генерал Лохвицкий в центре имел 31 тысячу человек, а генерал Сахаров на юге, или на левом фланге, – 50 тысяч человек.

Поскольку в то время находился в Омске и не был ничем занят, я поехал к генералу Дитерихсу, главнокомандующему русскими войсками, и спросил, могу ли я съездить в Петропавловск, чтобы посмотреть, как проходит мобилизация. Он сообщил мне, что из-за мобилизации и в ожидании приезда Колчака в Петропавловске царит ужасное столпотворение. Генерал предложил мне поехать на север в Ишим и попросить русского командующего выделить эскорт и машины, чтобы добраться на них из Ишима в Петропавловск. Таким

образом, я смог бы все увидеть. Предложение генерала Дитерихса меня очень порадовало.

Поскольку мы с мистером Моррисом жили в одном вагоне, мне надо было подготовиться к поездке в Ишим, находившийся в 260 километрах от Омска. Я поехал к полковнику Эмерсону и попросил его предоставить нам для переезда в Ишим свой личный вагон, на что он любезно согласился. У него наготове стоял поезд, состоявший из вагона-ресторана, спального вагона, рассчитанного на двадцать американских солдат, а также вагона-платформы для моего «кадиллака» и его собственного вагона.

Мы выехали в 8 часов утра, но около 11 часов нас перегнали на запасной путь и оставили там. Никто не мог или не хотел объяснить, почему нас задержали. Полковник Эмерсон не мог добиться, чтобы нас отправили, даже несмотря на то, что являлся первым заместителем мистера Стивенса, который, как считалось, отвечал за техническую эксплуатацию всей этой железной дороги. На закате наш поезд тронулся. Поскольку нас задержали, на то, чтобы преодолеть 260 километров, нам понадобилось 32 часа.

Примерно за четыре часа до прибытия в Ишим мы остановились в маленьком городке, где к нам явились несколько офицеров Колчака, которые сказали капралу, отвечавшему за охрану поезда, что вынуждены забрать наш состав для военных нужд и что им очень жаль, но нам придется сойти. Капрал решил, что сможет уладить ситуацию, не сообщая мне, и, чтобы это сделать, приказал солдатам зарядить винтовки. Русским офицерам он сообщил, что «если они предпримут какие-нибудь действия, то город увидит такое число мертвых русских офицеров, какого еще никогда не видел». В результате наш поезд двинулся дальше в Ишим. Когда мы выехали из города, ко мне подошел переводчик и сообщил о разговоре между капралом и русскими офицерами, хотя сам капрал мне так ничего и не рассказал. В конце концов, в четыре часа пополудни следующего дня после отъезда из Омска мы прибыли в Ишим.

Когда я вышел из вагона в Ишиме, как и ожидал, появился очередной вездесущий английский офицер, чтобы объяснить, что мне следует делать, а чего не следует. Такое впечатление, что войска Колчака всегда сопровождал какой-нибудь английский офицер. Этот капитан по фамилии Мюррей, в частности, сказал: «Генерал, я вас

умоляю не ездить туда, потому что вас схватят большевики, и это сведет на нет все, чего мы тут добились».

Данное заявление показалось мне удивительным по двум причинам.

Первая. Как и почему капитан Мюррей мог узнать, что я собирался ехать в Петропавловск на машине? Очевидно, его известили из Омска. Это была первая откровенная попытка удержать меня от того, чтобы я своими глазами увидел эту мобилизацию.

Вторая. Как я мог оказаться в опасности быть схваченным большевиками, собираясь ехать по направлению, вдоль которого, по сведениям командующего войсками Колчака генерала Дитерихса, стояли колчаковские войска? С нашей стороны было бы глупо не почувствовать нестыковку.

Капитан Мюррей любезно предложил, что он съездит к командующему русскими войсками и узнает, когда я смогу с ним встретиться. Вернувшись, он сказал, что командующий велел передать мне, что он отдыхает и встретится со мной, когда закончит отдыхать. Это послание было равносильно признанию, что он враждебно настроен ко мне и к моему визиту. После его получения меня охватило естественное желание проигнорировать этого русского командующего, но я понимал, что все официальные лица в Омске, и русские, и союзные, негативно относились к моим действиям в Сибири и, к сожалению, ко мне лично, и это делало необходимым соблюдение всех общепринятых правил. Я решил поехать к этому русскому командующему.

На эту официальную встречу я отправился с полковником Эмерсоном, майором Слотером и своим переводчиком. Русский командующий жил в поезде. В том месте, которое нам указал капитан Мюррей, поезда мы не обнаружили. В конце концов нам удалось разыскать поезд, и нас отвели в приемную русского командующего. Он держался в высшей степени недружелюбно. Я попросил его выделить мне эскорт и сказал, что так советовал поступить генерал Дитерихс. Он ответил, что у него нет солдат, которым он мог бы доверить сопровождать меня. Тогда я спросил, позволит ли он мне взять машины, о которых говорил генерал Дитерихс, и он ответил, что не может разрешить взять машины. Тогда я спросил, можно ли в Ишиме арендовать какие-нибудь машины, которые отвезли бы нас в

Петропавловск. Он ответил: «Да, но вы их не получите». Затем этот офицер велел принести ему стакан чаю, уселся и стал его пить в нашем присутствии, даже не пригласив нас присоединиться к нему, поэтому мы встали, попрощались и ушли.

Поведение этого русского окончательно убедило нас, что ситуация не такова, как ее представляют, и нам не удастся увидеть реальное положение дел. Мы заподозрили, что русская армия, о которой нам сообщали, не более чем миф.

Вернувшись в свой поезд, мы решили взять семиместный автомобиль и ехать в Петропавловск, невзирая на высокую опасность, о которой нас предупреждал капитан Мюррей. 14 августа в семь часов вечера полковник Эмерсон, майор Слотер, переводчик, шофер, один солдат и я выехали в сторону Петропавловска. Мы все вооружились пистолетами, за исключением солдата, у которого была винтовка. К радиатору машины прикрепили американский флаг и флаг, полагавшийся мне как генерал-майору.

Нам говорили, что от Ишима до Петропавловска проходит шоссе, однако мы обнаружили, что от других дорог в этих местах она отличается только тем, что на ней установлены два указателя на Петропавловск. Мы успели проехать всего 100 километров, когда стало темнеть, и, поскольку мы считали нежелательным ехать ночью, съехали в поле, где рос овес, и остановились там в ожидании рассвета. Это была весьма неприятная ночь, поскольку нас одолевала мошкара, не дававшая заснуть.

Около двух часов ночи появился русский на лошади. Он спросил, кто мы такие и что здесь делаем. Я попросил переводчика объяснить ему все, что он хотел знать. Тогда русский пригласил нас поехать в его деревню и провести ночь там. Он заявил, что его деревня сочтет для себя большой честью принять американского генерала. Я выразил свою благодарность ему и в его лице всем жителям деревни, но объяснил, что скоро рассвет и мы должны будем как можно быстрее двигаться дальше. Видимо, мои объяснения его удовлетворили, и он уехал.

Мы смогли безопасно продолжить свой путь и вскоре после того, как встало солнце, доехали до деревни на берегу реки Ишим, где, как нам объяснили, можно перебраться на другой берег. Мы остановились в деревне, чтобы разузнать, как переехать на другую сторону реки, и за

несколько мгновений машину окружили мужчины, женщины и дети. Прежде чем выехать из Ишима, я набил карманы шоколадками «Хершис», которые на всякий случай закупили заранее. Я раздал эти сладости женщинам и детям, и они, судя по реакции, остались очень довольны. Мы не заметили никаких проявлений недоброжелательности, напротив, все отнеслись к нам очень дружелюбно и сердечно. Я спросил женщину, которая, как мне показалось, была старостой деревни, как нам переехать через реку, и она велела двум мужчинам пойти с нами и показать переезд. В том месте река была шириной примерно 300 метров. Местные жители перекинули через нее трос, соорудили плот, способный вместить телегу с лошадьё, и таким образом переправляли свои вещи с одного берега на другой. Они немного беспокоились, выдержит ли плот наш автомобиль, но мы решили, что выдержит. После того как мы все вышли из машины, шофер благополучно въехал на плот. Мы сказали одному из русских, что этим же вечером поедем обратно, и он пообещал, что, если, когда мы вернемся, плот будет на его берегу, он перетащит его к нам. Погрузившись на плот, мы взяли за трос и перетаскивали себя на другой берег реки.

Эта деревня находилась в 50 километрах от Петропавловска, куда мы добрались к двум часам. Мы искали армию Колчака, но за всю поездку видели только трех русских солдат. Русского командующего, находившегося в Петропавловске, не предупредили о нашем визите, поскольку ожидалось, что нас остановят в Ишиме. Когда я встретился с этим русским генералом, он обнял меня и повел себя очень радушно. Я спросил, где его войска, и он ответил, что у него никого нет. Тогда я спросил, как они намерены через две недели начать наступление, если у них нет войск. Он ответил, что если планируется какое-то наступление, то мне известно об этом больше, чем ему.

Мы отправились на вокзал Петропавловска посмотреть на столпотворение, о котором мне говорил генерал Дитерихс. Там мы действительно заметили, как разгружают комплекты солдатской экипировки, превышающие потребности маленького гарнизона, но явно недостаточные для того, чтобы назвать это столпотворением. Мне стало очевидно, что нас регулярно обманывают, создавая ложное представление о войсках Колчака. Этот обман был частью мошеннической схемы, рассчитанной на то, чтобы получить от

Соединенных Штатов деньги на помощь Колчаку в его борьбе с большевизмом.

На обратном пути в Ишим мы обнаружили, что плот еще стоит на нашем берегу реки, и к тому времени, когда мы переправились на другой берег, большинство жителей деревни собрались, чтобы встретить нас. Священник пригласил нас зайти к нему домой и выпить вина с пирогом. Мы приняли приглашение. Я спросил у этого священника насчет большевиков, и он сказал, что ходят слухи, будто они скоро будут здесь, но он ничего не знает. Мы провели в доме священника целый час и со стороны жителей деревни определенно не заметили ничего иного, кроме самых добрых чувств.

Когда мы вернулись в Ишим, британский капитан не пришел нас встречать, и мы без промедления двинулись назад в Омск. Вернувшись в Омск, я в тот же день отправился к генералу Дитерихсу и попросил объяснений по поводу той странной информации, которую он мне дал. Он ответил, что я заехал не в ту сторону и армия Колчака находится в 20 километрах западнее того места, где я был. Я обратил внимание генерала Дитерихса на заявление русского командующего из Петропавловска о том, что в тех местах нет никаких войск. Он ответил, что этому человеку просто не хватает ума, чтобы разобраться в ситуации.

Такое утверждение могло удовлетворить только того, кто сам хотел быть обманутым, и для любого человека, кроме генерального консула Харриса, служило убедительным доказательством того, что падение правительства Колчака неизбежно.

7 августа после своей поездки в Ишим я телеграфировал военному министерству из Омска: «Силы Колчака продолжают отступать, и создается впечатление, что они настолько деморализованы, что надежда на переформирование и возобновление наступления может основываться только на слабости большевиков или их нежелании идти на Омск, что не кажется мне достаточным основанием. Надежные источники подтверждают сообщения о том, что офицеры покидают войска и уезжают в тыл, причем штабные офицеры опережают в этом бегстве армейских, а солдаты бросают оружие, боеприпасы, и иногда даже свои тяжелые шинели, чтобы как можно быстрее сбежать в тыл. Мне не удалось обнаружить какого-либо энтузиазма в отношении правительства Колчака».

10 августа полковник Сарджент, замещавший меня во Владивостоке на время моей поездки в Омск, телеграфировал военному министерству: «8-го числа во Владивосток из Омска прибыл генерал Гайда и в своем интервью заявил в общих чертах следующее. Правительство Колчака не сможет устоять, и, если союзники его поддержат, они совершат самую большую ошибку в истории. Это правительство делится на две части: одна выпускает прокламации и делает пропагандистские заявления для зарубежного потребления, утверждая, что правительство трудится ради созыва Учредительного собрания; другая тайно вынашивает планы реставрации монархии. Это лицемерная власть, которая пытается убедить крестьян в том, что прислушивается к их чаяниям, а тем временем ждет подходящего момента для восстановления самодержавия. Колчак окружил себя бывшими царскими офицерами, которые связывают свое будущее благоденствие только с реставрацией монархии».

18 августа, после возвращения из Ишима я, в числе прочего, телеграфировал следующее: «Факт, что силы Колчака тают, подтверждается тем, что многих людей из его частей позже видели в Омске».

Полковник Грей, командовавший в войсках Колчака штурмовой бригадой, рассказывал нам о состоянии его армии, и, судя по его описанию, положение едва ли могло быть хуже. Он утверждал, что за последние шесть недель не было практически ни одного боя, что армия разваливается, что его люди стали обращаться с местными жителями хуже, чем когда-либо обращались большевики; что почти у каждого солдата есть лошадь и телега, которые он отнял у крестьян; что солдаты забирают все, что хотят, иногда давая расписку, но чаще даже без нее.

Этот рассказ описывает состояние дел на 20 августа, хотя свой доклад я отправил только после того, как вернулся во Владивосток. В этом докладе, написанном 26 сентября, я писал: «Еще одно свидетельство того, что думают люди, я получил, когда в Омске ко мне приехал генерал Иванов-Ринов. Он сказал, что как только они остановят большевиков, всех министров Колчака надо будет сменить; что они не умеют разговаривать с народом; что люди не верят этим министрам, и Колчаку надо от них избавиться».

В этой связи я спросил Иванова-Ринова, позволят ли Колчаку остаться у власти, и он ответил: «Да, если он добровольно пойдет навстречу пожеланиям народа».

Я счел это заявление в высшей степени удивительным, поскольку Иванов-Ринов входил в администрацию Колчака и возглавлял сибирское казачество. Это заявление граничило с предательством, поскольку именно в это время посол Моррис, с которым я приехал в Омск, старался оценить силы и возможности правительства Колчака, с тем чтобы отправить правительству Соединенных Штатов свои рекомендации в отношении целесообразности признания Колчака.

На следующий день после визита Иванова-Ринова я присутствовал на службе в русской церкви, где адмирал Колчак произвел Иванова-Ринова в звание генерал-лейтенанта. Он поцеловал его в обе щеки, назвал патриотом России и вручил ему золотую саблю.

Таковы русские обычаи, которые, наверное, не могли бы существовать ни в одной другой стране мира. Мне казалось непонятным, каким образом Колчак мог надеяться добиться успеха с помощью военной силы, если в качестве потенциальных бойцов рассматривал мобилизованных крестьян. То, как его сторонники обращались с подлежащими мобилизации крестьянами, было описано выше.

Находясь в Омске, мы услышали, что в Колумзино, располагавшееся через реку напротив Омска, прибыл поезд, и я поехал посмотреть, в каких условиях находились возвратившиеся с фронта люди, многие из которых, как нам рассказывали, были больны тифом. Мы обнаружили, что больные и раненые помещены в крытые вагоны без каких-либо удобств. Многие из этих людей были слишком слабы, чтобы обслуживать себя, но на пять или шесть сотен человек имелась только одна медсестра. В вагонах не было никаких приспособлений для еды и имелось совсем немного воды во флягах. Тяжелобольным не оказывалось никакой помощи в отпращивании их естественных нужд.

Мы заглянули в первый вагон и увидели там двух мертвых людей. Третий умирал, а его товарищ, придерживая его голову, пытался дать ему попить воды. У многих больных хватило сил на то, чтобы выбраться из вагонов, но это окончательно утомило их, и они остались лежать на земле возле поезда.

Эти солдаты практически отдали свои жизни, сражаясь за Колчака, и следовало ожидать, что какие-то сторонники адмирала, мужчины, женщины или и те и другие, придут, чтобы помочь и поухаживать за этими беспомощными, умирающими людьми. Какое жалкое зрелище являли собой эти несчастные, к которым никто даже не попытался прийти на помощь.

Вернувшись в Омск, мы с полковником Эмерсоном зашли в парк. Там играл оркестр, и мы насчитали около тысячи танцующих. Эта веселая толпа находилась не более чем в двадцати минутах пути от того места, где умирали солдаты, многие, без сомнения, из-за отсутствия ухода.

Во время своего пребывания в Омске посол Моррис, казалось, поверил, что существует какая-то надежда умиротворить Сибирь, помогая Колчаку. Но я никогда и не видел реальных способов восстановить порядок с помощью его сторонников. Поездка в Омск не изменила моих взглядов. Фактически после нее я еще больше чем прежде утвердился в своем мнении относительно возможностей Колчака, поскольку меня теперь не могли обмануть сообщения о настроениях людей к западу от озера Байкал.

Существуют противоречивые сообщения о том, какие рекомендации дал посол Моррис в отношении вопроса о признании Колчака. Я видел публикации в американской прессе, где говорилось, что он рекомендовал признать его.

Информация, которую я получил из Омска и которую считал очень надежной, поскольку она исходила непосредственно от министра иностранных дел в правительстве Колчака Сукина, сводилась к тому, что мистер Моррис рекомендовал признать Колчака, но только если Соединенные Штаты готовы прислать 25 тысяч солдат, чтобы заменить чехов, и предоставить Колчаку финансовую помощь в размере 200 миллионов долларов. У меня не возникло сомнений в том, что к рекомендациям посла прилагались эти условия.

Мистер Сукин сказал моему информатору, что Колчак будет не в состоянии обеспечить выполнение Железнодорожного соглашения в том случае, если Соединенные Штаты не признают его, не окажут финансовую помощь в размере 200 миллионов долларов и не пришлют 25 тысяч солдат, чтобы заменить чехов. Кроме того, он сказал, что мистер Моррис согласился не делать никаких заявлений о том, что они

не в состоянии выполнять Межсоюзническое железнодорожное соглашение до тех пор, пока Вашингтон не примет окончательного решения относительно признания, финансовой помощи и отправки войск. Каждый, кто знал о настроениях конгресса Соединенных Штатов в то время, понимал, что рекомендация признать Колчака на таких условиях была равносильна рекомендации не признавать его.

Так или иначе, но, к счастью для Соединенных Штатов, Колчак не был признан. По моему мнению, признание режима Колчака не помогло бы ему, в какой бы период оно ни было сделано.

1 августа мы с послом выехали из Омска во Владивосток. Мы останавливались в Ново-Николаевске, Иркутске, Верхнеудинске и Харбине. Ничего интересного не происходило до тех пор, пока мы не доехали до территории Семенова. К тому времени стало хорошо известно, что Семенов учредил так называемые «станции смерти» и открыто заявлял, что не может заснуть ночью, если не убьет кого-нибудь днем.

Мы остановились на маленькой станции, и к нам в поезд поднялись два сотрудника американского Русского железнодорожного сервисного корпуса. Они рассказали, что за два или три дня до нашего приезда солдаты Семенова убили триста пятьдесят русских, которых привезли на поезде. Я не помню, были ли в поезде одни мужчины или и мужчины и женщины. Эти двое американцев заявили примерно следующее: «Через станцию проходил поезд с пленными, и все на станции знали, что их собираются убить. Сотрудники сервисного корпуса попытались пройти к месту казни, но их остановили солдаты Семенова. Через час пятьдесят минут поезд вернулся на станцию пустым. На следующий день эти двое сотрудников пошли к предполагаемому месту казни и обнаружили свидетельства массовой расправы. По валявшимся на земле гильзам они поняли, что пленных расстреливали из пулемета, поскольку пустые гильзы лежали кучами, как бывает, когда они выпадают из пулемета. Тела были сброшены в два свежевырытых рва. В одном тела были полностью засыпаны землей, в другом во многих местах из-под земли торчали руки и ноги».

Один из работников сервисного корпуса оставил мне показания об этом происшествии, но позже я не смог найти их в своих бумагах, хотя то, что написал выше, в целом совпадает с его показаниями.

Пока мы ехали в Омск и обратно, у меня была возможность поговорить со многими сотрудниками мистера Стивенса о работе железной дороги и выполнении Железнодорожного соглашения. В Вашингтон я сообщил следующее:

«По результатам разговоров с представителями американского Русского железнодорожного сервисного корпуса у меня сложилось впечатление, что наши железнодорожники здесь мало чего добились. Они дают советы русским железнодорожникам, но не имеют возможности проверить, выполняются ли их рекомендации. Мистер Моррис считает, что эти препятствия можно устранить, и тогда им удастся кое-что сделать. Я, однако, не верю, что это возможно, пока у власти Колчак.

Русские военные практически полностью контролируют железные дороги. Свой контроль они осуществляют через начальников станций и областные управления. Эти господа не допустят, чтобы в область проникало что-либо способное нанести вред Колчаку, и оправдывают свои действия старым пугалом большевизма.

Железнодорожное соглашение обеспечивает эксплуатацию железных дорог посредством Технического управления, созданного по договоренности с союзниками».

Эти военные чиновники были назначенцами Колчака, и он не стал бы их снимать, несмотря на то и дело возникавшие скандалы и взяточничество. Полковник Эмерсон рассказывал мне, что начальники станций требуют 40 тысяч рублей сверх официальной платы за аренду крытого вагона из Владивостока до Омска.

Один русский генерал оставил место на Забайкальской железной дороге, которое приносило ему 3 тысячи рублей в месяц, объясняя это тем, что он с семьей не в состоянии прожить на эти деньги. Приехав во Владивосток, он занял в областном управлении место, не предполагавшее вообще никакого официального заработка.

Когда я был в Иркутске, второй помощник мистера Стивенса полковник Лэнтри рассказывал мне, что в Иркутске скопилось 13,5 тысячи тонн товаров, предназначенных для отправки в различные города Сибири, а в Сретенске их скопилось 27 тысяч тонн. Значительную часть этих товаров составляла соленая рыба в бочках, являющаяся основной пищей бедного русского населения. Областное управление не разрешило ему отправить ни килограмма этой рыбы.

Позже полковник Лэнтри известил меня, что практически вся рыба испортилась и была выброшена в реку.

В то же время консервированный амурский лосось, производимый фирмой «Сейл & Фрейзер», имеющей бизнес в Токио, поставлялся в эти города без всяких проблем. Консервированный лосось был гораздо дороже и меньше любим бедными людьми. Причина, по которой областные управления в Иркутске и Сретенске не позволяли мистеру Лэнтри отправить рыбу, безусловно, заключалась в том, что кто-то давал им за это взятки. Членов этих областных управлений, являвшихся военными представителями Колчака, совершенно не интересовали нужды простых людей.

По моему мнению, президент Соединенных Штатов никогда не стал бы вступать в Межсоюзническое железнодорожное соглашение, если бы не верил, что это соглашение облегчит положение русских людей независимо от их политических предпочтений. Но в Сибири добиться этого было невозможно. Все представители союзников и представители Государственного департамента Соединенных Штатов поддерживали исключительно Колчака, и чем безнадежнее становилось положение Колчака, тем ожесточеннее его сторонники относились к тем, кто ему не помогал.

Ради победы Колчака Соединенные Штаты, Англия, Франция и Япония вложили в Сибирь достаточно денег, чтобы поддерживать железные дороги в работоспособном состоянии, и отправили достаточно солдат для их охраны. Но после тех ужасающих зверств, которые совершили его сторонники и те, кто называл себя его сторонниками, никакая сила на земле не могла заставить народ поддерживать его.

Еще одна большая несправедливость в отношении тех, кто работал на железной дороге, произошла из-за падения курса рубля с десяти центов в сентябре 1918 года почти до нуля, поскольку количество рублей, которое они получали за свою работу, никак не увеличилось. Я примерно посчитал зарплату железнодорожников в период правления Колчака, и, если говорить о кондукторах, инженерах и машинистах, у меня получилось три доллара семьдесят пять центов в месяц. Такой была средняя зарплата, кто-то получал чуть больше, кто-то чуть меньше. И это было лучше, чем ничего. Если бы они ушли с железной дороги, то не смогли бы найти себе другой работы.

Однажды люди устроили забастовку, требуя повышения зарплаты, тогда колчаковские управляющие назвали их большевиками и казнили нескольких зачинщиков.

Я сомневаюсь, что за последние пятьдесят лет в мире можно найти другую страну, где бы убийства совершались с такой легкостью и без малейшей угрозы наказания, как в Сибири во время правления адмирала Колчака. В качестве примера приведу типичный случай зверства и беззакония, произошедший 22 декабря 1918 года в Омске, где находилась штаб-квартира Колчака, всего через месяц и четыре дня после того, как Колчак провозгласил себя Верховным правителем. В этот день произошло восстание рабочих против правительства Колчака. Революционеры добились определенного успеха. Они захватили тюрьму и выпустили две сотни заключенных.

Среди них сто тридцать четыре человека составляли политзаключенные, в том числе несколько членов Учредительного собрания. В день, когда это случилось, военный комендант Омска издал приказ, призывая всех, кого освободили, вернуться в тюрьму, и постановил, что в случае если они не вернуться в течение двадцати четырех часов, то будут застрелены без предупреждения. Все члены Учредительного собрания и несколько других политзаключенных вернулись в тюрьму. Ночью приехали офицеры Колчака и забрали из тюрьмы членов Учредительного собрания, утверждая, что везут их в суд, где будут рассматриваться их предполагаемые преступления. Всех этих людей расстреляли, и в отношении офицеров, совершивших это зверское убийство, не было принято никаких мер. В Сибири сложилось такое положение, что подобные жестокости с легкостью скрывались от внешнего мира.

Представителям иностранной прессы постоянно говорилось, что все эти зверства совершались большевиками. Пропаганда велась так широко, что никто не мог поверить, что они совершались против большевиков.

Полковник Морроу, командовавший американскими войсками в Забайкалье, сообщил о самом жестоком, безжалостном и почти невероятном случае, когда Семенов расстрелял целую деревню. Когда его войска подошли к деревне, жители, очевидно, решили убежать. Они покинули свои дома, но солдаты Семенова принялись стрелять по всем без разбора. Они расстреливали мужчин, женщин и детей так,

словно охотились на кроликов, а потом бросили тела лежать на месте расстрела. Они расстреляли не одного, а всех жителей деревни.

Полковник Морроу призвал японцев и французов поехать с офицером американской армии, чтобы расследовать это массовое убийство, и все, о чем я только что упомянул, содержалось в докладе, подписанном американцем, французом и японцем. В дополнение эти офицеры сообщили о том, что они обнаружили тела четырех женщин и пяти мужчин, которые, очевидно, были сожжены заживо.

Естественно, люди задавались вопросом, какова цель таких чудовищных злодеяний. Эта цель схожа с той, которую преследует тюремная охрана, стараясь удержать заключенных от попыток сбежать, для чего использует собак и другие методы устрашения. Жители Сибири, становившиеся жертвами этих преступлений, не были заключенными, но те, кто устраивал этот террор, были убеждены, что каждый русский обязан всем сердцем поддерживать или вести себя так, словно поддерживает дело Колчака. Иногда подобные меры приносили определенный успех, заставляя людей скрывать свои истинные настроения.

Япония, казаки и антиамериканизм

Мы с послом Моррисом вернулись во Владивосток вечером 6 сентября 1919 года, и вскоре состоялась моя первая встреча с новой японской марионеткой в образе генерала Розанова, присланного Колчаком из Красноярска во Владивосток командовать русскими войсками на Дальнем Востоке.

У меня на столе лежало донесение о том, что 2 сентября в Имани, находящейся в 400 километрах от Владивостока, в присутствии японских военных русские арестовали американских капитана и капрала. В качестве причины сообщалось, что у этих людей не было паспортов. Учитывая, что на обоих была форма американской армии, что в Сибири не существовало никакой международно признанной власти и ни у кого из иностранных военных представителей не требовали паспортов, названная причина ареста этих американцев выглядела почти таким же оскорблением, как сам арест.

Утром 7-го числа я послал начальника своего штаба полковника Робинсона к генералу Розанову и потребовал немедленного освобождения капрала, поскольку капитан был отпущен на свободу в день ареста. Генерал Розанов сказал полковнику Робинсону, что он во всем разберется и позже даст мне знать.

Такой ответ никоим образом меня не удовлетворил, поэтому я приказал полковнику Робинсону вернуться и сказать генералу Розанову, что данный вопрос не предмет для его разбирательства, и, если он не прикажет немедленно освободить капрала Спёрлинга, это будет истолковано мной как однозначный отказ. Получив это сообщение, Розанов приказал освободить капрала.

Когда капрал вернулся, мы обнаружили, что его нещадно избили.

Еще до того, как его отпустили, американский командир майор Шаматульски, узнав об аресте американцев, посадив в поезд отряд своих солдат, выехал в Имань. Когда они туда прибыли, японский офицер известил их, что японцы не позволят им атаковать казаков, а если американцы решатся напасть на них, японцы присоединятся к казакам и окажут сопротивление. Майор Шаматульски ответил японскому командующему, что он намеревается освободить капрала, и

любое сопротивление будет на его совести. Тем временем майор Шаматульски арестовал троих казаков в военной форме. Казаки вырыли окоп и залегли там, готовясь отразить нападение американцев. Японцы залегли в окопе вместе с казаками с явным намерением начать заварушку, но, видимо, испугались, потому что до начала стрельбы поспешили сообщить американскому майору, что капрала в Имани нет. Его отправили в Хабаровск. Майор Шаматульски отвел своих солдат и двинулся назад к станции. Японский командир подошел к нему и сказал, что он не может забрать с собой арестованных перед этим троих казаков, но майор Шаматульски ответил, что будет удерживать их до тех пор, пока ему не вернут американца. Японец пригрозил, что применит силу, но не сделал этого, и майор Шаматульски забрал пленников с собой.

Когда капрала вернули американцам, он заявил, что, пока его везли на поезде, двое казаков избили его нагайками, а по прибытии в Хабаровск еще пятнадцать минут избивали на платформе, пока его не забрали японцы.

Часто бывает невозможно получить достаточные доказательства того, что вам доподлинно известно. Так было и в этом случае. Я уверен, что японцы не только разрешили арестовать и избить американского капрала, но вся эта гнусная история была спланирована ими. Однако я не могу обвинить в этих подлых трусливых действиях никого из японцев, кто был бы старше по званию, чем майор из Имани.

Я обвиняю японцев, поскольку Калмыков и его солдаты входили в состав японских частей, и старший японский офицер командовал теми казаками, которые допустили это оскорбление в адрес Соединенных Штатов. Учитывая, что Имань не относилась к той территории, где за охрану железной дороги отвечала Япония, японцы не несли ответственности за этот город. Они оказались там намеренно, и арест американцев показал, какова была истинная цель их пребывания там.

3 сентября полковник Сарджент, исполнявший обязанности командующего во время моей поездки в Омск, телеграфировал военному министерству в числе прочего: «Сегодня Семенов и Калмыков уехали из Владивостока в Хабаровск».

Эти две японские марионетки не случайно направлялись в Хабаровск вместе. Они планировали нападение на американских солдат.

Генерал Хорват, выступавший против моей политики невмешательства, приехал ко мне и предупредил, что Калмыков намеревается напасть на американских солдат, и если я не сконцентрирую свои небольшие отряды, которые заняты в охране железной дороги, то потеряю людей. Он сказал, что Япония санкционировала это, заплатила Калмыкову тридцать тысяч иен и готовится разослать по всему миру телеграммы о том, что так русские будут поступать со всеми большевиками.

Комендант крепости Владивосток полковник Бутенко имел доступ ко всем телеграммам, проходившим через Владивосток. Он приехал ко мне примерно в то же время, что и генерал Хорват, и подтвердил все, о чем рассказал генерал. По его словам, Семенов телеграфировал, что Калмыков поедет вперед и атакует американские войска, а если ему понадобится подкрепление, то он – Семенов – пошлет к нему на помощь своих казаков. Японцы отправили Калмыкову телеграмму, что не смогут оказать ему действенной помощи, но готовы поддержать его морально.

В связи с этим министр иностранных дел Омского правительства господин Сукин рассказал находившемуся в Омске майору Слотеру следующее: «Если вы еще не знаете, то я могу вам сказать, что у американцев на Дальнем Востоке не достаточно войск на случай экстренной необходимости, которая может возникнуть, если у вас появятся проблемы с Калмыковым и Семеновым. Если понадобится, японцы всегда готовы поддержать их всеми возможными способами, в том числе военной силой».

В это же время ко мне пришел глава земства Приморской области, господин Медведев, который также подтвердил то, о чем рассказал генерал Хорват. Эти три человека принадлежали к совершенно разным общественным кругам, а Медведев к тому же к другой политической партии. Соответственно, эти трое никогда не собрались бы вместе, и уж тем более с целью рассказывать мне сказки.

Помимо них ко мне пришел полковник французской армии, чье имя я помню, но не считаю разумным предавать гласности, и рассказал, что казаки пытались купить у французов винтовки, и он уверен, что они планируют нападение на американцев.

Когда вернулся капрал, избитый казаками, я написал генералу Розанову письмо с требованием назвать имена казаков, которые

арестовали капрала, а также имена двух казачьих офицеров, которые его били, и принести публичные извинения за эту выходку в местной прессе. Ответа я не получил.

Через неделю после того, как письмо было отослано, в американскую штаб-квартиру по какому-то делу явился начальник штаба генерала Розанова, но я известил его, что не стану иметь никаких дел со штабом Розанова, пока не получу ответа на свое письмо. Я никогда не слышал об этом прямо, но видел в прессе, что в Вашингтоне заявили, будто бы подобающие извинения за это оскорбление были принесены. Я не имею понятия, где и кем были принесены эти извинения, но с тех пор я больше никогда не имел дела ни со штаб-квартирой генерала Розанова, ни с ним самим. 31 января 1920 года он был свергнут.

По возвращении из Омска я нашел у себя на столе донесение о зверском и отвратительном убийстве, совершенном японцами. В этом донесении сообщалось, что 27 июля 1919 года в городе Свиягино, находившемся в зоне ответственности американских войск, рота японских солдат под командованием японского майора арестовала девять русских. Американскому командиру японцы объяснили, что подозревают этих людей в том, что они большевики.

Русским сказали, что, если они дадут информацию о большевиках, их отпустят. Четверым из девяти разрешили уйти. Оставшиеся пятеро «были зверски избиты», но отказались говорить.

Как и в предыдущем случае, Свиягино не входило в зону ответственности японцев.

Японцы начали вести себя так, как будто собираются казнить пятерых русских, отказавшихся давать им информацию, и, как только это стало очевидным, американский командир выразил протест, но безуспешно. В донесении о казни сказано следующее: «Пятерых русских подвели к могилам, которые вырыли неподалеку от железнодорожной станции. Им связали за спиной руки, завязали глаза и заставили встать на колени у края могил. Два офицера-японца сняли шинели, вынули сабли и стали рубить ими шеи жертв. Когда первый упал в могилу, японские солдаты с радостными криками принялись колоть его штыками. Двое были обезглавлены, остальных засыпали землей заживо».

К сожалению, должен сказать, что несколько американских офицеров и солдат стали свидетелями этой казни.

Такие казни японцы устраивали не потому, что жертвы совершили какие-то преступления, а потому, что их подозревали в принадлежности к большевикам.

Это убийство произвело на меня настолько сильное впечатление, что я приказал офицеру, командовавшему американцами в Свиягине, приехать в нашу штаб-квартиру во Владивостоке и в присутствии начальника японского штаба заявил, что он должен был применить силу, чтобы предотвратить казнь. Я также сказал начальнику японского штаба, что, если японцы попытаются повторить подобное в зоне американской ответственности, это приведет к столкновению между японскими и американскими войсками.

Он ответил, что хотел бы проверить эти сведения. Я ответил, что не стану чинить препятствия, если он захочет провести расследование, но надеюсь, что он сообщит мне о результатах, и он пообещал мне это сделать. Примерно пять недель спустя он приехал ко мне и сказал, что должен признать правдивость полученного мной донесения, однако хочет, чтобы я знал, что данный случай не соответствует практике японской армии.

9 июня 1919 года я получил от полковника Морроу из Верхнеудинска следующее донесение: «Бронепоезд Семенова постоянно вмешивается в работу железной дороги. Его люди захватывают вагоны, запугивают служащих, мешают работе железнодорожных бригад, постоянно угрожают моим солдатам, охраняющим железную дорогу, обстреливают и останавливают русские войска, следующие на фронт. Вчера 8 июня в 5 часов вечера на встрече с генерал-майором японской армии Йоши, военным комендантом Межаком и командующим русскими войсками в Березовке генералом Печинько я на основании указанного выше потребовал, чтобы бронепоезд Семенова был выведен из сектора американской ответственности. В то же время я проинформировал их, что в случае, если мое требование не будет выполнено в течение двадцати четырех часов, я уничтожу этот бронепоезд».

Генерал Йоши в присутствии полковника Морроу согласился сохранять нейтралитет, но позже полковник Морроу сообщил следующее: «Японцы заявляют, что они окажут вооруженное

сопротивление, если американские войска попытаются убрать бронепоезд Семенова. Под охраной японцев этот бронепоезд отведут в Березовку, где они будут охранять его от американских войск».

Поскольку все это происходило в зоне ответственности американцев, единственным основанием для действий японцев было то, что японские войска и войска Семенова составляли одно целое. В Сибири все прекрасно знали об этом, но японцы не уставали повторять, что не несут ответственности за действия Семенова и Калмыкова.

Отказываясь брать в расчет армейские донесения, Государственный департамент, вероятно, не знал о новых методах, используемых нашим союзником Японией в борьбе с большевизмом. К тому времени представители Государственного департамента всей душой присоединились к борьбе за Колчака, в чем их союзниками были британцы, французы, японцы, атаманы Семенов и Калмыков и генерал Розанов.

Очевидно, что единственной рябью в этом море всеобщего согласия был мой отказ присоединиться к Государственному департаменту и его союзникам в их решимости уничтожить большевизм, невзирая на объявленную Соединенными Штатами политику невмешательства.

Мистер Август Хейд из военной комиссии по торговле, действовавшей под эгидой Государственного департамента, одно время был настолько беспечен, что посылал явно неправильную информацию. По крайней мере, мистер Хейд принес ко мне в канцелярию и прочитал телеграмму, которую, по его словам, он получил от Государственного департамента. В телеграмме говорилось: «Вы присылаете из Сибири не ту информацию, которую мы хотели бы от вас получать».

Поскольку мистер Хейд был сотрудником Государственного департамента, я предполагаю, что было бы неэтично игнорировать его доклады, как они поступали с моими.

В тот критический период, когда казаки на востоке пытались получить оружие, чтобы обратить его против американских войск, транспортные корабли Соединенных Штатов начали привозить винтовки и боеприпасы для воюющих сил Колчака. Эти винтовки поставлялись Колчаку по подписанному президентом Вильсоном 12

июня 1919 года договору «о помощи правительству адмирала Колчака и его сторонникам оружием, боеприпасами и продовольствием». Из Вашингтона мне сообщили: «Для получения всех военных грузов, присылаемых во Владивосток для воюющих частей адмирала Колчака, Омским правительством назначен глава специальной комиссии по Дальнему Востоку генерал Хакен».

16 сентября я телеграфировал военному министерству: «Сегодня утром мне предложили один миллион золотом за поставку винтовок. Учитывая антиамериканскую активность агентов Колчака, я отказался взять золото и отдать винтовки. Находящийся здесь мистер Моррис одобрил мои действия».

Мой отказ послужил поводом для возмутительной выходки генерала Нокса. Он заявил в местной прессе, что эти винтовки были оплачены Россией и я удерживаю их, чтобы нанести обиду Колчаку. И еще в американской прессе я видел заявление о том, что Государственный департамент утверждает, будто я вмешиваюсь в дела, которые меня не касаются. И это несмотря на то, что я доложил в Вашингтон все причины своего отказа отдать это оружие.

Что касается моего отказа отдать Колчаку оружие во Владивостоке, ситуация была представлена неправильно и несправедливо. И если газеты ничего не исказили, то это было дело рук Государственного департамента.

Кто-то дал прессе информацию, что я задержал оружие, предназначавшееся Колчаку, из-за «антиамериканского характера статей в одной из газет Владивостока». У меня сохранилась газета, где написано, что я задержал оружие «в связи с антиамериканскими статьями в газете Владивостока». Еще в одной утверждали, что я задержал оружие «из-за откровенно антиамериканских публикаций в газете Владивостока». Одна из этих газет писала, что Государственный департамент отмежевался от моих действий. В другой утверждалось, что Государственный департамент «обеспечил поставку этих винтовок». Еще в одной Государственный департамент не упоминался, но мои действия подвергались резкой критике.

В связи с этими статьями мне в голову приходило два вопроса. Первый – была ли эта информация сообщена корреспондентам вашингтонских газет? И мне кажется, что, учитывая природу этой информации, будет справедливым считать, что была. Второй – если эту

информацию слили газетчикам, то какое ведомство в правительстве организовало эту утечку? Но независимо от того, где и кто это сделал, информация была нечестной, несправедливой и не соответствующей действительности.

Военное министерство знало причины, заставившие меня отказаться передать эти винтовки во Владивостоке.

Причина моего отказа, приведенная в прессе, наверняка вызвала бы неодобрение людей в Соединенных Штатах, а если бы люди знали правду, то я уверен, что не нашлось бы ни одного американца, который бы со мной не согласился. Настоящая причина моего отказа передать оружие во Владивостоке, которую я сообщил военному министерству, была следующей: «Этим утром мне предложили миллион золотом, если я передам винтовки. Учитывая антиамериканские действия агентов Колчака на Дальнем Востоке: Семенова, Калмыкова и Розанова, я отказался взять золото и отдать винтовки. Я обратился за одобрением своих действий к мистеру Моррису, и он их одобрил. Я попросил Слотера объяснить Омскому правительству, что мы не станем поставлять ему военную продукцию, пока агенты Колчака на Дальнем Востоке угрожают использовать военную силу против войск Соединенных Штатов».

Я не вижу в этой телеграмме никаких намеков на то, что это месть за газетные статьи. На самом деле у меня было более чем достаточно информации, в которой я не сомневался и не сомневаюсь до сих пор, что русские, которых я упоминал выше, планировали нападение на американские части и, получив эти винтовки в то время, постарались бы вооружить ими как можно больше казаков, чтобы иметь численное превосходство над американскими отрядами, которые я смог бы сосредоточить в одном месте.

Американские войска не имели полевых орудий, тогда как казаки их имели. Охраняя железную дорогу, американские части были разбросаны на расстояние более 3 тысяч километров друг от друга. Из-за разрушения многих небольших мостов я не смог бы собрать их вместе, и 7 тысяч человек, которые у меня были, оказались бы разделены, как минимум, на четыре, а возможно и больше, части.

Я не думаю, чтобы какой-то американец ожидал, что я отдам эти винтовки людям, которые хотели повернуть их против американских войск. На самом деле я считал ситуацию настолько серьезной, что

сознательно и намеренно отказался бы отдать винтовки кому угодно из русских, независимо от того, кто хотел их забрать. Если Государственный департамент когда-нибудь отмежевывался от моих действий, то я об этом ничего не слышал.

Теперь зададимся вопросом, почему неверная информация в отношении моих действий оказалась достоянием гласности? И кто ее предоставил? Я не думаю, что она была предоставлена военным министерством, поскольку министерство не упоминалось в газетных статьях, а кроме того, военное министерство знало причины моих действий непосредственно от меня.

Я думаю, будет справедливым сделать вывод, что эта информация наверняка была предоставлена Государственным департаментом. Поскольку Государственный департамент полностью полагался на информацию собственных представителей в Сибири и в то же время игнорировал информацию, предоставляемую представителями военного министерства, я вынужден прийти к заключению, что эта информация исходила от представителей Государственного департамента в Сибири.

Генерал Хакен приехал ко мне по поводу винтовок, и я сказал, что согласен передать их в Иркутске, который находился за пределами территории, контролируемой казаками. Его это устраивало, и он остался доволен, поскольку теперь чувствовал большую уверенность в том, что получит винтовки. Однако эта договоренность не устраивала русских военных на Дальнем Востоке, и они выступили с предложением, чтобы один состав с винтовками сопровождали американцы, а другой русские, но я отказался это сделать.

Япония и генерал Нокс сумели подогреть неприязнь сторонников Колчака к американским военным до такой степени, что 17 сентября я передал в Вашингтон следующее: «Казаки под командованием Калмыкова угрожают начать действия против американцев. Их намерения поддержаны Семеновым и, как я полагаю, инспирированы Японией. У этих казаков есть бронепоезд, с которым нам не справиться тем оружием, которое у нас есть в наличии. Думаю, в этом причина их дерзости. Прошу, чтобы мне прислали один дивизион трехдюймовых орудий или горной артиллерии. Я не уверен, что, если они не будут присланы, с американцами что-нибудь произойдет, но я

абсолютно уверен, что, если их пришлют, с ними точно ничего не произойдет».

Следует помнить, что Семенов и Калмыков были настоящими бандитами и убийцами. Присущие им моральные качества не удержали бы их от совершения какого угодно преступления. Только физический страх и боязнь лишиться поддержки японцев могли удержать их от нападения на американцев или чего-то подобного.

Первый состав с винтовками, присланными правительством Соединенных Штатов для «воюющих сил адмирала Колчака», отправился в Иркутск без проблем. 24 октября, когда второй состав доехал до Читы, где располагалась штаб-квартира Семенова, его остановили, и Семенов потребовал себе пятнадцать тысяч винтовок. Лейтенант Райан, который вместе со своими пятьюдесятью солдатами сопровождал поезд, ответил, что не может отдать им винтовки без приказа из Владивостока. Семенов сказал лейтенанту, что, если он не отдаст винтовки в течение тридцати часов, их возьмут силой. После этого Семенов подогнал к американскому поезду два бронепоезда и батальон казаков.

Поскольку Семенов утверждал, что Колчак разрешил ему забрать винтовки, консул предложил, чтобы по этому вопросу связались с генералом Грейвсом, находящимся во Владивостоке, для чего русские предоставили телеграфный аппарат. Телеграмма лейтенанта Райана пришла ночью с 24 на 25 октября. Я ответил лейтенанту, чтобы он не отдавал винтовки.

Посылая этот приказ, я не боялся, поскольку знал, что в то время, когда Семенов требовал у лейтенанта Райана отдать винтовки, в Чите находился командующий японскими войсками в Сибири генерал Юи. Учитывая, что по Железнодорожному соглашению Чита относилась к зоне ответственности Японии, если бы ни генерал Юи, ни командующий японскими войсками в Чите не выразили протеста против действий Семенова, это означало бы нарушение соглашения. Поэтому я был уверен, что японцы не позволят ему пойти на крайность и атаковать лейтенанта Райана.

Семенов задержал поезд лейтенанта Райана на сорок часов, но потом сказал, что тот может ехать.

Как только Колчака выбили из Омска и он двинулся на восток, я почувствовал, что близится конец, поэтому отказался посылать ему

винтовки. В донесениях, которые я получал до того, как он покинул Омск, говорилось, что он теряет власть и большая часть его войск перешла на сторону большевиков.

Тем не менее американский генеральный консул мистер Харрис продолжал упорствовать. Он телеграфировал, что отступление Колчака из Омска следует рассматривать не как проявление слабости, но скорее как проявление силы. Генерал Хакен, естественно, хотел, чтобы я продолжал отдавать ему винтовки, поскольку это позволило бы ему распорядиться ими в собственных интересах.

В отношении этих винтовок 29 октября я телеграфировал в Вашингтон: «По моему мнению, если мы добровольно или своим бездействием позволим американским винтовкам попасть в руки Семенова, Калмыкова или Розанова, то поможем оружием самым худшим преступникам, какие только есть в Сибири. Это будет означать, что мы пренебрегаем интересами народа, и, следовательно, вызовет возмущение большей части населения Сибири в отношении Соединенных Штатов. Кроме того, мы только поможем японцам отсрочить стабилизацию положения в Сибири, поскольку угнетение и эксплуатация девяноста процентов населения такими преступниками, как те, которых я назвал выше, не может продолжаться вечно, какую бы помощь им ни оказывали».

Японская штаб-квартира позже проинформировала меня, что винтовки, доставленные лейтенантом Райаном в Иркутск, были переданы Семенову, и в следующий раз оружием, которое я передал Колчаку, заинтересовались только через месяц после того, как я покинул Владивосток.

Ко мне пришел русский, который утверждал, что четыре вагона (он указал какие) были загружены американскими винтовками в тех самых ящиках, в которых они пришли. Он сказал, что вагоны стоят на запасных путях и их охраняют японские солдаты. Я спросил у русского подробности, но он, вместо ответа, схватил свою шапку и ушел, бросив: «Больше я ничего не могу вам сказать».

Я чувствовал, что русский говорит правду, однако не имел доказательств, чтобы предпринять какие-нибудь действия. Через несколько дней после того, как я получил информацию об этих винтовках, ко мне приехал начальник японского штаба. Я отвлек его разговорами и, когда он расслабился, рассказал ему насчет вагонов,

груженных американскими винтовками, и заметил, что, поскольку они не были оплачены русскими, я требую считать эти винтовки американской собственностью. Посмотрев на его реакцию, я решил, что сообщение русского было правдой. Японец не стал отрицать, что винтовки у них, и сказал, что во всем разберется.

Вскоре после этого ко мне приехал еще один японский генерал. Я сказал ему, что не получил объяснений от начальника штаба и хочу забрать винтовки. К тому времени моя уверенность в правдивости рассказа русского усилилась вдвое.

Еще через неделю или десять дней я написал японскому командующему письмо, где выразил уверенность в том, что винтовки у японцев, и повторил свое намерение забрать их. Я заявил, что если не получу ответа в течение сорока восьми часов, то предприму шаги, которые сочту необходимыми, чтобы вернуть оружие. Я отослал это требование в японскую штаб-квартиру с посыльным и приказал ему получить на конверте отметку о вручении. Я ждал двенадцать часов, двадцать четыре часа и после тридцати шести часов ожидания получил из японской штаб-квартиры сообщение, в котором меня просили о встрече, назначенной всего за полчаса до указанного мною времени.

На следующий день в назначенное время ко мне в кабинет явился начальник японского штаба с саблей и в перчатках, что указывало на официальный характер его визита. Держа в руке мое письмо, он сказал: «Мы считаем это письмо крайне неприятным. Вы намекаете на то, что японцы украли американскую собственность».

Я попросил его сесть и потом напомнил ему о своих усилиях возвратить эту собственность, а также о том, что не получил от них никакого ответа. Я высказал предположение, что если бы они были на моем месте, то ситуация обернулась международным скандалом. Я сказал, что не хотел бы доставлять им неприятности, но не могу извиниться за свое письмо или отозвать его. Он ответил, что мы долго были добрыми друзьями и они очень сожалеют, что добрые воспоминания об этом будут омрачены моим письмом. Я ответил, что не считаю письмо предметом для гордости, но намерен получить винтовки. Он ответил, что я могу забрать винтовки в любое время, когда пришло за ними. Я сказал, что мои солдаты будут у поезда в 3:30 после полудня и заберут винтовки. После этого я согласился отозвать свое письмо.

Я послал за винтовками и выяснил, что их пять тысяч девятьсот штук и они лежат в тех же ящиках, в которых прибыли из Америки. Это была часть тех винтовок, которые Соединенные Штаты прислали «для воюющих сил адмирала Колчака».

В тех случаях, когда генеральный консул Харрис позволял своей восторженности в отношении Омского правительства брать верх над здравым смыслом, это выражалось в его старании утаить от Соединенных Штатов определенную информацию. Приведу пример.

Во время нашего с мистером Моррисом пребывания в Омске один англичанин уведомил нас, что атаман семипалатинских казаков Анненков убил три тысячи евреев в Екатеринбурге. Анненков был известен как казак-убийца, на своей фуражке и гимнастерке он носил эмблему – череп и скрещенные кости. Доктор Розенблат, присланный евреями Нью-Йорка, чтобы сделать все возможное для помощи сибирским евреям, слышал об этом погроме. Он сообщил об этом через мою канцелярию, поскольку генеральный консул уже упрекал его за предыдущее сообщение. Очевидно, мистер Харрис сожалел, что я позволил доктору Розенблату сообщить об этом погроме, потому что он отправил доктору Розенблату следующую телеграмму: «Находясь в Екатеринбурге, вы сообщили, что казаки ранили или убили три тысячи евреев. Такие лживые и безответственные сообщения, как это, не могут помочь, а лишь озлобляют Омское правительство против евреев. Тем не менее я надеюсь, что в своих будущих телеграммах вы будете сообщать только реальные факты».

Генеральный консул Харрис придирался. Точное число убитых в Екатеринбурге не имело значения по сравнению с самим фактом погрома. О нем было широко известно, но мистер Харрис не хотел знать. В военном донесении, которое я получил об этом погроме, говорилось, что казаками Анненкова были убиты тридцать пять сотен человек. Далее там сообщалось: «Когда этот вопрос задали в омском штабе, они прямо не признались, но и отрицать не стали, намекнув на то, что в Екатеринбурге что-то произошло, и евреям стоило бы кое о чем подумать».

Из Вашингтона я получил телеграмму, где говорилось, что генеральный консул Харрис «утверждает, что сообщение Розенבלата о еврейском погроме абсолютная фальшивка. В следующий раз не присылайте донесений, точность которых не была проверена».

Даже представители Колчака не заходили так далеко в попытках отрицать справедливость сообщения о еврейском погроме, как американский генеральный консул. Откуда Харрис взял свою информацию? Он не ездил в Екатеринбург. Он позволил своему восторженному отношению к правительству Колчака взять верх над благоразумием. С большим основанием доктор Розенблат мог назвать «фальшивкой» утверждение генерального консула. Если генеральный консул Харрис имел в виду, что доктор Розенблат назвал слишком большое или слишком маленькое число убитых, это могло бы отчасти оправдать его заявление, поскольку точное число убитых никто не знал. Но если мистер Харрис хотел сказать, что никто из евреев не был убит, то его сильно дезинформировали.

Доктор Розенблат был не единственным американцем, оклеветанным сторонниками Колчака за то, что он не желал закрывать глаза на факты. YMCA (Юношеская христианская ассоциация) действовала в Сибири в своих лучших традициях. Глава ассоциации мистер Г. У. Фелпс был человек с характером, с принципами, с обостренным чувством долга. Человек, который никогда не свернул бы с избранного им пути ради похвалы от самопровозглашенных правителей. 20 октября 1919 года генеральный консул телеграфировал мистеру Фелпсу следующее: «В связи с теми трудностями, которые возникли у вас с таможенными властями во Владивостоке, министр финансов сообщил мне, что располагает определенной информацией о приобретенных YMCA мехах с целью экспортировать их. А также о том, что они хранятся на складе во Владивостоке. Учитывая, что экспорт мехов запрещен, в отношении YMCA действуют те же правила, что и в отношении любых других экспортеров и импортеров».

Это обвинение не имело под собой никаких фактических оснований и было лишь предлогом, чтобы досадить YMCA. На самом деле правительство Колчака пыталось заставить YMCA стать его агентом по снабжению, как это сделали с американским Красным Крестом, и, когда это не удалось, ассоциации стали вставлять палки в колеса всеми возможными способами. Единственный способ для YMCA, как и для любой другой американской организации, поладить с приверженцами Колчака заключался в том, чтобы не только помогать,

но и подчиняться их диктату в отношении того, как им следует помогать.

Не стоит забывать, что окружение Колчака составляли представители правящего класса России. История любой страны показывает, что этот класс всегда будет отчаянно биться за сохранение своих привилегий, и именно это происходило в Сибири. Единственная цель царского офицерства состояла в реставрации того положения, каким оно было до революции.

21 октября я передал в Вашингтон:

«Британский офицер, только что вернувшийся после трехмесячного пребывания на службе в сибирской армии, описывает положение на фронте следующим образом: «Рассказы о боях и победах сильно преувеличены. На самом деле нет ничего, что могло бы предотвратить скорое взятие Омска большевиками. Весь план кампании сводится к тому, что толпу одетой в британскую военную форму бедноты отсылают на фронт, где она при первой же возможности переходит на сторону большевиков».

Если бы генерал Нокс узнал о таком заявлении со стороны британского офицера, он принял бы столь же решительные меры, как те, которые приняло британское правительство в отношении мистера О'Рейли, сменившего сэра Чарльза Элиота на посту британского верховного комиссара в Сибири, когда сэра Чарльза отправили послом в Японию.

Через месяц после прибытия мистер О'Рейли приехал ко мне и сказал: «Вы единственный иностранный представитель в Сибири, который следует заявленной цели своего правительства. Я с максимально возможной тщательностью изучил положение дел в Сибири и пришел к убеждению, что политика «невмешательства» — единственная политика, которая может дать надежду на успех. С сегодняшнего дня британцы с вами и будут следовать той же линии поведения, которой следуете вы».

Конечно, я был очень доволен этим заявлением мистера О'Рейли и от души поблагодарил его. Я слышал очень мало добрых слов с тех пор, как после подписания перемирия решил, что время использования американских войск в военных действиях прошло.

Представьте себе мое удивление, когда спустя четыре дня мистер О'Рейли снова пришел ко мне и показал телеграмму из Лондона, где

говорилось: «Уезжайте из Сибири с первым же судном, уходящим из Владивостока, не дожидаясь британского корабля».

Поскольку в скором времени из Владивостока в Сан-Франциско отходил американский транспортный корабль, я воспользовался своей властью, чтобы отправить на нем в Сан-Франциско своего единственного британского друга.

Чем ближе становилось окончательное крушение правительства Колчака, тем больше усиливалось ожесточение его русских и иностранных приверженцев в отношении американских военных, которые, по их мнению, могли помочь Колчаку, но не делали этого. Хотя фактически мы и так помогали Колчаку тем, что поддерживали в рабочем состоянии железную дорогу, бывшую в его исключительном пользовании.

Почти каждый день печатались сообщения об американском оружии, оказавшемся в руках большевиков. Штаб-квартира Розанова выпустила информационный лист, где утверждалось: «Казачи открыто заявляют, что американцы помогают большевикам. Согласно показаниям красного пленного, в распоряжении его части имеется целый ящик бомб, поставленный им американцами. Кроме того, американцы передали им ящик патронов для револьверов колтъ».

Эти ложные заявления делались для того, чтобы дальневосточные газеты могли скопировать их и чтобы они, будучи переданными в Лондон и Токио, дали желаемый результат. Борьба с этими фальшивками было бесполезно. Люди в Соединенных Штатах не имели представления о ситуации в Восточной Сибири, где не существовало иного закона, кроме закона джунглей, согласно которому действовали японцы и сторонники Колчака. И они знали, что американцы не станут ему следовать.

Но больше, чем происходящее в Сибири, меня задело происшествие на железнодорожном вокзале Владивостока. Американский солдат выпил и ждал поезда. Русский армейский офицер заметил этого солдата и, подойдя к нему, обозвал его «чертов большевик». Американский солдат попытался ударить русского кулаком, но промахнулся. Русский достал пистолет и застрелил американского солдата, а для большего эффекта к нему подошли японские офицеры, которые в это время были на вокзале и видели это убийство. Они поздравили его, пожав ему руку прямо над телом

американца. Русский немедленно отправился в подставной гражданский суд, сдался и в течение часа был оправдан. Этот русский служил в тех самых боевых частях Колчака, которым Соединенные Штаты поставляли оружие и боеприпасы.

В другой раз появилось сообщение о том, что лидер большевиков на Дальнем Востоке приходил в американскую штаб-квартиру. Ко мне явился начальник японского штаба, который сказал, что до него дошли слухи об этом. Я ответил, что намерен выяснить источник этой лжи и, если кто-нибудь откажется рассказать мне, откуда получил эту информацию, я поставлю под сомнение его порядочность. После этого я спросил японца: «Вы первый. Кто вам это сказал?»

Он ответил, что это был чешский офицер. Я отрядил адъютанта разобраться в этой истории, и в конце концов она привела его в штаб-квартиру русских. Русские монархисты продолжали распространять эти лживые измышления и после того, как американские войска ушли из Сибири. В русской книге под названием «Белая Сибирь», опубликованной в 1923 году в Германии одним из сподвижников Колчака генералом Сахаровым, утверждалось, что генерал Иванов-Ринов арестовал ряд опасных людей, поддерживавших контакты с большевиками, среди которых были Медведев, Огарев и другие. Они вели пропаганду среди населения, призывая людей к бунту. По словам Сахарова, генерал Грейвс известил Иванова-Ринова, что не потерпит этого ареста, и настаивал на их освобождении.

Во всей этой истории нет ни капли правды, поскольку господа Медведев и Огарев никогда не были арестованы во время моего пребывания в Сибири.

Русские и генерал Нокс неоднократно говорили мне: «Вы помогаете большевикам» или «Люди обвиняют американцев в помощи большевикам». Я отвечал им одно и то же: что, если какой-то американский военный представитель встанет на чью-то сторону, он нарушит предписание правительства Соединенных Штатов, и, если они могут привести мне факты, что кто-то из американских военных нарушил это предписание, я готов извиниться перед русскими и дезавуировать его действия. В ответ они не уставали повторять, что, «не поддерживая Колчака, вы даете большевикам основания считать, что Соединенные Штаты поддерживают их». В этом обвинении была некоторая доля правды.

Когда американцы впервые прибыли в Сибирь, большинство из нас, естественно, ожидали, что опыт войны и революции изменил взгляды бывшего правящего класса. Однако как только этот класс начал творить страшные зверства, которые совершались в Сибири, или попустительствовать им, стало понятно, что эти люди так ничему и не научились.

Я старался как можно полнее быть в курсе того, что делали войска Соединенных Штатов. Я отслеживал всю достоверную и недостоверную информацию, чтобы сформировать свое мнение об офицерах, находившихся на разных станциях. И среди всех этих людей только один командир показался мне человеком, имевшим личные пристрастия, хотя во всем остальном он был прекрасным офицером, хорошо выполнявшим свою работу.

К середине октября 1919 года Колчак практически полностью лишился влияния на Дальнем Востоке. Русское издание «Монархист», естественно, старалось поддерживать мысль о том, что, благодаря иностранной поддержке, Колчак продолжает быть влиятельной фигурой. Но в том, что касалось американцев, его место на сцене заняли казаки и японцы.

Очевидно, что предпринимались какие-то маневры с целью объявить Семенова диктатором Дальнего Востока, когда падет Колчак. Что же касается японцев, такой шаг фактически означал бы, что они сбрасывают маску желания помочь России и обнажают реальные намерения, которые преследовали с самого начала. Даже генерал Нокс был не готов поддержать такой дерзкий план.

16 октября я телеграфировал военному министерству, что «сейчас агрессивные действия со стороны казаков не представляют опасности, за исключением тех случаев, когда им противостоят совсем малочисленные отряды. Вдоль всей железной дороги на востоке расположились чехи, и японцы понимают, что им будет трудно контролировать конфликт, если он начнется».

Это было очевидным доказательством начала пути к полному краху колчаковского режима. Я получил из Харбина письмо от полковника Эмерсона, датированное 22 октября, в котором он писал, что Сукин сказал ему: «Сибирское правительство не в состоянии выполнять межсоюзническое железнодорожное соглашение, из-за противоречий между железнодорожниками и армейскими офицерами,

которые считают, что союзники пытаются реорганизовать железную дорогу с целью взять контроль над ситуацией в свои руки».

Правительство Колчака никогда не собиралось исполнять межсоюзническое соглашение. Железная дорога всегда оставалась военной дорогой, управляемой и используемой русскими властями. То, что американские войска охраняли эту дорогу, вызывало большое недовольство со стороны демократических кругов и нанесло престижу Соединенных Штатов серьезный урон.

16 ноября офицер моей разведки сообщил следующее: «Русское население на местах не выказывает приверженности правительству Колчака, которое некоторые называют теперь «правительством Нокса».

Революция Гайды

Генерал Гайда, порвавший с администрацией Колчака, поехал на восток и 8 августа 1919 года прибыл во Владивосток. Он не только публично заявил, что правительство Колчака не устоит, но предпринял ряд других провокационных действий, и я не могу сказать, почему дальневосточные приверженцы Колчака ничего не сделали для того, чтобы его ограничить. Гайда написал обширный доклад о Колчаке и сделал его достоянием гласности. Обратив всеобщее внимание на недостатки колчаковского режима, он, в частности, писал:

«Острота ситуации требует особых предосторожностей. Настоятельной необходимостью является переход к открытой демократичной государственной политике и строгое следование ей, чтобы обрести уверенность в том, что потом можно будет рассчитывать на большинство населения и на армию. Не должно быть сомнений в демократичности правительства, желании установить порядок и соблюдать гражданское законодательство. Правительству необходимо избавиться от тех функционеров, которые, не задумываясь, извлекают личную пользу из своих должностей. Правительство должно объявить, что его конечной целью является созыв Учредительного собрания на базе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Необходимо провести встречи представителей правительства с местными земскими собраниями, городскими думами и представителями других общественных организаций. Необходимо предпринять шаги для предотвращения таких нарушений, как расстрелы без суда, на всей территории России. Необходимо также разработать систему, обеспечивающую свободу собраний, как в европейских странах.

Следует принять меры, чтобы восстановить полномочия земств и городских дум, и провести расследования в отношении административного наказания, которому подвергались их члены.

Необходимо с большим сочувствием относиться к крестьянским массам и развивать сельское хозяйство».

Эти предложения могли бы прекрасно помочь стабилизировать ситуацию в Сибири, но, к несчастью, сам генерал Гайда не следовал

этим принципам, когда командовал войсками Колчака. В то время он заявлял, что в деле усмирения непокорных русских верит больше в кнут и штык, так что его заявления выглядели запоздалыми и не вполне свободными от желания отомстить Колчаку.

Ситуация на фронте стремительно ухудшалась. Уже 22 августа офицер военной разведки полковник Эйхельсберг сообщил: «По сведениям, полученным из надежных источников, линии фронта, удерживаемой сибирской армией, практически не существует».

Это сообщение полковник Эйхельсберг прислал во Владивосток, когда я был в Омске, и всего через неделю после того, как я пытался отыскать в районе реки Ишим сотни тысяч колчаковских войск, которые, как меня уверяли, я увижу, если проеду вдоль русла этой реки. Чем дальше вы находились от штаб-квартиры Колчака в Омске, тем доступнее становилась информация о дезинтеграции сил Колчака. Последняя надежда русских монархистов и их сторонников среди союзников заключалась в том, чтобы добиться признания Колчака Соединенными Штатами и убедить американцев предоставить ему финансовую помощь.

В это время предметом живейшей дискуссии на востоке стал *coup d'état* генерала Гайды, который, согласно всеобщему мнению, готов был поддержать Гайду.

При подготовке своего *coup d'état* Гайда искал опоры у социалистов-революционеров. В то время чехи, включая самого Гайду, не были ни монархистами, ни большевиками. Они верили в парламентскую власть и не видели надежды на ее установление русскими кругами, исповедовавшими крайние взгляды.

16 ноября 1919 года чехи объявили о своей позиции и линии поведения следующее:

«Невыносимое положение, в которое поставлена наша армия, вынуждает нас обратиться к союзным державам с просьбой рассмотреть вопрос о том, каким образом чешская армия может обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение в свою страну, которого мы добиваемся с согласия всех союзных держав.

Наша армия была готова охранять железную дорогу на той территории, которую определили как зону ее

ответственности. Она добросовестно выполняла эту задачу. Однако в настоящее время охрана железной дороги силами нашей армии стала невозможна, поскольку эти действия противоречат нашим желаниям и представлениям о гуманности и справедливости.

Охраняя железную дорогу и поддерживая порядок в стране, наша армия вынуждена вопреки своим убеждениям поддерживать и защищать деспотическую абсолютистскую власть, в руках которой находятся бразды правления.

Сожженные деревни, убийство сотен мирных русских людей, безосновательные расстрелы сторонников демократии только за их политические взгляды – все это стало повседневной реальностью, и ответственность за это перед судом народов всего мира ляжет на нас, поскольку мы, имея в руках оружие, не предотвратили эти несправедливости. Наша пассивность – прямое следствие нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние дела России, и, благодаря нашей верности этой идее, мы, сами того не желая, стали соучастниками преступления.

Доводя все это до сведения представителей союзных держав, для которых чешская нация была и будет верным союзником, мы считаем необходимым предпринять шаги, чтобы проинформировать народы всего мира о том, в какое трагическое положение с точки зрения морали поставлена чешская армия, и о том, какие причины к этому привели.

Что же касается нас, мы не видим другого выхода из этого положения, кроме незамедлительной эвакуации с той территории, которую охраняем, если только нам не будет предоставлено право предотвращать вышеуказанные преступления.

В. Гайда».

Трудно более точно охарактеризовать реальное положение дел. В своих докладах я часто подчеркивал тот факт, что Соединенные Штаты не смогут избежать ответственности за это положение, поскольку, если бы не присутствие в Сибири союзнических войск, зверства,

совершаемые против людей, были бы невозможны. Все, кто знал реальные факты и относился к ним без предубеждения, так или иначе понимали, что Гайда говорил правду.

Гайда не участвовал в подготовке восстания чешского корпуса. Я не нашел подтверждения особых симпатий в отношении Гайды со стороны членов земских собраний, да и он не выказывал особого желания обеспечить себе поддержку земств.

В начале сентября, когда Семенов был во Владивостоке, он попытался завязать дружбу с Гайдой, утверждая, что он тоже демократ. Однако Гайда не пожелал принять его предложение.

После того как 31 января 1920 года генерал Розанов был свергнут, в его бумагах обнаружили доклад по поводу мятежа Гайды. В этом докладе Розанов утверждал: «За время первого месяца пребывания Гайды во Владивостоке результаты его деятельности продемонстрировали его полное единство с правым крылом местных социалистов-революционеров, земствами и бывшим председателем Сибирской областной думы, господином Якушевым. Coup d'etat был назначен на 18 сентября».

Генерал Розанов являлся полномочным представителем Колчака в Восточной Сибири и, согласно его собственному утверждению, знал о планах Гайды, разработанных им в поезде, который стоял менее чем в 300 метрах от его штаб-квартиры. Тем не менее он и пальцем не пошевелил, чтобы предотвратить исполнение этих планов. Как можно расценивать такую неспособность к действию? Во Владивостоке все знали, что Гайда собирается предпринять попытку отстранить Розанова от власти. Полученные мной сообщения говорят о том, что Розанов боялся действовать. Он надеялся, что произойдет нечто такое, что не позволит Гайде осуществить свои намерения. В других сообщениях утверждалось, что таким образом прилагались усилия реализовать какую-то комбинацию на случай свержения Колчака.

Далее в своем докладе Розанов заявляет: «Конвой Гайды, составлявший пятьдесят человек, был увеличен до трехсот. Падение Омска в ночь на 15 ноября, похоже, вселяет надежду».

Здесь Розанов говорит о торопливой лихорадочной попытке отразить атаку, начавшуюся ночью 17 ноября, но он заранее прекрасно знал, что она состоится. На этот раз он начал готовиться к сопротивлению.

Судя по всему, Гайда позволил Розанову подготовиться, поскольку начал наступление в 12 часов ночи с 16-го на 17-е. Происходило это в 40 километрах от Владивостока, на станции Океанская. Розанов пишет, что 17-го числа в 8 часов утра Гайда раздал оружие всем, кто приехал в его поезде. Но Розанов по-прежнему ничего не предпринимал.

Вечером 17-го союзные командующие провели встречу, с тем чтобы разработать план по предотвращению убийств и мародерства, а также причинения вреда союзникам, находившимся в городе. Они пришли к выводу, что речь идет о политическом противостоянии, и решили соблюдать нейтралитет. Город поделили на сектора, безопасность в которых должны были поддерживать силы каждой из союзных держав. Генерал Розанов утверждает, что, после того как союзные командующие решили соблюдать нейтралитет, японцы прислали ему письмо с пожеланием «скорейшего и успешного подавления мятежа до утра 18 ноября». Я не знаю, есть ли в этом сообщении какая-то доля правды или нет.

Ходили слухи, будто бы японцы разместили свои войска так, чтобы никто не мог прийти на помощь Гайде, и что они не позволили бы его войскам выйти с территории железнодорожного вокзала, где держали их, как в мышеловке. Я так и не получил какой-либо достойной доверия информации, которая позволила бы мне обвинить японские войска в нарушении нейтралитета.

Розанов не мог удержаться, чтобы не обвинить американцев в том, что они не соблюдали нейтралитет. Он писал: «Дважды за ночь американцы открывали пулеметный огонь по правительственным войскам».

Я знаю, что эта часть его доклада является ложью.

К часу или двум утра 18-го стало известно, что Розанов преуспел, Гайда побежден, хотя он и его сторонники еще оставались на железнодорожном вокзале, который Розанов обстреливал со своего маленького эсминца и полевой артиллерией.

Во время этого боя я стал свидетелем поразительного мужества некоторых русских солдат. Русские установили пулемет на пересечении двух улиц без всякого прикрытия. У противника, очевидно, их было несколько, и очень скоро человек, занявший место у пулемета, был убит. Не пытаясь передвинуть пулемет или как-то защитить его, это место занимали другие, которых убивали одного за

другим. Я видел это из окна своей спальни, и, сколько я ни смотрел, солдаты без малейшего сомнения добровольно шли туда, где их ждала неминуемая смерть.

Около четырех или пяти утра в мою штаб-квартиру пришел чешский генерал Чечек, который рассказал, что войска Розанова загнали Гайду и его людей в угол железнодорожного вокзала, и попросил, чтобы я пошел с ним и потребовал передать Гайду чехам. Мне было жаль Гайду, но я сказал Чечеку, что не могу принимать участия в боях, за исключением тех случаев, когда речь идет о защите жизни и собственности в соответствии с договоренностью, достигнутой на вчерашней встрече союзных командующих.

Рано утром Гайда получил легкое ранение и сдался. Присутствие чехов безусловно повлияло на действия Розанова в отношении Гайды. Они не позволили бы Розанову зверски расправиться с Гайдой и теми немногими сторонниками, которые оставались с ним, как он поступал со многими русскими, попавшими к нему в руки. На вокзале были захвачены восемнадцать или двадцать русских, принадлежавших к различным организациям Владивостока. Люди Розанова взяли этих молодых людей, вывели их с вокзала и предложили немедленно вступить в войско Розанова. Все они ответили, что лучше тысячу раз умереть, чем присоединиться к этой банде разбойников. Их завели на вокзал и приказали спуститься вниз по лестнице, ведущей в подвальное помещение. Когда они стали спускаться по ступенькам, их всех перестреляли. Это происходило в присутствии нескольких людей, среди которых были американцы.

21 ноября я телеграфировал в Вашингтон:

«От американского Русского сервисного корпуса я получил свидетельства о том, что люди Розанова отказались оказывать помощь раненым. Вместо этого они оставили их на несколько часов лежать на холоде под дождем и снегом, а сами пошли на склад, где тоже были раненые, и перебили их. Есть сообщения и о других убийствах, но я не могу подтвердить достоверность этих сведений. Представитель Розанова заверил меня, что женщины и дети не пострадали.

Под руководством социалистов-революционеров было сформировано правительство под названием Директория

Сибирской областной думы с господином Якушевым в качестве председателя, генералом Гайдой в должности командующего, господином Моравским и полковником Краковецким в качестве членов Директории. Своей конечной целью оно назвало установление власти Учредительного собрания. Никого из этих людей нельзя было отнести к большевикам, как нельзя считать большевистским и само восстание».

В ходе боя полковнику Краковецкому и еще четверым сторонникам Гайды удалось бежать. Они прорвались через охрану у дверей американской штаб-квартиры и попросили защиты. Это поставило меня в весьма щекотливое положение, поскольку мы понимали, что выгнать их из штаб-квартиры – это все равно что отправить на смерть. Я знал, что моя штаб-квартира не может рассматриваться как американская территория, поэтому не мог полагаться на это, защищая их.

В то время во Владивостоке находился адмирал Роджерс, командовавший азиатским флотом. Он сказал, что этих людей можно рассматривать как имеющих право на убежище, и предложил мне сообщить об этом в Вашингтон. Я с радостью согласился на предложение адмирала и в ожидании ответа из Вашингтона передал их под защиту полковника Ф. В. Багби из 31-го пехотного полка. Я отправил телеграмму 18-го и 19-го получил следующий ответ: «Государственный секретарь и военный министр единодушны в том, что вашу штаб-квартиру нельзя считать американской территорией».

Еще до того, как пришел ответ на первую телеграмму, я отправил вторую: «Розанов расстреливает пленных. Если я передам людей, находящихся в моей штаб-квартире, Розанову, все они, или как минимум некоторые, будут расстреляны. С точки зрения укрепления американского престижа было бы очень желательно считать мою штаб-квартиру американской территорией».

Я понимал, что, если отдам пленных Розанову, это будет практически равносильно убийству, поскольку русские сторонники Колчака не следовали практике цивилизованных народов. Я знал, что в отношении этих людей не будут соблюдаться права военнопленных, действовавшие во время мировой войны. Я хватался за любую

возможность потянуть время и убеждал себя, что меня оправдывает необходимость дождаться ответа на вторую телеграмму, который, как я понимал, уже не придет.

Полковник Багби, которому я поручил охранять пленных, был очень честным добросовестным офицером с высокими идеалами и отличался отменным здравым смыслом. Однажды вечером, когда я сидел у себя в кабинете, охваченный тревогой за судьбу пленных, он вошел ко мне, отдал честь и сказал: «Генерал, пленные сбежали».

Я не мог выразить ему, как рад. Собственно говоря, я ничего не мог ему сказать, но за всю свою жизнь не испытывал такого облегчения, как после доклада полковника Багби. Я решил, что не буду сообщать об этом в Вашингтон, поскольку все равно ничего не могу с этим поделать. Меня очень позабавило, что 10 декабря, через двадцать дней после того, как мне сообщили, что у меня нет законных оснований держать этих пленных, я получил из Вашингтона следующую телеграмму: «Следуя общим принципам гуманизма, Государственный департамент советует вам дать пленным возможность покинуть вашу штаб-квартиру до того, как встанет вопрос об их выдаче».

Это выглядело как попытка подготовить алиби на случай, если позже возникнут неприятные вопросы. На самом деле не знаю, что бы делал, если бы не здравый смысл полковника Багби, потому что, отдай я этих пленных Розанову, они были бы мертвы уже по меньшей мере за двадцать дней до того, как я получил эту телеграмму.

Спустя несколько лет после того, как я ушел в отставку, полковник Багби рассказал мне историю побега этих людей. У него был офицер, про которого он знал наверняка, что тот «не станет болтать», поэтому ближе к вечеру он поручил ему перевести пленных в другое «более надежное» место, но, если они убегут, не делать из этого проблемы. Я никогда не сообщал в Вашингтон, что стало с этими людьми.

Позже я узнал, как правильно поступил, когда отказался присоединиться к требованию генерала Чечека передать Гайду чехам. Сторонники Колчака обвинили всех, кто не помогал Колчаку, в том, что они участвовали в тщетной попытке Гайды свергнуть Розанова. Меня сначала обвинили в том, что я готовил этот мятеж, а через несколько дней в том, что его финансировал. Как мало они знали об

устройстве бухгалтерии правительства Соединенных Штатов! В доказательство того, как далеко могут зайти эти глупые заявления, 20 декабря 1920 года мой переводчик в числе прочего писал мне следующее: «Когда я работал с Департаментом морской разведки под руководством капитана Ларимера, лейтенант Мартинек задал мне вопрос: «Правда ли, что вы пообещали Сибирской Директории помощь и признание?» Я ответил Мартинеку, что это чистый вымысел, и могу поклясться, что мы никогда не обещали никому из русских ни поддержки, ни признания».

Поражение Гайды несколько не улучшило политическую ситуацию в Сибири. Колчак отходил на восток, и похоже, все, кроме американского генерального консула, понимали, что он уже почти ничего не значил. 25 ноября я передал в Вашингтон:

«Прибыли три японских транспортника с войсками, и ожидаются еще. Поставки продовольствия почти прекратились, и никакого улучшения не предвидится. Согласно британским источникам, в перехваченной ими радиограмме большевиков сообщалось, что в Омске захвачены десять генералов, сто десять тысяч винтовок и тридцать тысяч пленных. В Иркутске кабинет министров был встречен плохо, земское собрание и городской совет отказались с ними встречаться».

22 ноября министр иностранных дел Сукин сообщил, что Колчак выпустил манифест, в котором выразил раскаяние по поводу ошибок прошлого и заверил, что в будущем будет вести себя хорошо. Теперь Колчак с запозданием обещал отказаться от правления, основанного на военном терроре. Это указывает на то, что Колчак не только знал о страшных зверствах, совершаемых военными, но, с запозданием обещая прекратить эти зверства, предполагал, что, обладая властью, мог остановить их в любое время. Хотя у меня нет доказательств, что Колчак собственноручно способствовал возникновению этой жуткой ситуации на Дальнем Востоке.

Войска Иванова-Ринова избивали мужчин и женщин, мучили и убивали людей только за то, что их сыновей не было дома. И все же Колчак позвал Иванова-Ринова в Омск, произвел его в генерал-лейтенанты и лично вручил ему золотую саблю. Это совсем не похоже на порицание действий Иванова-Ринова. Своим последним актом Колчак назначил преемником Семенова, и это притом, что по всей

Сибири было известно, что есть только один преступник хуже Семенова, это Калмыков. Этот последний акт свидетельствует о том, что Колчак едва ли сильно раскаивался по поводу «жесточкого обращения, которому подвергались его русские собратья» при его правлении.

25 марта 1919 года американский генеральный консул мистер Харрис, который, по словам Колчака, выражал ему чувства самой большой дружбы и особой исключительной симпатии, передал в Соединенные Штаты сведения, полученные от Омского правительства: «Военное, политическое и в том числе международное положение на Дальнем Востоке таково, что российское правительство, хотя формально и сохраняет власть в регионе, практически не имеет возможности осуществлять ее и управлять этой частью страны».

Колчак просил считать эту информацию не просто конфиденциальной, а «строго конфиденциальной, поскольку она не была предоставлена другим союзникам». Почему Колчак не мог сообщить эту информацию своему ментору генералу Ноксу? Если они были такими друзьями, что вместе трудились ради общей цели, то почему он доверил этот секрет только одному из своих друзей? Это было время, когда на Дальнем Востоке хозяйничал Иванов-Ринов и его зверства были в самом разгаре.

В связи с этим заявлением Колчака, несомненно, стоит вспомнить предположение атташе по финансам прежнего российского правительства в Вашингтоне господина Угета, что Верховный правитель делает заявления о своей либеральной политике, чтобы расположить к себе общественное мнение Соединенных Штатов. Колчак находился в щекотливом положении. Он не мог представляться общественному мнению Соединенных Штатов достаточно либеральным, не рискуя оттолкнуть своих сторонников среди русских и союзников. Отсюда чрезвычайная секретность, позволявшая оправдать зачастую противоречивые заявления, призванные ввести в заблуждение, и сделать малозначимыми реальные факты. Фальшивки обычно заметны людям, находящимся на месте событий, но не за 20 тысяч километров оттуда, особенно когда подобные заявления помечены грифом «совершенно секретно».

У меня нет сомнений в том, что так называемое российское посольство в Вашингтоне само предлагало Колчаку некоторые из тех

заявлений, которые он передавал Бахметьеву, чтобы тот мог успокоить Государственный департамент в отношении зверств, совершавшихся в Сибири. Однако лично я сомневаюсь, что Колчак хотя бы на минуту лишился сна из-за происходившего на Дальнем Востоке, а его отношение к Семенову и Иванову-Ринову ясно показывает, что их деяния не тревожили его совесть. Одна из самых сложных задач, вставших передо мной, заключалась в том, как определить, когда слова и дела правдивы, а когда рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение.

В качестве иллюстрации дальневосточной психологии приведу статью, которую я, находясь в Сибири, увидел в японской газете «Кокумин» под заголовком «Замечания маркиза Окумы о международных отношениях». Замечания выглядели следующим образом: «Международные отношения совсем не похожи на отношения между отдельными людьми. Дипломатия руководствуется не моралью и искренностью, она руководствуется простым и чистым своекорыстием. Секрет искусства дипломатии заключается в том, чтобы одолеть соперника хитростью и любыми другими доступными способами».

Это утверждение можно похвалить если не за мораль, то хотя бы за его очевидную искренность и простоту.

В начале ноября поведение некоторых представителей союзников во Владивостоке изменилось. Некоторые начали искать новые ориентиры на случай, когда падет Колчак, а его падение было неминуемо. 7 ноября офицер моей разведки полковник Эйхельсберг в своем донесении сообщал, что «на сегодняшний день около 97 % населения Сибири настроены против Колчака».

13 ноября генерал Семенов-Мерлин, который был первым заместителем Розанова, проинформировал меня, что «казаки желают забыть прошлое в том, что касается американцев, и установить с ними дружеские отношения». Он сказал, что Семенов пришлет ко мне человека узнать, соглашусь ли я встретиться с ним и поговорить в надежде, что им удастся склонить меня иметь с ними дело в будущем, забыв о том, что было в прошлом. Я ответил ему, что готов встретиться с посланцем Семенова, но они должны ясно понимать, что у меня не может быть никаких дел с убийцами.

Человек, приехавший от Семенова, утверждал, что люди из его окружения совершали действия, которые сам Семенов не одобрял, и что на самом деле он до последнего времени не знал, что его офицеры виновны в таких ужасных убийствах. И тут же он заявил, что за эти преступления Семенов недавно расстрелял нескольких своих офицеров; что Семенов хотел бы получить от меня совет, как ему вести себя в будущем; и что готов последовать моему совету. Мой ответ был следующим: «Единственное, что я могу посоветовать Семенову, это следовать хорошо известным моральным нормам в отношении того, что хорошо, а что плохо. Семенов и все его люди знают, что Соединенные Штаты не одобрили бы действий, совершенных им и его войсками. И до тех пор, пока мы не указываем русским, что они должны делать, требуем себе права не иметь дела с теми русскими, которые ведут себя вразрез с нашими моральными нормами».

Помимо этого человека ко мне приходил генерал Романовский и другие реакционеры, чтобы рассказать, что Семенов оказался гораздо более достойным человеком, чем они думали, и что, разобравшись во всем, сочли его не такой уж скверной личностью. После всех этих разговоров я пришел к выводу, что реакционеры, казаки и японцы решили провозгласить Семенова диктатором на той части Сибири, которая находится восточнее озера Байкал. И что подобная акция могла иметь хоть какой-нибудь шанс на успех только при поддержке Японии.

Через день или два я поехал к японскому командующему генералу Юи и имел с ним долгую и весьма приятную беседу о сложившемся положении. Я знал, что генерал Юи исповедовал философию маркиза Окумы: «одолеть соперника хитростью и любыми другими доступными способами», тем не менее я был впечатлен прямотой, с которой он говорил со мной. Он сказал: «Мне известно, что народ Японии не в восторге от того, что японцы в Сибири поддерживают власть монархистов. В дальнейшем моя линия поведения будет состоять в охране железной дороги и оказании экономической помощи всем русским людям. Но я уверен, что, попадая в руки русским чиновникам, эта помощь не доходит до людей».

Японский представитель в Межсоюзническом железнодорожном комитете и позже посол Японии в Соединенных Штатах господин

Мацудайра побеседовал с американским представителем мистером Смитом в том же ключе, в котором генерал Юи говорил со мной. На меня произвело впечатление, что господин Мацудайра приветствовал далеко не все действия японцев в Сибири. Он познакомился со мной еще раньше и выражал сожаление по поводу того, что делали военные, а также надежду, что американцы не считают, будто японский народ одобряет все эти действия. Тем не менее он сказал, что, если иностранцы станут публично критиковать японских военных, японцам это не понравится и сработает в пользу армии.

Однако не вызывало сомнений, что именно военные играли существенную роль в том, что происходило в Сибири.

13 ноября ко мне приехал господин Зумото, член парламента и владелец влиятельного в Азии японского журнала «Геральд». Он принес две написанные им статьи, которые были опубликованы в токийской газете «Шимбун». Эти статьи были весьма либеральными и открыто выражали несогласие с японской политикой в Сибири.

В сообщении об этой встрече, которое отправил послу Моррису в Токио, я писал: «Он сообщил, что еще не говорил об этом с генералом Юи, но кое-кто в армии уже начинает менять свои взгляды. Они считают, что Япония совершила ошибку, поддержав на востоке Сибири жестоких реакционных лидеров, и что ей необходимо изменить свои планы, поддержав такие представительные органы, как земства и кооперативы. В то же время он утверждал, что многие японцы возражают против этого, поскольку считают, что этот план даст американцам слишком большие преимущества в Сибири, и что раз уж мы приехали сюда, то должны последовательно идти своим первоначальным курсом. Господин Зумото заявил, что, несмотря на это, у него нет оснований полагать, что американцы поведут себя нечестно, что он чувствует их правоту, а значит, Япония тоже должна следовать этой политике».

Он выразил надежду, что Япония и Соединенные Штаты смогут работать в Сибири совместно. Господин Зумото посетил также мистера Смита и побеседовал с ним о том же, о чем и со мной. Позже он заявил, что, поговорив со мной, встретился с генералом Юи, который придерживается того же мнения, что и он.

Мы с мистером Смитом обсудили эти заявления, сделанные тремя самыми влиятельными в Сибири японцами, чтобы посмотреть, можем

ли прийти к какому-то заключению по поводу их значимости, однако учитывая, сколько непредвиденных обстоятельств могло возникнуть в будущем, мы так и не пришли ни к какому выводу относительно их намерений. Вскоре оказалось, что во всем имеющем отношение к японским военным никаких изменений не происходит ни в политике, ни в практике, а значит, все эти заявления ровным счетом ничего не значили.

Соединенные Штаты, по-видимому, оказались последней страной, которая еще не утратила надежду на адмирала Колчака. 7 декабря 1919 года государственный секретарь Соединенных Штатов выразил пожелание, чтобы адмирал Колчак продолжал возглавлять какое-нибудь правительство в Сибири. Государственный секретарь добавил, что это сохранит ценность и значимость демократических заверений, данных адмиралом Колчаком.

Как было отмечено выше, демократические заверения давались легко и свободно, однако никаких демократичных действий со стороны Колчака мне так и не довелось увидеть ни самому, ни обнаружить в донесениях моих военных наблюдателей. Судя по всему, Япония рассказывала Государственному департаменту о своих демократических идеях в отношении Дальнего Востока то же самое, о чем ее представители беседовали со мной. Во всяком случае, государственный секретарь с большим восторгом отзывался о словах японцев о том, что местное самоуправление должно опираться «на широкие слои народа». Полагаю, это еще один пример философии маркиза Окумы в действии.

Заявление госсекретаря вкупе с поддержкой Колчака Государственным департаментом предполагает, что в Государственном департаменте считали, будто власть Колчака опирается на широкие народные массы. Мои личные наблюдения в сочетании с полученными мной донесениями привели меня к выводу, что ни в какой период времени власть Колчака не пользовалась поддержкой более 7 процентов населения. С того момента, когда 18 ноября 1918 года Колчак захватил власть, и до того, когда он издал приказ о мобилизации, поручив его выполнение Иванову-Ринову, отношение крестьян к Колчаку было достаточно неопределенным.

После того как Иванов-Ринов в попытке мобилизовать их на военную службу стал применять по отношению к ним чрезвычайно

жесткие меры, Колчак не продержался бы и месяца без поддержки находившихся в Сибири иностранных войск. Мои выводы не были сделаны задним числом, в своих докладах из Сибири я постоянно призывал обратить внимание на эту ситуацию.

7 декабря 1919 года государственный секретарь Соединенных Штатов в числе прочего телеграфировал американскому послу в Токио следующее: «Это правительство не предлагает нам ни в какой форме отступить от принципов невмешательства во внутренние дела России».

Ни находясь в Сибири, ни потом я так и не смог понять ход рассуждений Государственного департамента, которые привели его к выводу, что правительство Соединенных Штатов может посылать Колчаку оружие и боеприпасы и что военному министерству следует привлечь меня к оказанию помощи Колчаку. Дважды с помощью представителя Государственного департамента внимание представителей военного министерства привлекали к тому, что мои ошибки привели к провалу попыток помочь Колчаку. И после всего этого они продолжали заявлять о «невмешательстве во внутренние дела России».

Я знаю, что в качестве ответа на одно из таких утверждений, направленных военному министерству, представителя Государственного департамента уведомили, что военное министерство толкует данные мне предписания точно так же, как я, и в случае если Государственный департамент толкует их иначе, эти расхождения предлагается обсудить на встрече государственного секретаря и военного министра, где они, несомненно, будут урегулированы. Ни мне, ни моему информатору не известно, предпринимались ли в связи с этим какие-нибудь дальнейшие шаги.

Мне известно лишь одно, что за время моего пребывания в Сибири ни одно слово в моих первоначальных предписаниях не было изменено.

12 декабря во Владивосток прибыл офицер американской армии, которому было приказано подготовить доклад для генерального консула Харриса. Учитывая ситуацию, существовавшую на то время в Сибири, это было не просто необычно, а беспрецедентно, и я не мог не почувствовать, что это камень в мой огород. Я не верил, что генерал Марч знал об этом приказе, а поскольку офицер служил в управлении военной разведки, я пришел к заключению, что Государственный

департамент добился издания этого приказа через руководителя военной разведки генерала Черчилля. Конечно, я понимал, что приказ армейскому офицеру в ранге полковника или подполковника – не помню точно – подготовить доклад для генерального консула преследовал какую-то цель. Мне сообщали, что мои донесения существенно отличаются от докладов, которые посылал генеральный консул, и я пришел к заключению, что цель состоит в том, чтобы иметь в Сибири армейского офицера, присылающего доклады, отличающиеся от моих. У этого офицера имелась при себе подготовленная в управлении военной разведки памятка, которую он по неосторожности показал офицеру моей разведки полковнику Эйхельсбергу. В этой памятке значилось следующее: «Американские войска находятся в Сибири прежде всего для того, чтобы поддержать Колчака против большевиков, обеспечивая работоспособность железнодорожных линий Транссибирской магистрали».

Это был официальный документ, дискредитировавший неоднократно повторяемые мной в Сибири заявления, что я не намерен вмешиваться во внутренние конфликты русских. Документ имел для меня такую исключительную важность, что я отправил генералу Марчу телеграмму с просьбой, чтобы этому офицеру приказали вырвать из памятки эту страницу и сжечь ее в моем присутствии. Моя просьба была одобрена, и данную фразу убрали, как я и предлагал.

Откуда генерал Черчилль раздобыл информацию, чтобы обосновать такое утверждение? Я не думаю, что генерал Черчилль когда-нибудь видел данные мне предписания, но не верю и в то, что он стал бы выдумывать подобное утверждение с целью дискредитировать мое хорошо известное толкование этих предписаний. Если бы он, прежде чем сделать подобное противоречащее фактам утверждение, обращался в соответствующие инстанции военного министерства, куда ему следовало обратиться за информацией, ему бы сказали, что мое толкование данных мне предписаний полностью совпадает с толкованием военного министерства. Я придерживаюсь мнения, что генерал Черчилль обращался за интерпретацией данных мне предписаний к мистеру Девицку С. Пулу из Государственного департамента.

Через несколько дней после того, как офицер уехал из Владивостока в Читу, чтобы отчитаться перед генеральным консулом

Харрисом, я получил телеграмму от генерала Марча, где говорилось, что этому офицеру необходимо соблюдать дисциплину и что он не имеет права что-либо посылать из Сибири, если не будет делать это через меня. После этого мне стало ясно, что мое предположение о происхождении приказа правильно.

Поскольку официальной причиной присутствия войск Соединенных Штатов в Сибири называлось обеспечение нормальной эксплуатации железных дорог в интересах русского народа, я рассматриваю следующее письмо, полученное от полковника Г. Х. Эмерсона, первого заместителя мистера Стивенса, как лучшее из доступных свидетельств работы Межсоюзнического железнодорожного соглашения. Полковник Эмерсон проводил практически все время в поездках по железной дороге и, как никто другой в Сибири, имел возможность наблюдать за действием этого соглашения. В письме, датированном 13 декабря, он пишет следующее:

«Моя отставка принята. Покидая Русский железнодорожный корпус, я хочу поблагодарить вас за многочисленные любезности, оказанные мне лично и другим служащим корпуса.

Русский железнодорожный сервисный корпус, назначенный осуществлять техническую инспекцию согласно Межсоюзническому соглашению, сделал все возможное, чтобы помочь поддержанию железной дороги в работоспособном состоянии. Однако мы постоянно сталкивались с самыми разнообразными способами противодействия со стороны русских военных и русских железнодорожных чиновников. Несмотря на то что после получения официальной информации о неспособности Омского правительства выполнять условия соглашения мы прилагали все усилия, чтобы оказать помощь в рамках имевшихся у нас совещательных полномочий, все предложения, высказанные техническими инспекторами, были проигнорированы.

В каждом случае, когда нам случалось иметь дело с железнодорожными линиями, не соответствующими

соглашению, охрану которых несли ваши войска, ваши офицеры оказывали нам всевозможное содействие. В результате железнодорожные служащие искренне старались сотрудничать с техническими инспекторами, и то немногое, что можно было сделать для улучшения железнодорожного сообщения, было полностью выполнено в том секторе, который охранялся американскими и китайскими войсками.

Наши сотрудники, приписанные к району от Маньчжурии до Верхнеудинска, который в соответствии с соглашением находился под охраной японцев, подверглись оскорблениям, а в двух случаях военные под командованием Семенова даже заставляли их выйти из поезда. И если бы не твердость, проявленная полковником Морроу по защите наших служащих, приписанных к данному району, я полагаю, что они могли быть уничтожены бандами головорезов, орудовавших под командованием Семенова.

В завершение мне хотелось бы выразить твердую уверенность в том, что, если бы командующие другими союзническими войсками, занятыми в охране железной дороги, проявляли бы такую же стойкость, как вы, Межсоюзническое железнодорожное соглашение было бы успешно выполнено».

Колчак больше не играл никакой существенной роли в том, что происходило в Сибири. В ночь с 13 на 14 декабря британская миссия сообщила об эвакуации из Ново-Николаевска, и 14-го Колчак уже отошел на восток до самого Мариинска. На железной дороге возникло страшное и постыдное столпотворение, ставшее поводом для обвинений и контробвинений в нечестности при распределении локомотивов, которых отчаянно не хватало.

23 декабря полковник Эйхельсберг предал мне следующую информацию, полученную от польской миссии:

«На станции Татарская адмирал Колчак обратился в польскую миссию за защитой от собственных солдат, пытавшихся его арестовать, и был препровожден в польский бронепоезд.

Колчак выразил русским и союзным властям протест против того, чтобы его передвижением на восток руководили чехи. Он заявил, что

подвергается со стороны чехов угрозам и оскорблениям.

Семенов отправил чехам телеграмму, требуя, чтобы поезду, на котором везут высшее российское командование, больных, раненых и их семьи, а также остатки национального достояния, разрешили проехать в Иркутск».

Последнее требование было для Семенова далеко не маловажным.

24 декабря генерал Нокс сообщил мне, что чехи будут сопровождать Колчака из Красноярска в Иркутск.

18 января чешский гражданский представитель на Дальнем Востоке доктор Гирза сказал, что он говорил с начальником чешского штаба в Иркутске по прямому проводу и его проинформировали, что Колчак в плену у социалистов-революционеров.

Получить новости непосредственно из Иркутска было очень сложно.

Позже нам сообщили, что представители союзников, включая генерального консула Харриса, уехали из Иркутска в Читу за четыре или пять дней до того, как в этот город прибыл Колчак под защитой чехов.

Социалисты-революционеры потребовали, чтобы Колчака передали им, и предупредили чехов, что, если те откажут, они попытаются отбить его силой. Учитывая оскорбления, которым подвергались чехи со стороны Колчака и его сторонников, было бы нерезонно ожидать, что они станут за него биться. Особый гнев иркутских эсеров вызвали действия одного из генералов Семенова, который, покидая Иркутск перед прибытием Колчака, забрал с собой двадцать самых видных людей города под предлогом, что, если их там оставить, они могут создавать проблемы. Этот генерал уверял жителей Иркутска, что собирается отправить их на восток, но дал понять, что не намерен причинять им вреда, а сам увез на Байкал, убил и сбросил тела в озеро.

Конечно, Колчак не имел к этому никакого отношения, но возмущение людей распространилось и на него, поскольку в таких случаях человеческая ярость выплескивает через край. Колчака отдали под трибунал, осудили и утром 7 февраля 1920 года расстреляли.

В декабре 1919 года сто тысяч человек, одетых, вооруженных и снабженных всем необходимым британцами, перешли на сторону большевиков, которые отправили генералу Ноксу телеграмму с

благодарностью за предоставленную советским войскам одежду и экипировку. Теперь они обладали достаточной силой, чтобы требовать справедливого отношения со стороны иностранцев, находившихся в Сибири. Они больше не собирались терпеть положение, когда железные дороги, находившиеся под охраной иностранных войск, использовались исключительно в интересах их врагов.

Американцы делали все, что могли, чтобы защитить железную дорогу на участках, определенных как зона их ответственности. И поскольку эти участки были разбросаны по достаточно большой территории, американские войска пришлось разделить на небольшие отряды для охраны каждого из них. Положение этих отрядов становилось все более опасным, поскольку эти малочисленные отряды не смогли бы справиться с гораздо более крупными частями, угрожавшими атаковать нас.

В декабре один из командиров противостоящих Колчаку сил приехал к майору Миласки из 31-го пехотного полка, в обязанности которого входила охрана сучанской железнодорожной ветки. Он заявил, что они не хотели бы конфликтовать с американцами, но заметил, что, охраняя железную дорогу, мы помогаем кучке реакционеров и оттягиваем окончательное решение их проблем. И поскольку его обязанность – предотвращать возможные поставки угля и оружия Колчаку, он будет вынужден пойти на конфликт с нами, если этого потребует достижение поставленной задачи. Он также сказал, что они не намерены препятствовать передвижению любых других поездов.

Кто смог бы обвинить этих людей? Правительство Колчака было всего лишь оболочкой, не пользовавшейся никакой поддержкой среди русских, если не считать кучки бывших царских офицеров.

27 декабря я телеграфировал военному министерству следующее: «Безопасность американских войск требует их концентрации, и, следовательно, они должны оставить часть секторов, назначенных им для охраны. Мы находимся все ближе к тем местам, где Калмыков, Семенов и Розанов ведут бои с русскими, которые заявляют, что хотят установить на востоке представительную власть. Эти люди не являются большевиками в том смысле, как это понимают в Соединенных Штатах».

29 декабря я получил следующую телеграмму: «Совершенно секретно сообщаем вам, что через несколько дней вы получите приказ о всеобщем отступлении ваших войск. Держите это в тайне до тех пор, пока не получите приказ».

Мне велели сконцентрировать свою команду, но не называть реальную причину, пока не придет время заявить об отступлении. Несомненно, за этой секретностью скрывалась попытка заставить японцев понять, что их миссия завершена, и выполнить то, в чем они заверяли русских, когда входили в Сибирь, а именно: «Япония заявляет, что после достижения указанной выше цели она незамедлительно выведет свои войска с территории России и оставит неприкосновенным суверенитет России во всех вопросах, как политических, так и военных».

Цель, которую имели в виду японцы, состояла в том, чтобы помочь чехам выбраться из Сибири, поскольку сообщалось, что им угрожает опасность со стороны немецких и австро-венгерских военнопленных. Но если учесть, что в тех местах Восточной Сибири, где действовали японцы, чехи никогда не нуждались в военной помощи, казалось разумным ожидать, что они уйдут.

31 мая 1920 года, за день до моего отъезда из Сибири, японское правительство выпустило заявление, которое я, однако, не видел, когда находился там. Оно было следующим: «Императорское правительство, пользуясь случаем, заявляет о своем намерении незамедлительно вывести свои войска из всех частей Сибири после завершения репатриации чехословацкой армии, когда политическое устройство в странах, соприкасающихся или граничащих с Японией, будет базироваться на надежном, устойчивом фундаменте и исключит любые угрозы в отношении Маньчжурии и Кореи; когда жизни и собственности подданных императора будет гарантирована безопасность; когда будет обеспечена свобода передвижения и коммуникаций».

Япония не собиралась позволять какой-то другой нации определять, когда «политическое устройство в странах, соприкасающихся или граничащих с Японией, будет базироваться на надежном устойчивом фундаменте», а также когда будут ликвидированы «угрозы в отношении Маньчжурии и Кореи». Следует сказать, что заявление Японии, процитированное выше, означало, что

Япония не уйдет из Сибири, пока не сочтет, что готова уйти, или пока ее не заставят это сделать.

Заявление Японии от 31 марта 1920 года было равносильно отказу от ее заявления, сделанного 3 августа 1918 года, непосредственно перед отправкой войск в Сибирь. Я приехал во Владивосток 2 сентября 1918 года, всего через месяц после того, как это заявление было сделано, и все еще находился там, когда было сделано второе. За все это время я ни разу не видел и не слышал о каких-либо агрессивных действиях русских в отношении японцев.

Получив приказ сконцентрировать американские войска, я почувствовал значительное облегчение, а мои солдаты встретили его с большой радостью.

Вскоре стало очевидно, что японцы планируют остаться в Сибири под благовидным предлогом, что они обязаны удостовериться в благополучном завершении эвакуации чехов и только потом смогут уйти. В то же время их марионетка Семенов стал предпринимать попытки помешать эвакуации. Это нашло отражение в резолюциях Межсоюзнического железнодорожного комитета и его Технического управления. Резолюция Технического управления от 14 апреля 1920 года гласила: «6 апреля в Маньчжурии были неожиданно арестованы и позже расстреляны японскими солдатами без суда и следствия двое русских железнодорожников. Вечером 8 апреля японские солдаты не разрешили двоим русским проехать по мосту через Сунгари в Харбине, несмотря на наличие у них документов, разрешающих проезд. Одного из них скинули с моста, другого японские солдаты сильно ударили по голове. Оба получили тяжелые ранения. 8 апреля в Харбине японские солдаты неожиданно арестовали железнодорожников. Их заперли в вагоне японских военных и позже увезли в неизвестном направлении. 10 апреля трое русских железнодорожников были арестованы японскими солдатами на станции Маньчжурия. Эти акты насилия вызвали широкое возмущение и волнение среди железнодорожников, которое с большой вероятностью может стать причиной серьезных проблем, ведущих к нарушениям в работе железнодорожных линий, а также к волнениям во всем регионе и к задержке эвакуации чехов. Все это способно свести на нет весь смысл работы Технического управления. Эти действия можно расценивать как прямое нарушение

Межсоюзнического соглашения в части охраны Китайско-Восточной железной дороги, поскольку она обозначена союзными державами как зона ответственности китайского правительства, и, следовательно, войска никакой другой державы не имеют права охранять этот участок железной дороги. Учитывая все вышесказанное, Техническое управление выражает самый решительный протест против вмешательства и неправомерных действий японских войск и требует от японских властей гарантий того, что они не повторятся в дальнейшем».

Не следует забывать, что в то время, когда американцы ушли из Сибири, японцы заявили, что их обязанность перед чехами оставаться там до тех пор, пока не будет эвакуирован последний чех.

Сейчас передо мной лежат десять страниц, отпечатанных мелким шрифтом, и все они касаются действий японцев или их марионетки Семенова, которые мешали эксплуатации железной дороги в соответствии с Межсоюзническим железнодорожным соглашением. Каждый честный человек пришел бы к выводу, что японцы и Семенов пытались заблокировать работу Технического управления и таким образом отсрочить эвакуацию чехов, чтобы у японских войск был предлог оставаться в Сибири.

24 апреля члены Межсоюзнического комитета от Китая, Франции, Соединенных Штатов, Чехословакии и Великобритании отправили заинтересованным правительствам телеграмму, где в числе прочего говорилось следующее: «Японские военные власти согласились с действиями полковника Миди и тем самым узурпировали функции, по праву принадлежащие Техническому и Транспортному управлениям, после чего воспользовались ими таким образом, что только добавили неразберихи на железной дороге, чем реально замедлили продвижение чехословаков».

Мистер Смит, посланный Межсоюзническим комитетом в район Забайкалья, чтобы в качестве его представителя участвовать в эвакуации чехов, пришел к выводу, с которым согласился комитет, что имело место намеренное вмешательство в работу железной дороги с целью отсрочить эвакуацию чехов. Доктор Гирза официально заявил Межсоюзническому комитету, что чехам не нужна помощь японцев в эвакуации.

Японское министерство иностранных дел сделало американскому послу в Японии мистеру Моррису представление о том, что объявление Соединенными Штатами о намерении вывести свои войска из Сибири, в то время как Япония не готова сделать аналогичное заявление, демонстрирует недостаточный уровень сотрудничества с Японией, поскольку, если бы не это заявление, Япония, возможно, сама вывела свои войска. Им удалось, хотя бы отчасти, убедить мистера Морриса в справедливости этого предположения.

В двухсотпятидесятистраничной книге, написанной японским журналистом К. К. Каваками, под названием «Тихоокеанская политика Японии», приводится следующее утверждение по поводу вывода американских войск: «Если бы вашингтонское правительство относилось к Японии с таким же доверием и искренностью, как в 1918 году, возможно было бы проведение одновременного полного вывода войск весной 1920 года».

По моему мнению, такие предположения дают серьезные основания обвинить Японию в неискренности относительно ее целей в Сибири. Я не верю, что вывод американских войск каким-то образом повлиял на принятие Японией решения о том, чтобы остаться в Сибири. Предположение о том, что Япония могла бы вывести свои войска, если бы Соединенные Штаты проконсультивались с ней, несомненно, было высказано кем-то из представителей японских властей в Токио, поскольку и мистер Моррис, и мистер Каваками на это ссылались. В разговоре с одним из офицеров моего штаба относительно вывода американских войск мистер Моррис, судя по всему, порицал меня за слишком жесткие заявления. Такое поведение Японии наверняка имело целью уменьшить критику со стороны других наций за ее намерение продолжить оккупацию Сибири вразрез с целями, объявленными 3 августа 1918 года.

В своей речи на Конференции по ограничению вооружений, проходившей в Вашингтоне в 1921–1922 годах, барон Шидехара сказал, что японские войска остались в Сибири, потому что, «во-первых, там проживало достаточное количество японцев, которые переселились туда задолго до большевистского восстания на законных основаниях и под гарантии безопасности и были приняты вполне доброжелательно... и что эти резиденты едва ли могли рассчитывать

на защиту своей жизни и собственности от каких-то других властей, кроме японских войск».

В то же время барон Шидехара заявил: «Существовала еще одна трудность, с которой столкнулась Япония в процессе вывода своих войск из Приморской области. Благодаря своему географическому положению и общей ситуации, обстановка во Владивостоке и Никольске влияла на безопасность на корейской границе».

Ни одно из этих соображений не было упомянуто Японией в ее заявлении от 3 августа 1918 года, где приводились причины и цели предпринятой ею интервенции в Сибирь. Что заставило японское правительство поверить, будто бы жизни и собственности японских резидентов в Сибири и на границе с Кореей понадобилась защита в 1920 году, когда ушли американские войска, и почему она не была им нужна в 1918-м? В 1920 году отношение к японцам стало гораздо хуже, чем в 1918-м, но это возмущение было обращено на японских военных, по причине их действий за время интервенции. По моему мнению, истинные цели Японии в Сибири никогда не озвучивались публично.

Когда американские солдаты стали возвращаться в Соединенные Штаты, вернее, даже вскоре после того, как стало известно об их скором возвращении, мое внимание привлек тот факт, что некоторые из них женились на русских женщинах. Слишком многие из этих женщин на законных основаниях не смогли бы получить разрешение на въезд в Соединенные Штаты, и я понял, что надо предпринять какие-то шаги, чтобы остановить их. Я чувствовал, что это не по-американски, но, воспользовавшись своей властью, старался объяснить солдату, что ему не нужно жениться, чтобы не столкнуться с подобной ситуацией. Я издал приказ, что, если солдат женится без согласия своего непосредственного командира, я не допущу его жену на транспортный корабль, идущий в Соединенные Штаты. В то же время я проинструктировал командиров, чтобы они старались выяснить, может ли женщина, на которой хочет жениться их подчиненный, получить по закону разрешение на въезд в Соединенные Штаты и не является ли она уже замужней. Позволяет ли ее репутация получить разрешение на свадьбу или нет. Этот шаг был предпринят в интересах солдат и в интересах Соединенных Штатов. Очевидно, что мой приказ не встретил искреннего одобрения властей в Вашингтоне,

где не могли правильно оценить реальную ситуацию, и по наущению кого-то из сотрудников Красного Креста мне приказали обеспечить переезд даже для самой беспутной женщины, если она вышла замуж за американского солдата. Я выразил протест против этого приказа, и в конце концов мне сказали, что я должен позволить жене солдата приехать в Соединенные Штаты, если убежден, что солдат женился на ней с мыслью обеспечить ее социальную реабилитацию. Мне пришлось сознаться в своей неспособности определить истинные намерения солдата, поэтому я передал это дело своему начальнику штаба и однокашнику полковнику Дж. Д. Лейтчу, чтобы он принимал решение по своему разумению. Относительно женщин, которые проживали во Владивостоке, я обратился за помощью в принятии решения к руководителю YWCA. Я чувствовал, что благодаря моим приказам удалось кое-чего добиться, но результат явно не дотягивал до моих ожиданий.

Похоже, что, рассказывая о событиях, происходивших в Восточной Сибири, очень тяжело избавиться от упоминания Семенова и Калмыкова, поэтому я должен попросить у читателя прощения за то, что снова возвращусь к Семенову.

9 января 1920 года в Верхнеудинск, находившийся в зоне ответственности американских войск, прибыл бронепоезд Семенова, и его люди арестовали начальника станции. Бронепоездом командовал генерал Богомолец – один из генералов Семенова. Полковник Морроу приехал к генералу Богомольцу и спросил, знает ли тот, что он, полковник Морроу, отвечает за охрану этого участка железной дороги, и он не допустит, чтобы кто-то другой являлся в его сектор и арестовывал железнодорожников. Генерал Богомолец ответил: «Я не собираюсь отчитываться перед вами за наши действия и больше не намерен разговаривать с вами на эту тему».

Полковник Морроу возразил: «Позвольте вам заметить, что я не хочу создавать вам проблем, однако у меня есть двадцать пять сотен человек, готовых выполнять мои приказы. Я должен знать, почему арестован человек, находящийся под моей защитой».

Генерал Богомолец объяснил: «Мне сказали, что он большевик, и я хочу казнить его сегодня же ночью. Но если вы настаиваете, я его отпущу. Это ничего не меняет. Если начальник станции виновен, мы достанем его рано или поздно».

Начальника станции отпустили. Бронепоезд двинулся на запад и около полуночи прибыл на станцию Посольская, где службу по охране железной дороги несли американские солдаты под командованием лейтенанта Пола Кенделла. В час ночи, когда американцы спали, бронепоезд обстрелял вагоны, где они жили. Полковник Морроу телеграфировал следующее: «10 января в час пополудни бронепоезд Семенова обстрелял американский отряд из тридцати восьми человек, находившийся в своих вагонах на станции Посольская. Отряд вступил в бой и захватил бронепоезд. В плен взяты один генерал, шесть офицеров и сорок восемь солдат. Американские потери: один человек умер от ран, один тяжело ранен. Потери среди русских: пять человек убиты, несколько ранены».

Мне было жаль, что лейтенант Кенделл, взявший в плен Богомольца, не повесил его на телеграфном столбе, но он действовал в рамках закона и на деле продемонстрировал лучшие качества солдата. Этот молодой офицер достоин огромного уважения, как командир, сумевший отразить неожиданное нападение и захватить противника, значительно превосходящего его вооружением.

Суда для этих людей не существовало, и Семенов поднял крик, требуя вернуть ему бронепоезд. Он уверял полковника Морроу, что, если тот передаст ему пленных, они будут наказаны. Полковник Морроу должен был уехать из Верхнеудинска 23 января. Он удерживал этих пленных до самого отъезда, после чего передал их представителям Семенова. Он взял показания у каждого из этих людей по отдельности, и их заявления по поводу того, что происходило в этом бронепоезде, совпали самым удивительным образом. Было установлено, что с 1 по 10 января команда этого бронепоезда ограбила и зверски убила сорок мужчин и трех женщин, которые перед этим были изнасилованы.

И это тот самый Семенов, который в 1919 году ограбил поезд с мехами, принадлежавшими одной компании из Нью-Йорка и, как утверждалось, стоившими полмиллиона долларов; тот самый Семенов, который захватил трех американцев, находившихся в увольнении, и зверски убил их без всякой причины, кроме той, что на них была форма американской армии. Это убийство произошло уже после того, как я уехал из Сибири, но мистер Джон Стивенс сообщил мне о нем, и я отправил соответствующее донесение военному министерству. И

этот Семенов позже приехал в Соединенные Штаты через порт Ванкувера и направился напрямик в Вашингтон, где, как мне известно, имел беседу с одним из американских официальных лиц и, как я подозреваю, встречался с другими.

Уезжая из Сибири, полковник Морроу обнаружил, что офицер, направленный в Сибирь, чтобы готовить доклады для генерального консула Харриса, о котором я упоминал выше, по собственному утверждению этого офицера, «обосновался в штаб-квартире Семенова». Когда он поведал полковнику Морроу, что связался с Семеновым, тот сказал: «Разве вы не знаете, что он убийца? Разве вам неизвестно, что он убил нескольких моих людей?»

Офицер ответил: «Семенов единственный, кто стоит между цивилизацией и большевизмом, и я не намерен слушать про него ничего плохого».

Мысль о том, что Семенов может принести пользу современной цивилизации, была в высшей степени абсурдна.

Почему американский генеральный консул приказал или разрешил офицеру американской армии обосноваться в штаб-квартире этого печально известного негодяя и убийцы? Совершенно невозможно, чтобы характеристика и репутация Семенова не были известны мистеру Харрису. И если бы Семенов совершил в Соединенных Штатах хотя бы сотую долю тех преступлений, которые он совершил в Сибири, он был бы убит по закону или не по закону, потому что такая личность не может существовать в нашей стране.

Полковник Морроу хотел показать тому офицеру свидетельства, оставшиеся после обстрела американского поезда и убийства двух американских солдат, но тот возразил: «Вы не имеете ко мне никакого отношения, и генерал Грейвс не имеет ко мне никакого отношения».

Тогда полковник Морроу сказал, что намерен отвезти его во Владивосток для доклада генералу Грейвсу. Тот возражал, но ему сказали, что, если он будет сопротивляться, к нему применят силу. Генеральный консул Харрис выразил мне протест, говоря, что этот офицер подчиняется ему, и полковник Морроу не имеет права его задерживать. Он потребовал, чтобы полковник Морроу отпустил офицера. Я отказал ему в этом, и генеральный консул Харрис обратился с этим в Государственный департамент. Я получил

телеграмму от генерала Марча: «У Морроу возник какой-то конфликт с... разберитесь с этим».

Когда две недели спустя полковник Морроу прибыл во Владивосток, он получил доклад от офицера медицинской службы, которому приказал сопровождать того офицера по пути во Владивосток, чтобы подготовить полковнику свое заключение. В докладе говорилось, что офицер психически нездоров.

Меня не устраивало, что в отношении этого офицера могла быть допущена несправедливость, и я приказал создать комиссию из трех старших офицеров медицинской службы, находившихся во Владивостоке, чтобы освидетельствовать его в связи с заключением, полученным полковником Морроу. Комиссия сообщила, что они не согласны с докладом, который был сделан врачом для полковника Морроу, но, по их мнению, этот офицер обладает чрезвычайно нервическим темпераментом, и они считают неразумным и небезопасным оставлять его в Сибири. Я одобрил этот доклад и продержал этого офицера во Владивостоке до тех пор, пока не представилась возможность отправить его назад в Соединенные Штаты.

Что касается приезда Семенова в Соединенные Штаты в 1922 году, у меня есть основания считать, что эта поездка не стала неожиданностью для миграционной службы Соединенных Штатов, невзирая на тот факт, что он зверски убивал американцев.

Мистер С. Х. Смит, представитель Соединенных Штатов в Межсоюзническом железнодорожном комитете, проинформировал меня, что перед приездом Семенова он, мистер Смит, пошел в телеграфный офис в отеле «Макальпин» в Нью-Йорке, чтобы отправить телеграмму своей жене в Калифорнию, и в этой телеграмме упомянул про Сибирь. Женщина-телеграфистка сказала мистеру Смигу, что из Сибири в Соединенные Штаты приезжает какой-то очень важный человек. Мистер Смит спросил, откуда ей это известно, и она ответила, что посылала сообщение, в котором говорилось, что, если он прибудет в определенное время через порт Ванкувера, у него не возникнет проблем при въезде в Соединенные Штаты. Семенов въехал через Ванкувер примерно в то время, которое телеграфистка назвала мистеру Смигу.

Когда полковник Морроу был в Чите, где находилась штаб-квартира Семенова, он увидел поезд американского Красного Креста с открытыми окнами и дверями вагонов, откуда семеновские солдаты растаскивали привезенное продовольствие. Полковник Морроу отправил об этом в американскую штаб-квартиру во Владивостоке официальное донесение, подписанное им самим и четырьмя другими офицерами. В докладе говорилось, что офицеры не смогли найти представителя Красного Креста, который бы руководил раздачей этого продовольствия. Я переслал донесение доктору Туслеру, требуя объяснений. Он ответил, что представитель Красного Креста присутствовал и наблюдал за раздачей. Он не стал отрицать, что этот подлый убийца русских людей и американских солдат, чьи действия ставили его за грань цивилизованного общества, получал от американского Красного Креста продовольственные поставки для своих войск, которые были закуплены на деньги, пожертвованные великодушными гражданами Соединенных Штатов.

Разгром

Генерала Розанова отстранили от власти во Владивостоке 31 января 1920 года. Этот переворот свершился без боя, и, насколько я помню, был сделан только один выстрел – из орудия полевой артиллерии по зданию, которое занимал генерал Розанов. Снаряд не попал в цель, но, похоже, одного звука оказалось достаточно, чтобы Розанов и поддерживавшие его японцы потеряли самообладание. Японцы, надев на Розанова длинный офицерский плащ и форменную фуражку, отвезли его в японскую штаб-квартиру, на чем и закончилась его бесславная карьера в Сибири.

Американский консул во Владивостоке мистер Макговэн, как только стало известно о свержении Розанова, бросился к майору Джонсону, который с американской стороны отвечал за работу военной полиции Владивостока, и потребовал, чтобы возле дома одного русского был выставлен караул, дабы не допустить проникновения в этот дом представителей какой-либо новой власти.

К сожалению, майор Джонсон поспешил выполнить это требование, не уведомив меня. Позже мистер Макговэн захотел усилить охрану, и тогда майор Джонсон предложил обсудить это со мной. Я не только отказался увеличить охрану, но приказал майору Джонсону снять караул с этого дома.

Позже мне доложили, что из моего офиса мистер Макговэн поехал в дом того русского, где вместе с ним, пока не успели снять караул, сложил в простыню какие-то бумаги и отнес их в американское консульство. Я так и не смог понять, почему мистер Макговэн так бережно относился к бумагам этого русского, тем более что тот не являлся официальным лицом и был одним из самых отъявленных антиамериканистов среди русских, проживавших во Владивостоке. Утверждалось, что он имел обыкновение еженедельно обедать с членами антиамериканского кружка, где высказывался об американцах в самых резких выражениях.

В октябре 1920 года, когда я плыл из Манилы в Нагасаки, капитан транспортника сказал мне, что этот самый русский должен сесть в Нагасаки на корабль, идущий в Сан-Франциско.

Я немедленно связался с генералом Кернаном из Манилы и выразил протест против того, чтобы этот человек плыл в Соединенные Штаты. Я посоветовал ему поговорить с полковником Эйхельсбергом и майором Т. У. Кингом из его штаба, чтобы узнать о том, как плохо относился этот русский к американцам, когда был в Сибири. Генерал Кернан отозвал разрешение пустить русского на борт своего корабля, и мы оставили его в Нагасаки.

Тем не менее позже мне сообщили, что он все же добрался до Соединенных Штатов. Что-то было не так в нашем миграционном законодательстве, или в его правоприменении, если такие, как этот русский и Семенов, оказываются среди немногих счастливых, которым выдают разрешение на въезд в Соединенные Штаты.

Естественно, я предположил, что за этим стоял консул Макговэн, добившийся, чтобы этот русский получил разрешение на въезд в Соединенные Штаты, и невольно задался вопросом, с какой целью он это сделал. Обстоятельства, связанные с этим случаем, таковы, что позволяют делать не самые лучшие предположения.

Майор американской армии П. Р. Феймонвиль, служивший на борту американского корабля «Маунт Вернон», который использовали для эвакуации чехов из Владивостока домой, сообщил мне, что 24 мая 1920 года по прибытии в Панаму получил следующее извещение:

«По сведениям из надежных источников, на борту „Маунт Вернон“, который вскоре прибывает в Панаму, находятся два опасных большевистских функционера родом из Владивостока: Краковецкий и Телюшев. Этим людям было отказано в праве на въезд в Соединенные Штаты через Сан-Франциско. Возможно, они попытаются сойти с корабля в Панаме.

Черчилль,

руководитель военной разведки».

На это сообщение майор Феймонвиль ответил следующее: «Эти двое находятся на борту корабля, но они не большевики и не представляют опасности. С января месяца и до своего отъезда они были самыми большими друзьями Америки в Сибири. Насколько мне

известно, им не отказано в разрешении на въезд через Сан-Франциско, поскольку они не обращались с такой просьбой. Нет ни малейшей вероятности, что они попытаются сойти с корабля в Панаме».

Майор Феймонвиль прислал мне личное письмо об этом инциденте, в котором сообщал: «Большевики сошли на берег, но Гатунский мол еще не взорван!» Люди Макговэна сошли с корабля в Сан-Франциско, и я думаю, что они и были тем самым «надежным источником», на который ссылался генерал Черчилль.

Этот и другие случаи с русскими демонстрировали ожесточение мистера Макговэна против американского экспедиционного корпуса в Сибири. И единственным основанием для этого ожесточения был отказ американской армии, следуя примеру генерального консула Харриса и его самого, поддержать русских монархистов.

К тому времени американцы перестали охранять железную дорогу, за исключением тех случаев, когда это требовалось для обеспечения проезда американцев или чехов во Владивосток, чтобы оттуда отплыть домой.

Японцы вели себя так, словно хотели выразить несогласие со смещением Розанова во Владивостоке, хотя они явно не ожидали, что войска противников Розанова придут в город, минуя железную дорогу, и поэтому были очень удивлены, когда рано утром те походным маршем вошли во Владивосток. Несколько американских офицеров слышали об их приближении и поспешили посмотреть, как они входят в город. Они сообщили мне, что японские военные расположились у моря, поскольку ждали, что войска въедут по железной дороге, и сконцентрировали свои силы вдоль ветки, идущей на Никольск. Они не хотели отступить даже после того, как город был взят, но, хотя это кажется невероятным, похоже, у них отсутствовал план действий. Я лежал в постели с ангиной и не мог выйти из спальни.

Утром 31-го, через три или четыре часа после переворота, из штаб-квартиры мне прислали сообщение, что японцы ввели войска в один из секторов, где американцы осуществляли охрану железной дороги, угрожая безопасности движения в случае начала военных действий. Я возмутился действиями японцев, поскольку они нарушали условия Железнодорожного соглашения, что могло привести к

разрушению тоннеля между Владивостоком и Никольском и сорвать план эвакуации американцев и чехов.

Я понял, что, несмотря на ангину, должен встретиться с генералом Юи, поэтому приказал подать машину и поехал в японскую штаб-квартиру. Я нашел генерала Юи в отвратительном настроении, но сразу же сообщил ему о своем деле и потребовал, чтобы его войска вышли из моего сектора. Генерал ответил, что он выше меня по званию и на этом основании будет командовать мною и американскими войсками, находящимися в Сибири. Я сказал, что он не может командовать американскими войсками, такого никогда не будет, и ему это хорошо известно. На это он возразил, что, как военный человек, я должен понимать необходимость единоначалия в любой военной экспедиции. Я ответил, что могу согласиться с его мнением, однако не могу передать командование американскими войсками без соответствующего распоряжения своего правительства, точно так же, как он не может передать командование японскими войсками без распоряжения японского правительства. Генерал ответил почти сразу: «Я должен признать логику ваших утверждений. Японские войска будут отведены».

Я вернулся в свою штаб-квартиру и, чтобы внести окончательную ясность, написал ему следующее письмо:

«1. В отношении нашего сегодняшнего разговора мне хотелось бы уведомить вас, что я выражаю решительный официальный протест против вмешательства японских войск в работу железной дороги на станции Океанская, находящейся в зоне ответственности американских войск.

2. В соответствии с Межсоюзническим железнодорожным соглашением, одной из сторон которого является Япония, охрана этого сектора железной дороги входит в мои обязанности».

Когда Розанова отстранили от власти, войска, вошедшие в город, не стали создавать новое правительство, а поддержали существующие земские органы власти, которые были готовы и хотели начать работать, однако с приходом Колчака они не только не могли вести регулярную работу, но им запретили обсуждать вопросы, касавшиеся власти Колчака. На вопрос о том, чего хотели эти партизаны, передать власть земствам или Советам, лучшим ответом, пожалуй, стали события, последовавшие за выводом иностранных войск. Но факт остается

фактом: они потребовали, чтобы власть перешла к земствам, как единственным законным органам власти в области.

В силу этого решения главой Приморской области, куда входил Владивосток, стал господин Медведев. Представители земства оказались в очень сложном положении, поскольку в области по-прежнему находились и иностранные, и русские войска, а кроме того, они прекрасно понимали, что японцы возмущены своим отстранением от роли тайных кукловодов. Представители других союзных наций, так же как генеральный консул Харрис, всеми своими действиями демонстрировали, что земство не может ожидать от них такого же благожелательного отношения, как то, которым они удостоили Колчака. К примеру, генеральный консул Харрис отказался принять приглашение на обед, устроенный новыми областными властями. Это ясно указывало на его настроения.

Я больше не получал от Государственного департамента жалоб на то, что не сумел «поддержать усилия русских в вопросах обеспечения самоуправления и самозащиты, в которых они хотели бы получить помощь». Однако устами генерала Черчилля меня обвинили в неисполнении данных мне предписаний, поскольку я не поддержал «усилия в вопросах обеспечения самоуправления», предпринятые Колчаком. Но если бы с моей стороны было логично помогать Колчаку без соответствующих инструкций, то не менее логично было помочь новой земской власти, поскольку все русские хотели этой помощи, что было единственным условием, на котором я имел право ее предоставить согласно данным мне приказам. Конечно, президент или кто-то другой, давший мне предписание, не мог ожидать, что военный станет помогать одной из противоборствующих сторон, не получив соответствующих инструкций из Вашингтона.

Члены земского собрания относились к своим новым обязанностям очень серьезно. Господин Медведев приезжал ко мне, как, без сомнения, приезжал и к другим иностранным представителям, и сделал следующее заявление:

«В России уже пролилось слишком много крови. До тех пор, пока я остаюсь главой этого правительства, ни один человек не будет лишен жизни, свободы или собственности, за исключением тех случаев, когда это делается по приговору суда. Мы больше не допустим, чтобы военные решали, кого им убивать, а потом задним числом собирали

военный трибунал, чтобы в глазах цивилизованного мира придать убийству видимость законности.

Я хотел бы привлечь ваше внимание к тому, что мы не сменили ни одного судьи и не собираемся никого менять. Здешний верховный судья был назначен царем и занимает судейское кресло уже восемнадцать лет, и земство намерено соблюдать вердикты гражданского суда».

Это заявление произвело на меня большое впечатление, поскольку говорило о намерении следовать закону, которого я не встречал, с тех пор как приехал в Сибирь. За те два месяца, которые пробыл во Владивостоке при власти земства, я не имел возможности узнать наверняка, будут ли они следовать этой политике, но что я действительно знаю, так это то, что за это время ни один человек не пожаловался мне на несправедливость со стороны властей. Если бы кого-то убили, я уверен, что известие об этом сразу же донеслось до меня, поскольку во Владивостоке нашлось бы много людей, желавших покритиковать новую власть.

Я внимательно наблюдал за земскими деятелями в течение тех двух месяцев, что оставался в Сибири, и скажу, что никогда не видел людей, которые бы так старались относиться ко всем честно и справедливо. Меня чрезвычайно удивляло, когда в газетах, которые я получал, писали, что улицы Владивостока залиты кровью, а большевики убивают каждого, у кого есть деньги и образование. Эти сообщения настолько не соответствовали реальности, что я не уставал недоумевать, откуда они берутся.

Во Владивостоке все прекрасно знали, что с 18 ноября 1919 года по 31 января 1920 года Розанов убил от пятисот до шестисот человек, не давая никаких разъяснений по поводу этих убийств. Розанов широко практиковал способ, когда сначала совершается убийство, а потом его легализуют решением военного трибунала, полученным задним числом. Этот способ был хорошо известен во Владивостоке. По просьбе женщины, жившей одно время в Нью-Йорке, я тщательно изучил информацию об одном из таких случаев.

Пока я был в Сибири, японцы в Приморской области вели себя смирно, но мистер Смит, американский представитель в Межсоюзническом комитете, телеграфировал из Забайкалья, что они делают все возможное, чтобы замедлить эвакуацию чехов. Они

отказывались пускать чехов в железнодорожные мастерские, где те могли отремонтировать локомотивы, необходимые, чтобы довезти их до Владивостока. Мистер Смит утверждал: «Чехи больше не собираются терпеть такое положение дел, они хотят взять все в свои руки».

Однако японцы, что было характерно для их поведения на протяжении всей интервенции, никогда не доводили дело до столкновения, и чехи продолжили свой путь на восток.

Последние два месяца со дня свержения Розанова и до 1 апреля 1920 года, когда отбыл последний «эшелон», с которым я покинул Сибирь, прошли для американцев без происшествий.

Было очевидно, что русским во Владивостоке совсем не нравилось видеть, что американцы уходят, а японцы остаются.

В качестве моего последнего официального акта на Русской земле, японцы и русские просили меня проинспектировать их войска. Русские первыми прислали мне приглашение, и я согласился, поэтому русские войска я проинспектировал за час до отплытия, а японские перед тем, как подняться на борт.

Прямо перед отплытием на борт вбежал корреспондент Ассошиэтед Пресс, который имел постоянную аккредитацию в Токио, чтобы рассказать, что японцы что-то затевают, но он не знает ничего конкретно. Я спросил его, откуда ему это известно, и он ответил, что один из японских официальных представителей, с которым он познакомился в Токио, только что выразил надежду, что американцы не станут думать, будто японский народ одобрит то, что японские военные намереваются сделать, как только я уеду.

Эти сведения показались мне достаточно важными, и я написал в Вашингтон следующее: «Только что один заслуживающий доверия американец сообщил мне, что, по словам официального представителя Японии, не стоит удивляться, если вскоре что-нибудь произойдет. Он сказал, что сам лично не одобряет действий, которые намерены предпринять японские военные, и не верит, что их одобрит народ Японии. Когда его спросили, не собираются ли японцы объявить войну, он сказал, что Япония входит в Лигу Наций и не может объявлять войну без согласия Лиги, но в Сибири японские военные могут вести себя достаточно независимо. Он также сказал, что штаб русских не преувеличивал, когда утверждал, что в Николаевске японцы

заклучили перемирие с русскими войсками и держались дружелюбно, а потом в час ночи вероломно атаковали штаб-квартиру русских, используя зажигательные бомбы и пулеметы. После двух дней боев японцы понесли тяжелые потери и были вынуждены сдаться».

Я отдал письмо полковнику Эйхельсбергу, которому, прежде чем ехать в Манилу, было приказано направиться в Токио и там, зашифровав письмо, в тот же день отправить его. Это было сделано, и письмо должно было оказаться в Вашингтоне не позднее 2 апреля.

Слова японского представителя, несомненно, относились к тому, что японцы сделали ночью 4 апреля.

Я получил полный отчет об этом происшествии, и сейчас он лежит передо мной, так что ни один человек в здравом уме не может сомневаться, что это была жестокая оккупация Владивостока, сопровождавшаяся беспощадной стрельбой на улицах, унесшей жизни людей. Представители земства согласились с требованиями японцев, и, насколько знал господин Медведев, никаких трений между ними и японцами не возникло.

У меня есть достаточно подробный доклад, сделанный одним из американских служащих, в котором последовательно показано, что японцы первыми начали стрелять, и сигналом были две красные вспышки, которые заметили морские офицеры, стоявшие на вахте на американском корабле «Олбани». Японцы оправдывали свое нападение, утверждая, что были атакованы. За два дня до отплытия из Владивостока я проезжал на машине по окраине города. Со мной был полковник Эйхельсберг. Мы увидели японцев, копавших траншеи и наполнявших мешки песком, как будто они готовились к обороне.

Мои личные отношения с японцами складывались лучше некуда. Но когда Соединенные Штаты и Япония вошли в Сибирь, анонсируя одну и ту же цель, пути ее достижения оказались настолько разными, что столкновения на официальном уровне стали неизбежны.

Генерал Юи отправил в порт оркестр, чтобы сопроводить музыкой отплытие транспортника «Грейт Нозерн», на борту которого я направлялся в Манилу, и, когда корабль отошел от причала, оркестр заиграл старую добрую американскую мелодию «Тяжелые времена больше не вернутся». Одни видели в этом просто прекрасную мелодию, другие усмотрели намек на наши официальные отношения.

Я чувствую, что рассказ о моем пребывании в Сибири был бы неполным без упоминания американских организаций и частных лиц, помогавших мне в работе. Мне также кажется, что читатель получит более ясное представление о сибирской интервенции, если я дам свое краткое заключение в отношении намерений правительств тех стран, которые отправили в Сибирь свои войска. Это заключение сформировалось у меня на основании действий представителей этих правительств.

Что касается американских военных в Сибири, то мне трудно выразить словами свою благодарность им за поддержку и преданность. При охране железной дороги экспедиционный корпус пришлось поделить на очень маленькие отряды, иногда всего по восемь человек, но все они выполняли свои обязанности в лучших традициях американской армии. Они понимали, что от них требуется, и поступали правильно, невзирая на клевету и оскорбления, которыми их осыпала пресса и люди, заинтересованные в том, чтобы представить их действия в неприглядном виде.

И хотя меня это не удивило, я в не меньшей степени благодарен американским офицерам и солдатам за то, что они – все до единого – продемонстрировали твердую веру в традиционную для Соединенных Штатов политику, основанную на том, что все страны должны сами решать свои проблемы, без помощи американских солдат. Намеренное искажение их действий, так же как и крики по поводу «большевизма», не смогло поколебать представления американских солдат и офицеров о том, что правильно и справедливо.

Наши войска очень обязаны флоту за самое сердечное сотрудничество, поддержку и помощь. Я лично испытываю особую благодарность адмиралу Найту и адмиралу Роджерсу за ряд ценных советов, которыми они помогли нам в самые трудные времена.

YMCA, проводившая традиционную для этой организации политику, оказывала помощь и поддержку всем нуждающимся, независимо от их политических взглядов и общественного положения. Она предоставляла свою помощь и американцам, и людям других национальностей. И только тот факт, что YMCA помогала русским напрямую, минуя российских официальных лиц, стал причиной несправедливых обвинений в неподобающих и неэтичных действиях.

Американская католическая организация «Рыцари Колумба» посвятила свое время, внимание и средства тому, чтобы предоставить американским солдатам и морякам возможность отдохнуть и развлечься. Услуги, оказанные этой организацией, оказались очень полезны.

Насколько мне удалось увидеть, американские благотворительные организации, за исключением Красного Креста, не только приносили пользу, но и следовали политике невмешательства во внутренние дела русских людей.

Американский Красный Крест в основном оказывал помощь войскам Колчака. В докладе, полученном мной от представителей Красного Креста во Владивостоке в отношении работы американского Красного Креста в Сибири, значилось следующее: «В деятельности Красного Креста можно выделить два основных аспекта: военная помощь и помощь беженцам. Военная помощь состоит в создании, оснащении и организации работы госпиталей, а также снабжении сибирской армии одеждой, бельем, другими предметами первой необходимости, доставке лекарств, медицинских инструментов и продовольствия для русских госпиталей».

Согласно моим наблюдениям, все эти госпитали были военными. Далее в докладе значится: «Вторая сторона деятельности заключается в сотрудничестве с Омским правительством. Это заказ для правительства Колчака по линии Красного Креста лекарств и других медицинских средств на сумму по меньшей мере 2 миллиона долларов. Этот огромный заказ, самый большой из всех, которые когда-либо отправлялись в Сибирь из Америки, предполагается выполнить как можно быстрее. В ближайшее время на запад предполагается отправить триста тысяч комплектов белья для русских войск. Первая партия этого белья должна прибыть во Владивосток 15 мая и будет немедленно переправлена на запад. За ней последуют другие крупные поставки».

Если судить по последнему заявлению, вся помощь, о которой говорится в докладе, была предоставлена Колчаку до мая 1919 года. У меня нет возможности узнать, сколько денег Красного Креста ушло на помощь войскам Колчака, но, находясь в Сибири, я слышал, что она достигала нескольких миллионов долларов. На мой взгляд, эта сумма чрезмерна.

Лично я считаю весьма прискорбным, что такое явное нарушение политики, объявленной Соединенными Штатами, было допущено американской благотворительной организацией, потому что в сознании русских людей невозможно было отделить действия Красного Креста от политики, за которую несло ответственность правительство Соединенных Штатов.

Для меня также не представляется возможным совместить действия некоторых правительств, участвовавших в интервенции в Сибирь, с объявленными целями этой интервенции.

8 августа 1918 года британцы сделали следующее заявление: «Мы идем, как друзья, чтобы помочь вам избежать расчленения и разрушения от рук Германии, которая пытается поработить ваш народ и присвоить себе огромные ресурсы вашей страны. Мы твердо заверяем вас, что не претендуем ни на пядь вашей земли. Судьба России в руках русских людей. Они, и только они будут решать, какое правительство хотят иметь, и искать решение своих социальных проблем».

Мне не удалось найти аналогичного заявления, сделанного французским правительством.

3 августа 1918 года заявление в отношении отправки войск в Россию сделали Соединенные Штаты: «Учитывая сложившиеся в настоящее время обстоятельства, правительство Соединенных Штатов считает допустимым проведение военной операции в России только для того, чтобы по возможности обеспечить содействие и защиту для чехословаков, которые подвергаются нападениям вооруженных отрядов австрийских и германских военнопленных, а также оказание помощи русским в организации самоуправления и самозащиты в тех случаях, когда они сами пожелают ее принять. И в Мурманске, и в Архангельске, и во Владивостоке единственной целью, стоящей перед американскими войсками, будет охрана военных складов, которые впоследствии могут понадобиться русской армии».

Полностью линия поведения Соединенных Штатов, которой должны были следовать американские войска, описана в первой главе. В тот же день, 3 августа 1918 года, свое заявление сделали японцы. В числе прочего там сказано следующее: «Принимая это решение (решение об интервенции), японское правительство руководствуется неизменным желанием развития дружеских отношений».

Оно подтверждает свою верность политике уважения территориальной целостности России и невмешательства в ее внутренние дела».

27 июля 1918 года в Вашингтоне сделал свое заявление Чехословацкий национальный совет: «Чехословацкая армия в России была создана, чтобы сражаться против Германии и Австрии, и, когда Россия отказалась от участия в этой борьбе, президент Чехословацкого национального совета и главнокомандующий чехословацкими войсками профессор Т. Г. Масарик договорился с представителями союзников в России и с большевиками о том, что чехословацкие войска уйдут из России, чтобы присоединиться к союзникам на Западном фронте. Следует ясно понимать, что в феврале 1918 года, когда были достигнуты эти договоренности, речь не шла ни об оккупации российской территории, ни о воссоздании Восточного фронта. И только из-за грубой ошибки Германии, вроде той, благодаря которой в войну вступила Америка, чехословаки вместо того, чтобы уйти из России, теперь контролируют Сибирь и значительную территорию к западу от Урала. ...Неделю назад (2 июля) профессор Масарик получил телеграфом пространный доклад от предводителя чехословацких войск, в котором нынешние желания его людей изложены в следующих словах: «По моему мнению, самым желанным и возможным является воссоздание русско-германского фронта на востоке. Мы просим указаний, должны ли мы уехать отсюда во Францию или остаться здесь, чтобы воевать на стороне союзников и России». После этого профессор Масарик дал войскам указание оставаться в Сибири».

Все эти заявления взяты из сборника «Российско-американские отношения 1917–1920, записки и документы». Следует принять во внимание даты, когда они были сделаны.

В отношении заявления британцев обращает на себя внимание то, что они не утверждали в явном виде, что не станут вмешиваться во внутренние дела России. Однако заявление составлено таким образом, чтобы создать впечатление, будто их предполагаемые действия в России продиктованы исключительно альтруизмом.

Сейчас при обсуждении целей интервенции надо понимать, что одна из главных причин, если не главная причина, намеренно и тщательно скрывалась.

Союзников очень беспокоило, что еще задолго до принятия решения об интервенции Советы распространили свою власть на Сибирь. Совершенно очевидно, что Англия, Франция и Япония входили в Сибирь с четким намерением бороться с большевизмом, но по какой-то причине они старались скрыть эту цель, прикрываясь идеей создания Восточного фронта, которую они действительно надеялись реализовать. Очень примечательно, что правительства, принимавшие участие в интервенции в Сибирь, считали неразумным позволить миру узнать, что они собираются предпринять попытку уничтожить Советы. В сущности, некоторые причины того, почему эта цель скрывалась, до сих пор неизвестны широкой публике.

В сборнике «Русско-американские отношения» под заголовком «Записи бесед, проходивших 16 января 1919 года в кабинете М. Пинчона министерства иностранных дел Франции» читаем: «Мистер Ллойд Джордж утверждал, что существует три варианта возможной политики. 1. Военная интервенция. Это правда, что распространение большевизма опасно для цивилизации в той же степени, что и германский милитаризм, но, прежде чем хвататься за меч, надо понять, кто это предложит. Если я сейчас предложу послать тысячу британских солдат в Россию с такой целью, армия взбунтуется. То же самое применимо к войскам Соединенных Штатов в Сибири, а также к канадцам и французам».

В то же время мистер Ллойд Джордж сказал: «Кроме того, по имеющейся у меня информации, похоже, что Колчак собирает вокруг себя представителей старого режима и сам в душе является сторонником самодержавия». В то время Колчак был у власти еще менее двух месяцев.

В связи с той же дискуссией в сборнике говорится, что в ответ на замечания мистера Ллойд Джорджа мистер Вильсон сказал, что он «не видит, что можно противопоставить утверждению мистера Ллойд Джорджа... Он не верит, что большевизм с его жестокостью может найти сочувствие где-то еще, если за этим не стоят какие-то серьезные политические и экономические интересы...».

Президент Вильсон утверждал, что он не удивился бы, если обнаружил, что британские и американские войска не готовы идти в Россию воевать с большевиками, потому что они не вполне уверены,

что, если им удастся победить большевизм, это не обернется восстановлением старых порядков.

Это утверждение президента поистине замечательно, поскольку история Соединенных Штатов не знает инцидента, когда войска сомневались, стоит ли им подчиняться приказам правительства, невзирая на свое личное мнение.

Это утверждение очень важно для понимания того, почему ни Советы, ни большевики не были упомянуты в публичных заявлениях, сделанных в августе 1918 года.

Что касается поведения британцев в Сибири, то генерал Нокс, который к формированию британской политики имел отношение больше, чем любой другой британец, не разделял взглядов Ллойда Джорджа. Считая Колчака русским либералом, он полагал, что после того, как британцы сделают его Верховным правителем, большевизм быстро исчезнет. Мое решительное утверждение, что британцы собирались дать власть Колчаку, основано на следующем заявлении мистера Уинстона Черчилля в палате представителей относительно правительства Колчака: «Британское правительство воплотило это в жизнь своими собственными усилиями, когда в этом возникла необходимость».

Это заявление вкупе с действиями британских войск в Омске в ночь, когда была свергнута Директория и Колчак провозглашен Верховным правителем, весьма показательны демонстрируют намерения Британии.

При царском режиме генерал Нокс был военным атташе в России. Он говорил по-русски и, несомненно, считал, что понимает русских людей. Возможно, он действительно понимал характер и особенности тех русских людей, с которыми общался в Петрограде, но мне трудно поверить, что он понимал чаяния огромных масс русского народа. Если бы он понимал этих людей, он не мог бы думать, как, очевидно, думал, что русские рабочие и крестьяне возьмут в руки оружие и пойдут воевать, чтобы отдать власть сторонникам Колчака, которые совершали такие зверства против людей, от которых они ждали военной поддержки. Генерал Нокс как-то высказал мне мысль, что «бедные русские люди просто свиньи».

Я лично никогда не думал, что у Колчака был шанс утвердить в Сибири свое правление, а вера генерала Нокса и ему подобных, что в

массе бедные русские люди свиньи и с ними можно обращаться как со свиньями, лишь ускорила его падение.

К тому времени, когда покинул Сибирь, генерал Нокс полностью разочаровался. Приехав ко мне, он сказал, что потерпел полное поражение, что ничего не сделал ни для России, ни для своей страны, ни для себя. Он мог бы пойти дальше и сказать, что не просто ничего не добился, он вызвал возмущение огромных масс русских людей против себя и своей страны.

Ни одно правительство, участвовавшее в интервенции в Сибирь, не смогло избежать негодования со стороны русских людей, но генерал Нокс был так напорист и настойчив, вмешиваясь в их внутренние дела, что вызывал более сильный гнев, чем любой другой иностранец в России.

Следует иметь в виду, что в отношении ситуации в Сибири далеко не все британские представители разделяли точку зрения сэра Чарльза Элиота и генерала Нокса. Когда генерал Нокс уехал, британскую миссию по старшинству возглавил полковник Уикэм. Через несколько дней он приехал ко мне и сказал, что, скорее всего, долго не продержится, потому что не хочет, чтобы правительство его страны оставалось в неведении относительно реального положения дел. Он подготовил доклад, который, как он считал, не понравится британскому правительству, поэтому полагал, что его снимут в ближайшее время. Еще полковник Уикэм сказал мне, что нашел в своем кабинете донесение британского офицера, который был у Деникина, и из этого донесения видно, что у Деникина ситуация похожа на ситуацию в Сибири. И если поменять названия мест и имена людей, зверства, которые совершались в Сибири, мало чем отличались от того, что происходило в той части страны, которая находилась под властью Деникина.

На примере действий французского генерала Жанена видно, что поведение французов в Сибири было таким же, как поведение англичан.

Чехи, судя по их заявлениям в Сибири, в противоположность абсолютизму верили в установление парламентской власти. Но несмотря на свои демократические идеи и отвращение к тому, как приверженцы Колчака обращались с народом под защитой иностранных войск и самих чехов, чешские лидеры жаждали

поддерживать добрые отношения с союзниками в благодарность за то, что союзники сделали для чешского народа.

Сделанное в ноябре 1919 года заявление чешского представителя доктора Гирзы, которое процитировано в предыдущей главе, отражало реальные чувства чехов в отношении зверств, совершенных против русского народа небольшой горсткой русских, которых иностранные войска защищали от наказания за их преступления. Когда в мае-июне 1918 года чехи выбили Советы из городов вдоль Транссибирской железной дороги и установили там власть в соответствии со своими взглядами, они не осознавали, что вмешиваются в конфликт, который предопределял установление в России либо абсолютистской, либо социалистической власти.

Я не представлял себе и думаю, мало кто из иностранцев мог представить, как глубоки в русских людях классовые чувства. Все мы знаем, что ко времени падения Колчака число большевиков в Сибири увеличилось во много раз по сравнению с тем, что было, когда мы только приехали в Сибирь. Офицер моей разведки, проанализировав доклады, полученные с разных участков Транссибирской железной дороги, пришел к выводу, что большевиков стало в десять раз больше. Думаю, это очень осторожная оценка.

Трудно понять, как могли японцы с такой решимостью заявлять русским людям в августе 1918 года, что они не намерены отступить от политики невмешательства во внутренние дела России, а потом совершать действия, которые, как я полагаю, никакая японская власть не смогла бы объявить соблюдением политики невмешательства. Собственно говоря, на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов по ограничению вооружений глава японской делегации барон Като официально заявил, что к тому времени, когда союзники в 1918 году направили свои контингенты в Сибирь, Япония приняла решение о предоставлении помощи Семенову с целью помочь ему остановить распространение большевистского влияния на Дальнем Востоке.

Член японской делегации на конференции по ограничению вооружений барон Шидехара официально заявил: «Военная экспедиция Японии в Сибирь в 1918 году изначально предпринималась в полном согласии и сотрудничестве с Соединенными Штатами. Первоначально предполагалось оказать помощь чехословацким войскам, которые во время своего путешествия

домой из Европейской России через Сибирь подвергались большой опасности со стороны враждебных сил под командованием немцев».

Первое официальное заявление, данное японским правительством относительно интервенции в Сибирь, было сделано 3 августа 1918 года.

27 июля 1918 года, за неделю до того, как американцы и японцы решили послать войска в Сибирь, Чехословацкий национальный совет в Вашингтоне, как уже было указано прежде, заявил: «...Чехословаки вместо того, чтобы уйти из России, теперь контролируют Сибирь и значительную территорию к западу от Урала».

Таким образом, чехи взяли под контроль Транссибирскую железную дорогу и большинство городов вдоль железной дороги и, определенно, решили не уходить оттуда ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО ТОГО, КАК ЯПОНИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРИНЯЛИ РЕШЕНИЕ ИДТИ ТУДА, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ ИМ ВЫЕХАТЬ ИЗ СИБИРИ.

Это следует из полного стенографического отчета полковника Эмерсона, процитированного выше, и подтверждено заявлением профессора Масарика, как президента Чехословацкого национального совета, о том, что он дал указание чешским «силам в Сибири пока оставаться там». Эти указания были даны в ответ на телеграфный доклад, посланный лидером чехов в Сибири и полученный в Вашингтоне 20 июля 1918 года.

По моему мнению, японцы постоянно самым вопиющим образом вмешивались во внутренние дела России с самого первого дня, когда я приехал в Сибирь, и до того, когда оттуда уехал. Они не отрицали, что поддерживали Семенова и Калмыкова, чьи действия под защитой и при поддержке японцев, безусловно, стали причиной возмущения народа Сибири, направленного не только против Японии, но и против других наций, принимавших участие в интервенции. Сибиряки наверняка думали, что это присутствие иностранных солдат дает казакам возможность мучить, грабить и убивать мужчин, женщин и детей. Они наверняка пришли к такому выводу, поскольку это подтверждали упрямые факты. Эти факты были и, возможно, остаются скрытыми от американского народа, но их невозможно было скрыть от русских людей.

Действия этих казаков и других колчаковских командиров, совершавшиеся под защитой иностранных войск, стали ценным

вкладом в дело большевизма, лучше которого трудно придумать. Зверства были такого рода, что русские наверняка будут помнить их и рассказывать о них еще лет пятьдесят после того, как они произошли.

Тот факт, что, оказывая финансовую, моральную, материальную и военную помощь казакам, японцы имели какую-то другую цель, совершенно очевиден. Их заявление, сделанное на конференции по ограничению вооружений относительно целей, которых они собирались добиться с помощью интервенции в Сибирь, не способно убедить человека, который имел дело с японскими военными в полевых условиях. Все те, кто не принадлежал к кругу посвященных в отношении намерений японцев, к числу которых принадлежал и я, ждали, что Япония должна провозгласить Семенова диктатором на всей территории Сибири к востоку от Байкала, чтобы хозяйничать в Восточной Сибири, не будучи обвиненными в недобросовестности, когда нарушали свои обещания, данные русским людям в августе 1918 года. Трудно только определить, почему это не было сделано, когда дважды или даже трижды ситуация казалась до такой степени созревшей, что японцам оставалось лишь сделать последний шаг, чтобы сорвать заветный плод. Конечно, я видел лишь действия японских военных и не мог знать, одобряет ли эти действия правительство Японии. Однако неспособность японских военных завершить свой очевидный план кажется мне подтверждением того, что на них влияло что-то еще. Возможно, поведение их собственного правительства, возможно, действия других правительств, в том числе нашего.

Китайские войска в Сибири оставались верными обязательствам, которые взяли на себя, строго следуя своим интересам, и не вмешивались в дела других.

Прийти к логическому заключению относительно причин, заставивших участвовать в интервенции Соединенные Штаты, гораздо сложнее, чем в случае любой другой нации. Мне удалось найти удовлетворительное, на мой взгляд, объяснение, почему в интервенции участвовали другие нации, но я так и не смог прийти к какому-либо удовлетворительному заключению, почему Соединенные Штаты вообще ввязались в эту интервенцию.

Должен признать, что причины интервенции, указанные Соединенными Штатами в заявлении от 3 августа 1918 года, были

неискренними и неполными, а в данных мне предписаниях, процитированных в первой главе, говорилось, что «военная акция в России возможна только для того, чтобы помочь чехословакам консолидировать их силы и наладить успешное сотрудничество с родственным славянским народом». Это датировано 17 июля 1918 года, но не было известно ни мне, ни широкой публике до 3 августа 1918 года.

По меньшей мере за месяц до того, как я получил свои предписания, генеральному консулу в Сибири Харрису и генеральному консулу в европейской части России мистеру Девицку С. Пулу было известно, что чехи не нуждаются в помощи, что они взяли под контроль Транссибирскую железную дорогу и выбили Советы из находящихся вдоль нее городов, установив в этих городах свою власть. Что они не собираются уходить из Сибири, и это подтверждено решением Чешского национального совета в Вашингтоне по меньшей мере за неделю до того, как мне приказали отправиться в Сибирь, чтобы помочь им выехать. Трудно поверить, что с профессором Масариком, который был главой Чешского национального совета, находившегося в Вашингтоне, не консультировались по поводу отправки войск Соединенных Штатов в далекую Сибирь на помощь чехам.

Генеральный консул Харрис известил полковника Эмерсона, что 2 июля 1918 года он получил от «пекинской миссии» информацию о том, что чехи не собираются уходить из Сибири. Весьма неопределенное заявление, когда обращаешься к должностному лицу со специфическими обязанностями.

Мистер Харрис не говорит, что информация получена от американского посольства, однако считает ее достаточно ясной, чтобы начать действовать. Должно быть, он получил ее от кого-то из сотрудников американского посольства в Пекине, и я предполагаю, что эта информация пришла через Пекин из Вашингтона, поскольку до мистера Харриса проще было достучаться таким путем, чем через американского посла в России, в это время находившегося в Вологде.

От полковника Эмерсона я узнал, что Советы пытались выдворить чехов из Сибири за два месяца до того, как я получил свои предписания, а они решили не уходить. Советы предлагали отправить с ними сопровождающих, чтобы их не задерживали по пути во

Владивосток. В моих предписаниях утверждалось, что помощь чехам надо оказать незамедлительно. Как я только что показал, это была ошибка или намеренное недопонимание. Неужели возможно, что во время составления моего предписания в Вашингтоне не знали, какова реальная ситуация с чехами?

В это время Соединенные Штаты имели в Сибири своих консульских представителей. Генеральный консул Харрис находился в Иркутске и ездил на запад, чтобы увидеть, нужно ли помогать чехам выбраться из Сибири, и еще до того, как были написаны мои предписания, прекрасно понимал, что они не собираются уходить и не нуждаются в помощи. Естественно, возникает вопрос, были ли сообщения об этом отправлены представителями Соединенных Штатов и проигнорированы Вашингтоном, или мои предписания были написаны, основываясь на пропагандистских вымыслах в отношении чехов, поскольку американское консульство в Сибири не передало реальную информацию? Как было установлено, чехи захватили Транссибирскую железную дорогу, и, даже если их положение в европейской части России требовало помощи, это никак не отразилось на данных мне инструкциях, поскольку мне было приказано не заходить западнее Иркутска.

Соединенные Штаты заставили поверить, что Советы выпустили немецких и австрийских военнопленных, которых держали в Сибири, что не соответствовало действительности, как показали сообщения представителей Соединенных Штатов, отправленных, чтобы прояснить ситуацию, а также информация из других источников, ставшая достоянием гласности.

Помимо чехов американцы должны были охранять военные склады, которые в будущем могли понадобиться русской армии, однако недостаток взаимодействия между различными американскими представителями в Сибири не позволил добиться больших успехов в этом отношении.

Остается обсудить ту часть американской политики, которая выражена словами «поддержать любые усилия по реализации самоуправления и самозащиты, если русские будут готовы принять такую помощь». Это та самая зацепка, которая дала Государственному департаменту в лице мистера Пула, используя генерала Черчилля,

обвинять меня в том, что я не выполнил эту часть своего приказа, поскольку не помог «поддержать» Колчака.

Мне кажется совершенно очевидным, что военное министерство никогда не рассматривало возможность того, чтобы военные выбрали в России какую-то политическую группировку и помогали ей без предварительного принятия Вашингтоном решения о том, насколько желательна такая помощь. Как бы там ни было, военное министерство смотрело на мои предписания так же, как я.

Я не мог не прийти к убеждению, что мистер Пул в Вашингтоне и мистер Харрис в Сибири – оба являвшиеся чиновниками Государственного департамента – были очень обеспокоены тем, чтобы я направил американские войска на борьбу с большевиками. Мистер Пул, который до того, как уехать в Вашингтон, был генеральным консулом в Архангельске, видел, как американские войска использовались в таком качестве. Я также считаю, что оба этих чиновника, судя по их критическим замечаниям и предложениям, надеялись, что я буду использовать американские войска, как желают они, а не как мне приказано военным министром.

Различная политика, которую проводили разные американские представители в Сибири, отражалась на их поведении относительно предложений, исходивших от союзных командующих. Легко заметить, что при возникновении разногласий английское, французское и японское командование почти всегда оказывалось на одной стороне, а американское, китайское, канадское, чешское и итальянское – на другой.

Войска Соединенных Штатов очень добросовестно следовали политике избегания конфликтов между различными русскими группировками, и это было возможно до тех пор, пока они не получили приказ охранять железные дороги, что заставило их нарушить нейтралитет, поскольку на практике оказалось, что железные дороги эксплуатируются исключительно сторонниками Колчака и в его интересах. Я обеспечивал поставку Колчаку оружия и боеприпасов для его боевых частей, поскольку 12 июля 1919 года наш президент согласился помочь ему «боеприпасами, предметами первой необходимости и продовольствием». Я не мог совместить эти действия с принципами невмешательства во внутренние дела России. Однако Государственному департаменту это, похоже, удалось, потому что 7

ноября 1919 года, после того как, по меньшей мере, боеприпасы были переданы Колчаку, он заявил: «Правительство никоим образом не предлагает отойти от принципов невмешательства во внутренние дела России». Я сомневаюсь, что какой-либо непредвзятый человек мог бы согласиться с тем, что Соединенные Штаты не вмешивались во внутренние дела России. Своим вмешательством Соединенные Штаты помогали непопулярному монархически настроенному правительству, которое не поддерживало большинство народа. Благодаря этим действиям Соединенные Штаты заслужили негодование более девяноста процентов населения Сибири.

На Дальнем Востоке все знали, что линия поведения американских войск отличалась от линии поведения войск других стран, и я полагаю, что все русские, за исключением сторонников самодержавия, были очень благодарны Соединенным Штатам за их старание соблюдать нейтралитет во внутрироссийских конфликтах.

Но для огромного большинства русских, которые не были лично знакомы с ситуацией в Сибири, решающим являлся сам факт и обстоятельства интервенции, оставлявшие в тени отдельные связанные с ней детали, и в результате их возмущение распространилось в равной степени на все участвовавшие в ней нации.

Какие оправдания есть у этой интервенции с точки зрения международного права? Вопрос не стоял об угрозе жизни и собственности американских граждан или о том, что такая угроза может возникнуть в будущем. Также Соединенные Штаты не могли сослаться на то, что интервенция – это мера, использованная для победы в войне, поскольку никто определенно не мог считать ее таковой.

Я сомневаюсь, что в истории прошлого века найдется упоминание какого-то более вопиющего случая попрания хорошо известной и принятой всеми государствами практики международных отношений и использования права силы вместо общепризнанных принципов международного права.

Я полагаю, невозможно опровергнуть тот факт, что интервенция в Россию не дала положительных результатов с точки зрения всего, что интересовало иностранцев, и она, несомненно, способствовала сплочению огромных масс русских вокруг Советов. Это видно по той готовности, с которой жители Сибири приняли московское

правительство после ухода союзников. Я сознаю, что очень трудно было понять истинные симпатии людей в тех условиях, с которыми я столкнулся в Сибири, но последующие события показали, что они действительно склонялись в сторону социализма.

Первые несколько месяцев своего пребывания в Сибири я считал, что если Англия, Франция, Япония, Соединенные Штаты и чехи искренне поддержат более либеральную власть, какой было Всероссийское временное правительство, свергнутое 18 ноября 1918 года в основном при помощи британцев, которым оно показалось слишком либеральным, то оно может победить. Такое мнение сформировалось у меня после разговоров со многими русскими самых разных политических воззрений. Однако постепенно я пришел к выводу, что у большинства русских было гораздо более твердое убеждение в том, какое правительство нужно России, чем я первоначально полагал.

Природе человека присущ тот самоочевидный факт, что никакая власть не может рассчитывать на поддержку людей, если она держится на иностранных штыках. Колчак это понимал. Я слышал, как он говорил мистеру Моррису, что не хочет, чтобы за него сражались иностранцы, поскольку в силу своего характера русские разбегутся от него, если он получит от иностранцев активную военную помощь. Это присуще не только русским, это характерно для всех народов.

Тот факт что либеральное и отчасти социалистическое правительство Керенского смогло продержаться всего восемь месяцев, ясно показывает, что русским было предопределено иметь либо самодержавное, либо ультрасоциалистическое правительство, и к тому времени, когда 1 апреля 1920 года уехал из Сибири, я был убежден, что в России будет либо одно, либо другое.

Полный крах усилий Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля не свидетельствует о том, что русский народ предпочитал самодержавие.

Находясь в моем положении, невозможно было определить, насколько сильно бездарные действия сторонников Колчака настраивали народные массы против него, поэтому особенно интересно изучить выводы, сделанные разными авторами по поводу сибирской интервенции и ее результатов.

Доктор Шуман в своей книге «Американская политика в отношении России с 1917 года» пишет: «Американская экспедиция в

Сибирь закончилась таким же полным и бесславным провалом, как не смогли добиться поставленной цели войска, отправленные в Архангельск».

Далее доктор Шуман утверждает: «Военная интервенция была предпринята под предлогом вызволения чехо-словаков и помощи русским в их усилиях по построению своей новой власти».

Как я понимаю, доктор Шуман обвиняет Соединенные Штаты в недостаточной искренности при объявлении целей интервенции. Я пришел к такому же заключению.

Доктор Шуман пишет: «Под предлогом охраны железных дорог и экономической помощи Сибири была предпринята попытка ликвидировать республику Советов».

Результаты, к которым привела охрана железных дорог, подтверждают выводы доктора Шумана, однако я не верю, что, заключая Железнодорожное соглашение, Соединенные Штаты в лице посла Роланда С. Морриса намеревались свергнуть советскую республику. Он надеялся и верил, что это соглашение принесет облегчение многострадальному русскому народу. Лично я не предполагал, что приверженцы Колчака будут до такой степени противиться оказанию помощи простым людям, как они это делали, и не верю, что мистер Моррис ожидал, что Железнодорожное соглашение будет использовано исключительно в интересах сторонников Колчака.

Мистер Луис Фишер в своей книге «Советы и международные дела», том 1, заявляет: «Американская интервенция в Сибирь была мрачной и бессмысленной трагикомедией, такой же, как интервенция на север России».

Ни доктору Шуману, ни мистеру Фишеру не удалось прояснить, был ли это провал политики правительства Соединенных Штатов, или в нем виноваты американские представители, принимавшие участие в интервенции, но эта «мрачная трагикомедия» начала разыгрываться в тот момент, когда Соединенные Штаты согласились принять участие в военной интервенции в Сибирь.

Несмотря на то что было бы фантазией считать действия Америки «военными», факт остается фактом, что эти действия были интервенцией и как таковые означали вмешательство во внутренние

дела России, где продолжалась Гражданская война, которая принесла с собой неслыханные людские потери и разорение.

Что касается отношения Британии к этой интервенции, доктор Страйковский с исторического факультета Джорджтаунского университета в своей статье, опубликованной в марте 1931 года в сборнике «Современная история», пишет: «Не стоит удивляться тому, что специальный доклад комиссии, собиравшей информацию о России в 1920–1921 годах и представленный парламенту по велению короля, должен был содержать следующие горькие, но справедливые слова: «Что касается интервенции, многочисленные и почти единодушные свидетельства очевидцев показывают, что военная интервенция союзников в Россию способствовала усилению и сплочению советской власти... Имеются свидетельства того, что к моменту начала военной интервенции большинство русской интеллигенции было настроено в пользу союзников, и особенно Великобритании, однако позже отношение русских людей к союзникам сменилось равнодушием, недоверием и антипатией». Вот какую награду получили Великобритания и Франция за свои действия в России».

В качестве иллюстрации точки зрения японцев относительно результатов интервенции приведу мнение японского журналиста с многолетним опытом господина К. К. Каваками. В своей книге «Тихоокеанская политика Японии» он пишет: «Конечно, самые грубые ошибки допустила Япония, но Соединенные Штаты и Великобритания тоже не обошлись без промахов.

Главной целью Японии в Сибирской экспедиции было противодействие распространению большевизма и восстановление закона и порядка, и она последовательно следовала этой политике».

Идеи господина Каваками о том, что означает закон и порядок, отличаются от представлений большинства из нас. У британцев и японцев, находившихся в Сибири, было принято считать русских, которых они поддерживали, силами закона и порядка. Однако это определение не подтверждалось фактами, и они скорее представляли собой силы беззакония и беспорядка.

Господин Каваками также пишет:

«С самого начала американские идеи о том, что следует предпринять в Сибири, отличались от японских. Американцы считали, что их совершенно не касаются внутренние дела России и что они

приехали в Сибирь не для того, чтобы бороться с большевизмом и большевиками. Японские солдаты, напротив, верили, или их заставляли верить, что большевики их враги и что они посланы в Сибирь, чтобы сражаться с большевизмом. В конечном счете мудрым и правильным оказалось поведение американцев».

Также господин Каваками заявляет: «Сибирская экспедиция обернулась огромным фиаско, вина за которое лежит на странах-союзницах. Сама отправка этой экспедиции была большой ошибкой. Америке следовало твердо стоять на своей первоначальной позиции отказа от идеи любой интервенции. Когда летом 1918 года американское правительство изменило свое мнение, оно допустило самый непоправимый промах. И конечно, Англия ошибалась так же глубоко, как Япония и Соединенные Штаты. Это благодаря политике Великобритании было создано Омское правительство Колчака. И в дальнейшем Британия поддерживала Колчака деньгами и боеприпасами».

Я могу полностью согласиться с процитированным выше утверждением господина Каваками. Действия иностранных представителей не всегда были до конца бескорыстными и свободными от желания воспользоваться ситуацией для получения собственной выгоды в будущем.

Несомненно, что британцы надеялись получить особые преференции в случае, если Колчак сможет установить в России свою власть, тогда как японцы рассчитывали стать решающей силой в Сибири при любом правительстве, о чем говорит их поведение в отношении Колчака в первое время его пребывания у власти.

Судя по всему, все сходится во мнении, что интервенция была фундаментальной ошибкой, и ее единственный возможный плюс для любой из союзных наций и для Соединенных Штатов должен заключаться в осознании того, насколько непростителен отход от общепринятой практики отношения одних наций с другими, и что результаты такого отхода оказываются близки к катастрофическим.

Я командовал войсками Соединенных Штатов в Сибири и должен признать, что не знаю, чего Соединенные Штаты пытались добиться этой военной интервенцией.

Как было показано выше, не стоит придавать большого значения сделанному Соединенными Штатами в августе 1918 года заявлению,

что войска были посланы, чтобы спасти чехов от немецких и австрийских военнопленных, которые, как сообщалось, были освобождены из тюрем и организовались в отряды с целью захватить военные склады во Владивостоке и, обеспечив контроль над Транссибирской железной дорогой, отправить оружие и боеприпасы в Германию. Эти сообщения не соответствовали действительности. Для того чтобы выяснить реальное положение дел, был направлен из Пекина майор армии США Дрисдейл и из Москвы мистер Вебстер, и оба доложили, что эти сообщения не имели под собой оснований.

Доктор Шуман заключает: «Военные действия велись под предлогом того, чтобы показать русскому народу путь к миру и демократии. Под видом охраны железных дорог и оказания экономической помощи Сибири была предпринята попытка свержения советской власти».

Старания представителей Государственного департамента помочь Колчаку, единственной целью которого было уничтожение Советов, подтверждают вывод, что Соединенные Штаты участвовали в попытке свергнуть Советы, поскольку Колчак, несомненно, воевал именно с ними.

Соглашение с союзниками, к которому присоединился президент Вильсон 12 июня 1919 года «с целью помочь правительству адмирала Колчака боеприпасами, предметами первой необходимости и продовольствием, чтобы оно могло утвердить свою власть в России», также подтверждает правильность этого вывода.

Следует отметить, что президент Вильсон не дал согласия, чтобы войска Соединенных Штатов использовались Колчаком для уничтожения Советов. Доказательством того, что президент Вильсон не имел намерения использовать войска Соединенных Штатов для военной помощи Колчаку, служит его заявление от 26 июня 1919 года, всего через две недели после того, как он согласился помочь ему боеприпасами и продовольствием. Тогда в ответ на запрос сената он сказал: «Предписания, данные генералу Грейвсу, приказывают ему не вмешиваться в дела русских».

Нет сомнений, что военное министерство строило американскую политику в России, нашедшую отражение в данных мне приказах, исходя из того, что американские войска должны соблюдать нейтралитет во внутрироссийских конфликтах. Это видно из

телеграммы начальника Генерального штаба генерала Марча от 28 марта 1919 года, где говорится, что я должен следовать политике невмешательства – которой я и следовал – до тех пор, пока она не будет изменена президентом – чего никогда не случилось.

Мое личное убеждение состоит в том, что он следовал этой политике, поскольку не существовало никакого иного курса, который бы не нарушал положения конституции Соединенных Штатов о том, что война не может быть объявлена без одобрения конгресса.

Если американские войска не могли быть использованы для проведения политики, которой следовал Государственный департамент, тогда зачем их отправили в Сибирь? Если Соединенные Штаты были обмануты в отношении угрозы со стороны немецких и австрийских пленных и послали свои войска в Сибирь, чтобы заблокировать эту угрозу, то почему их не отправили домой после заключения перемирия, а продолжали держать в Сибири без какой-либо надобности с ноября 1918 года по апрель 1919 года, когда было заключено Железнодорожное соглашение?

Отсутствие информации об интервенции в Россию со стороны правительств Соединенных Штатов и союзников указывает, что у правительств, принимавших в ней участие, слишком мало поводов для гордости в связи с этим предприятием.

Но кто в этом виноват?

---

notes

СНОСКИ

Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – казачий атаман, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант белой армии. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Калмыков Иван Павлович (1890–1920) – войсковой атаман
Уссурийского казачьего войска.

3

Государственный переворот (*фр.*).

Сыровый Ян (1888–1971) – командир чехословацких легионов в России и премьер-министр Чехословакии во время подписания Мюнхенского договора в 1938 г.

Штефаник Милан Растислав (1880–1919) – один из руководителей Чехословацкого национального совета. Один из руководителей антисоветской интервенции в Сибирь.

6

Масарик Томаш (1850–1937) – первый президент Чехословацкой республики.

Иванов-Ринов Павел Павлович (1869–?) – деятель Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке 1918–1922 гг., полковник, генерал-лейтенант, атаман Сибирского казачества.